

КОСЯК ДАВЫДЕНКО

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

УДАР ПЪРВО

Удар Дьявола

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ
КСЕНИЯ ДАВЫДЕНКО

2016

Глава I.

Религию к ногтю

Приятным январским вечером мы с коллегами сидели в кафе, пили чай и вели разговор о событиях, происходивших за этими теплыми стенами. Как обычно, речь зашла о религии, наглых поползновениях РПЦ и террористах-исламистах.

— Если бы я была у власти — расстреляла бы, — непринуждённо заметила я и вздрогнула от звонка телефона. Номер показался знакомым.

— Кто это?.. Ты... Я обещала?.. Ах да!.. Наша встреча... Да-да, в кафе...

— Кто это?.. — спросил один из коллег, но неожиданно замолчал.

Я выключила телефон и, подняв голову, увидела его. «Как? Уже ? Но... я только что...» — пронеслось в голове.

— Как ты нас нашел? - только и смогла сказать.

— Я всегда нахожу тех, кто мне нужен, — ответил он и присел рядом. Так же быстро перед ним оказалась большая кружка черного чая, из которой он сделал большой глоток и поздоровался с изумленными от такой неожиданности моими знакомыми.

— Здравствуйте! Я Алексей.

— Вы... — начал было один из коллег, обращаясь к Алек-

сею.

— Да, вы вели разговор о религии. Я знаю. Не удивляйтесь. Сейчас это многие обсуждают, — ответил Алексей и внимательно глянул прямо ему в глаза.

— Как ты думаешь, что нужно делать с попами-педофилами? — спросила я, продолжая начатую тему.

— Церковь Сатаны всегда выступала против насилия над детьми — символом цветущей юности. Священники христианских конфессий не просто физические педофилы, они ещё педофилы духовные. Но я не склонен с ходу их расстреливать, — ответил Алексей и лукаво улыбнулся. — У меня для них есть другие испытания.

— Так вы сатанист?! — чуть ли не хором выдохнули сидящие рядом.

— Вы удивлены? Озадачены? Испуганы или обрадованы? — Алексей явно был доволен произведенным эффектом.

— Ты им не говорила? — обратился он ко мне.

— Ты появился так неожиданно, что я просто не успела предварительно о тебе рассказать. А если вопрос касается самого сатанизма, то мы не успели еще поднять о нем тему. Ни для кого не секрет, что сейчас сатанизм вызывает негативную реакцию у тех, кто не пытается разобраться в нём. Вся причина в том, что...

— Простите, Ксения, но Вы атеист. Не противоречиво ли с вашей стороны то, что вы критикуете ислам и христианство, все религии в целом, где поклоняются божеству, но пытаетесь до нас донести, что поклонение Сатане — это нормально? — перебил меня один из сидящих с нами.

— А о каком Сатанизме именно вы говорите? — ответила я. Алексей же слушал и улыбался слегка ехидной улыбкой, пряча её за поднесенной к лицу кружкой чая, которая казалось бездонной.

— А разве есть какая-то разница? САТАНА — это Бог.

Вид сзади.

— Мы здесь говорим не о божестве, а об архетипе. Поэтому я вас и спросила, о каком сатанизме излагаете. Сатанизм бывает слишком разным. Архетипу никто не поклоняется.

— Когда вы говорите о разных типах сатанизма, то я хочу вам напомнить, что Церковь Сатаны считает, что сатанизм может быть только один. Если кто-то считает, что Сатана требует поклонения, то он не сатанист, а дьяволопоклонник или, проще говоря, христианин наоборот, — неожиданно вступил в разговор Алексей, в его голосе почувствовалась резкость. — «Сатанист», поклоняющийся Сатане, — это христианин, вид сверху, — саркастически произнес он и продолжил, — сатанист, в действительности, тот, кто считает себя богом или Сатаной. Ему не нужно поклонение или служение кому бы то ни было, в том числе и вымышленным богам.

— На мой взгляд, спор выведенного яйца не стоит, — вмешалась я. — Строго говоря, атеизм — это вообще не мировоззрение. Это всего лишь тезис, который может быть частью самых разных мировоззрений. Раз пошла такая пьянка, можно быть сатанистом и атеистом одновременно, поскольку в сатанизме нет бога, а в атеизме — жизненных принципов.

— Да, Ксения! Я согласен с тобой, — Алексей поставил кружку на стол. Она была пуста. — Наша дискуссия ушла не туда. Что бы мы сделали, будь у нас власть влиять на события? Что бы сделали вы, Ксения?

Алексей посмотрел мне в глаза так, словно в них отражались ответы на все вопросы мироздания. Я задумалась.

Погрузившись в свои мысли, я не заметила, как погрузилась в свою мечту. Мое сознание было полностью отключено от реальности. Я не замечала никого вокруг, видела совершенно другие пейзажи, наблюдала за собой со сторо-

ны. Не успев разглядеть себя как следует, я отвернулась и увидела, что сижу в огромном кабинете, за большим столом. Над моей головой висел герб моей страны, а на столе лежал бланк, на котором в правом верхнем углу было написано: «Президенту...». Тут у меня закружилось в голове, и острая мысль, словно молния, пронзила мое сознание: «Я представитель власти. Я президент!».

Решив разобраться в происходящем, я взяла письмо и углубилась в его изучение. Это была первая мысль, что невольно пришла мне в голову. Незамедлительно читаю письмо...

«Уважаемая Ксения Валентиновна!

К Вам обращается мать пострадавшей 12-летней девочки, которую изнасиловал представитель христианской церкви. Такое ощущение, что меня больше никто не хочет слышать. Суд не предоставил насильнику подходящей меры наказания, найдя в этом ужасном преступлении смягчающие обстоятельства. Я больше не верю в справедливость. Но у меня осталась последняя надежда, что мое письмо дойдет до Вас. Пожалуйста, не оставайтесь равнодушными к моей беде, примите меры и накажите того, кто испортил жизнь моей дочери».

К письму была приложена докладная записка:

«Президенту Аллен К.В.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий было выяснено, что данное преступление совершено представителем христианской конфессии, священнослужителем Н. Но в ходе судебного процесса многие свидетели отказывались от своих первоначальных показаний против священнослужителя Н. По сведениям, полученным из агентурных источников, на них оказывалось давление со стороны высших церковных чинов, так как все свидетели принадлежали к данной

ТРИЛЛЕР «УДАР ДЬЯВОЛА»

конфессии. Могу констатировать, что прорехи в законодательстве о религиозных организациях мешают правосудию решить вопрос о предотвращении давления на верующих со стороны их священнослужителей. Министр МВД».

«Я не собираюсь долго ломать голову и бессмысленно рассуждать, пока насильник свободно разгуливает и чувствует себя уверенно. Смертная казнь через расстрел — это единственная справедливая мера наказания. Обжалованию не подлежит. Немедленно мой приказ привести в исполнение. Мы должны устранять источник падения камней, а не получать очередной раз камнем по голове. Разве это не по совести?» — меня так трясло от переполнявших мою голову мыслей и ярости, что я не заметила, как в кабинет открылась дверь, и, неслышно ступая, ко мне стал кто-то подходить. И только легкое шуршание, похожее на шуршание змеиной кожи, я неожиданно отчётливо услышала.

— Госпожа президент! Не надо так торопиться с расправой, — услышала я голос Алексея, моего советника.

Я посмотрела и увидела его лицо с неизменной лукавой улыбкой. Несомненно, он уже что-то придумал.

— Я только что прочитала письмо... — начала было говорить я.

— Да-да, я знаю. Это я его вам принес, — мой советник подошел ближе и продолжил. — Недавно у нас был разговор о религии.

— Я помню. Я наговорила много чего, — мои мысли начали сбиваться в кучу, пытаюсь докопаться до сути моего желания. — Ах, да... Нам нужно подумать над проектом закона о религии. Когда мы сможем решить этот вопрос? У меня очень плотный график.

— Ксения Валентиновна, вопрос уже решен, — Алексей заговорщицки улыбнулся, и в его руках неожиданно возникла черная папка. Или она все время была в его руках? Он

всегда ходит в черном?

— Какой вопрос? Закон уже готов? Но так быстро?! Не может быть! — я не ожидала такого поворота событий. — Я желаю его прочесть!

Алексей открыл папку и положил передо мной на стол несколько листов на гербовой бумаге.

«Надо же! Готово уже к подписанию», — подумала я и углубилась в чтение документа, который должен был изменить отношения религии и государства...

«Закон о религии и религиозных организациях

Религия отделена от государства.

Ни одна религия не может быть принята как государственная идеология.

Все религии равны перед законом.

Все граждане, принадлежащие к религиозным организациям, не имеют привилегий перед гражданами, не принадлежащими к таковым.

Каждый гражданин, объявляющий себя религиозным, обязан зарегистрироваться в той религиозной организации, религию которой он исповедует.

Если религиозные взгляды гражданина не совпадают ни с одной из конфессий, он обязан объявить о своей автономной религии и зарегистрироваться как лицо автономной религиозности в отделе по делам религии и надзору за религиозными организациями.

Формы религиозных организаций и объединений

Граждане имеют право создать религиозную организацию или объединение любой формы: церковь, приход, религиозная группа.

Религиозные центры

Граждане, состоящие в религиозных организациях или

объединениях, имеют право на строительство своих религиозных центров на территориях, выкупленных ими у частных лиц, коммерческих организаций или государства. Бесплатное предоставление таких участков запрещено.

Количество религиозных центров пропорционально количеству верующих, живущих на определенной территории. Пропорциональность определяется в отделах по надзору за религиозными организациями.

Отдел по делам религий и надзору за религиозными организациями

Отдел по делам религий и надзору за религиозными организациями является государственной службой и работает согласно конституции и закону об отделе по делам религии и надзору за религиозными организациями. Инструкции, исходящие из отдела по делам религий и надзору за религиозными организациями, являются подзаконными актами и могут быть оспорены исключительно в судебном порядке.

Финансирование религиозных организаций и объединений, и лиц автономной религиозности

Финансирование религиозных организаций и объединений, и лиц автономной религиозности осуществляется за счёт средств самих членов, состоящих в религиозных организациях, объединениях и в частном порядке, для лиц автономной религиозности.

Коммерческая деятельность религиозных организаций и объединений ведется на общих основаниях и подлежит налогообложению, как любая форма коммерческой деятельности, в зависимости от выбранной формы хозяйствования.

В сферу деятельности религиозной коммерческой структуры может входить исключительно производство и продажа предметов религиозного культа, религиозной литературы и религиозный туризм.

Коммерческие структуры, основанные религиозными организациями, не имеют права на льготное налогообложение.

Если уставом религиозной организации или объединения предусмотрена церковная десятина (церковный налог на прихожан в размере 10 процентов от дохода), то граждане, состоящие в религиозной организации или объединении, обязаны выплачивать его точно и в срок, согласно уставу. Руководство религиозной организации или объединения имеет право потребовать от работодателя своего прихожанина предоставить справку о его доходах.

Уклонение от выплаты церковного налога наказывается штрафом в размере церковного налога, с выплатой в государственную казну. Уплата штрафа не отменяет выплату церковного налога в церковную казну.

Гражданин может быть освобожден от церковного налога и, как следствие, наложенного штрафа при документально засвидетельствованном отказе от своих религиозных убеждений. Данное действие должно быть задокументировано в письменном виде в отдел по делам религий и надзору за религиозными организациями при президенте.

Священник религиозной организации или объединения, уличенный в краже церковного имущества и денежных средств, будет в судебном порядке выплачивать стоимость украденного в двукратном размере в пользу религиозного объединения, а также штраф в пользу государства в трехкратном размере от стоимости украденного.

Регистрация граждан, желающих стать членами религиозных организаций или объединений

Членом религиозной организации может стать только лицо, достигшее совершеннолетнего возраста.

Запрещается проведение религиозного обряда крещения с лицами, не достигшими совершеннолетия. Родители,

опекуны лишаются родительских прав и опекуинства, если нарушили закон умышленно или непредумышленно.

Представитель религиозного культа, выполнивший религиозное действие с лицом заведомо не достигшим совершеннолетнего возраста, приговаривается к исключительной мере наказания.

Гражданин, желающий присоединиться к религиозной организации или объединению, обязан пройти тест на знание основных положений выбираемой религии, догматов, истории, церковной службы, богословия (на уровне катехизиса), молитв (если таковые имеются).

Для подготовки экзамена и тестирования при религиозных организациях в обязательном порядке создаются центры подготовки кандидатов в члены религиозной организации.

Расходы по организации и проведению занятий с кандидатами возлагаются на религиозную организацию или объединение.

Гражданин, считающий себя членом религиозной организации, обязан пройти регистрацию по месту своего проживания в ближайшем пункте религиозного центра или через систему онлайн-регистрации.

Гражданин, прошедший регистрацию в религиозной организации, обязан заплатить регистрационный сбор, установленный согласно уставу религиозной организации, а также единовременный регистрационный сбор в размере 1 процента от минимального размера оплаты труда в отделе по делам религиозных организаций и объединений.

Неуплата регистрационных сборов карается штрафом в десятикратном размере от стоимости регистрации или принудительными работами сроком до одного года.

Граждане, не принадлежащие к религиозным организациям или объединениям и объявляющие себя атеистами, могут быть освобождены от налогов в случае, если их обще-

ственная или научная деятельность приносит общественную пользу.

Результаты тестов и экзаменов граждан, прошедших их и ставших членами религиозных организаций или объединений, хранятся вечно.

Гражданин, заявивший об оскорблении своих религиозных чувств, но не состоящий в религиозной организации или объединении, не зарегистрированный как автономное религиозное лицо, должен быть подвергнут уголовному преследованию.

Священники в ближайших пунктах контроля за деятельностью религиозных организаций и объединений обязаны предоставлять сведения о количестве прихожан своего прихода, выполнении ими церковных предписаний, соблюдении постов и оплате обязательной церковной десятины (церковная десятина - обязательный налог для верующих, помимо государственных налогов).

Регулирование религиозной деятельности

Гражданин, объявивший себя атеистом, но замеченный в религиозной пропаганде и не имеющий соответствующей регистрации как член религиозной организации или объединения, не зарегистрированный как автономное религиозное лицо, подвергается уголовному преследованию как лицо, занимающееся мошенничеством.

Гражданам, состоящим в религиозных организациях или объединениях или являющихся автономными религиозными лицами, запрещается вести пропаганду своих религиозных убеждений вне религиозных центров, пропаганда возможна только среди частных лиц по приглашению либо онлайн-методом спам-рассылки».

Прочитав до конца закон, я не знала, что и сказать. Все мои разрозненные вчерашние мысли обрели форму.

ТРИЛЕР «УДАР ДЬЯВОЛА»

— И что же дальше?

— Госпожа президент, в приемной уже толпятся представители религиозных конфессий. Правда, нет ещё православного патриарха, — на губах у моего советника змейёй проползла сардоническая усмешка.

— Но что я должна сделать прямо сейчас?

— Прямо сейчас вы подпишите этот закон, и эти надутые индюки ознакомятся с его текстом.

Я взяла ручку и подписала.

Дверь в кабинет распахнулись... и в него с важным видом стали входить представители ислама, иудаизма и еще несколько десятков человек, которые представляли неведомых богов. В самую последнюю очередь вошел патриарх. Его распирало от важности, что он может входить в кабинет к президенту, словно он с ним одного уровня, и так неожиданно было для него то, что он сел рядом не с президентом, а с какими-то шаманистами.

Секретарь внесла и раздала каждому присутствующему текст закона. Какая скорость!

— Уважаемые лидеры и представители религиозных граждан нашей страны! — я даже подловила себя на мысли, что в этот момент слегка лицемерю, но все же не стала отступать от заведенного этикета. — Сегодня я подписала новый закон о религии и религиозных организациях. Текст его перед вами. Прошу ознакомиться.

Религиозники погрузились в чтение. Алексей стоял рядом со мной. Я посмотрела на него. Он подмигнул мне левым глазом и кивком указал в сторону религиозных лиц. Это было незабываемое зрелище. По мере чтения закона их лица сначала посерели, потом позеленели, заиграли багровыми пятнами и, наконец, почернели. Самое ужасное лицо было у христианского патриарха. Он смотрел мне в глаза. А в его глазах читался ужас, недоумение и страх. Я налила в стакан минеральной воды и стала пить. Он вскочил с места

и диким голосом завопил:

— Аааааааа... Блудница Вавилонская! Ты пришла пить кровь святых из чаши блудодеяния отца своего Дьявола! Дочь Дьявола! Сообщница Антихриста! — его глаза были навывкате, он держал в руках свой огромный крест, как бы защищаясь им.

Алексей стоял рядом со мной и сардонически усмехался, подал мне какую-то бумажку на подпись. Я машинально расписалась. В кабинет вошел конвой и схватил патриарха под руки. Неожиданно я рассмеялась ему прямо в лицо. Я не могла остановиться. Я смотрела на этого жалкого клоуна, еще вчера бывшего самым могущественным религиозным лидером, и смеялась ему вслед, пока конвой уводил его. Продолжая смеяться, я повернулась к Алексею и спросила:

— Куда его уводят?

— Ксения Валентиновна, вы только что подписали его прошение об отправке в наш лечебно-профилактический санаторий для поправления душевного здоровья на бесплатной основе, — ответил Алексей и лукаво улыбнулся.

— Как называется этот санаторий? — я уже немножко стала отходить от смеха.

— Кукушкино Гнездо, госпожа президент, — и мой советник разразился подземным хохотом.

Меня снова накрыл приступ смеха. Я смеялась не переставая...

— Ксения, Ксения!.. Что с тобой? - тряс меня за плечо и чуть ли не крича, спрашивал мой знакомый.

Я очнулась, как от наваждения, в кафе со своими знакомыми.

— Сколько прошло времени? — спросила я.

— Да пару минут всего-то. А что случилось?

Глава II. Часть I. Кровавый понедельник. Начало дня

Я задумалась на секунду и медленно ответила, что просто у меня закружилась голова.

— Стакан воды, пожалуйста, — сказал Алексей, подозрительно взглянув на меня.

— Спасибо...

— Но вы не ответили на мой вопрос, Ксения.

— Ах, да! Будь у меня власть влиять на события, то религию бы прижала к ногтю. Исключительная мера наказания отправит божьих педофилов к Богу.

— Да вы кровавый диктатор, - с улыбкой произнес Алексей. - Но полагаю, что все это довольно напоминает сталинизм...

— Сталин был безграмотным чуркой, — резко ответила я, не удосужив Алексея даже взглядом. — Сколько смертей, тюрем, пыток, покалеченных людей и жизней принесла власть тиранов. Когда погибали люди в расцвете сил и таланта, когда погибали дети, выросшие сиротами с клеймом врагов народа, когда горе убивало родителей; страшна участь тех людей, кто не дожил до реабилитации и был зарыт в мерзлой земле. И нет никакой справедливой высшей силы,

которая могла бы это остановить. Гуманизм и человечность были пустым словом. А я за справедливость. Убивать тех, кто изнасиловал ребенка — это проявление совести. Светлое будущее при Сталине — это забитость и тёмность, которые превышают все допустимые границы.

— Простите, Ксения. Я прекрасно вас понимаю.

— Вот и хорошо, — я улыбнулась и сделала небольшой глоток воды. — Я очень благодарна за столь приятную беседу, часы пролетели просто незаметно, но мне нужно ехать домой.

Мы все дружно попрощались, и я вызвала такси. Когда я добралась до дома, то сразу же легла спать. Долго не могла заснуть, ворочалась в кровати и думала о сегодняшней беседе. Но история продолжилась, когда мне всё-таки удалось уснуть...

Собрание Госсовета.

Повестка дня. О внесении изменений в Уголовный кодекс, ужесточающих наказания за сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних, совершённое представителями религиозного культа.

Президент: Господа, я предлагаю вам ознакомиться с поправками в Уголовный кодекс, разработанными под моим руководством, лучшими юристами администрации. Какие будут замечания?

Министр МВД: Госпожа президент, эти поправки могут вызвать бурю недовольства со стороны религиозных групп. Я уже отдал распоряжение поставить под контроль все общественные организации, созданные представителями религиозных движений. Следует учитывать, что особое недовольство выразили представители ислама.

Президент: Они против смертной казни за педофилию? Разве мы не выполняем то же, что требует шариат?

Министр МВД: Да, но то, что хорошо в отношении простых людей, не очень действует в отношении религиозных

лидеров...

Президент: Тогда мы уравнием их всех перед законом, а некоторых мы сделаем равнее. И раз уж так они любят привилегии, то мы дадим им привилегию умереть за свои деяния.

Министр здравоохранения: Тут есть некоторая несправедливость: почему лидеры, священники должны быть приговорены к смертной казни, а простые педофилы-наильники всего лишь кастрированы?

Президент: Думаю, это очевидно: священники, муллы, раввины имеют власть над мыслями и душами простых верующих. Каждое их слово авторитетно. Поэтому на них лежит большая ответственность, чем на других. Поэтому они и отвечать должны большим.

Советник президента: Господа, прошу вас обратить внимание на то, что поправки к закону позволяют предотвращать возможность для священнослужителей-наильников запугивать своих жертв «божьей карой» за разглашение сведений о насилии. Мы уже получили достаточно жалоб от граждан, которые не могут найти управу на негодяев в рясах. Зная о наказании, они поумерят свои аппетиты...

Министр МВД: Я в курсе, господин советник! Вы должны учесть ещё и круговую поруку в священнической среде. Эти поправки приведут к тому, что такие случаи будет ещё труднее выявлять...

Президент: Господин министр, ваша задача выявлять такие случаи как можно активнее. И более внимательно относиться к жалобам граждан. И я думаю, что следует провести серьезную проверку личного состава в вашем ведомстве.

Министр МВД: Не вижу причин для этого...

Президент: Я хочу, чтобы мой советник кратко изложил эти причины.

Советник: Да, госпожа президент. По вашему поручению, я запросил списки личного состава в городах, отку-

да поступили жалобы на священников. Были выявлены родственные, хозяйственные и коммерческие связи между священниками и представителями власти, и служащими в полиции, в том числе. Мною было обращено внимание на бездействие представителей закона. В полицейских участках отказывались принимать заявления о преступлениях, совершенных священниками. Принятые же заявления оставались без движения. В жалобах граждан указывалось, что в полиции уговаривали отказаться от показаний свидетелей, угрожали им. Этому можно было не придавать значения, если бы речь шла о единичных случаях. Тут вполне мог быть элементарный оговор. Но именно проверка связей показала, что эти обвинения не беспочвенны.

Министр МВД: Я хотел бы полностью ознакомиться с вашими данными.

Президент: Вы не в курсе, что творится у вас под носом? — я вспылила и ударила кулаком по столу.

Министр МВД: Госпожа президент, я немедленно дам поручение службе собственной безопасности начать проверку всего личного состава...

Президент: А заодно и личного состава самой службы собственной безопасности. Контроль над этим возьмет мой советник.

Советник: Я приступаю к этому немедленно.

Президент: Полагаю, что больше ни у кого нет возражений по новым поправкам?

Все выражают полное согласие.

Президент: Я подписываю указ о внесении изменений в Уголовный Кодекс.

На следующий день газеты вышли с заголовками «Президент Аллен чистит ряды духовенства». Я сидела в кабинете и смотрела вечернюю программу государственного телевидения:

«—Господин советник, объясните, почему новые по-

правки в Уголовный кодекс предусматривают такой дифференцированный подход к наказанию за совершенные преступления?

— Необходимость различных видов наказаний для таких преступлений, как сексуальное насилие над детьми, совершенное религиозными деятелями, продиктована пониманием того уровня общественной опасности, который они представляют. Нельзя применять одно и то же наказание к лицам, совершившим преступления разной степени тяжести. Относительно же сексуального насилия нами было принято решение, что лицо, совершившее преступление, которое не повлекло смерти потерпевшего, может быть подвергнуто исключительно соразмерному наказанию. В данном случае — кастрации. Если же последовала смерть, то применение исключительной меры наказания — смертной казни — справедливо...

— Извините, что перебиваю... но как вы объясняете наличие в поправках списка типов смертной казни? Зачем они?

— Если вы внимательно читали эти поправки, то могли заметить, что, к примеру, казнь на электрическом стуле полностью соответствует указанному: «...если действия, повлекшие смерть потерпевшего, были сопряжены с жестокими физическими и психическими мучениями, виновный приговаривается к исключительной мере наказания, посредством казни на электрическом стуле». Расстрел же соответствует действию виновного, применившего огнестрельное оружие для убийства потерпевшей. Смертельная инъекция для тех, кто использовал жертву в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

— Вы хотите сказать, что такими поправками можно будет остановить волну сексуального насилия над детьми со стороны духовных чин?

— Мы хотим только того, чтобы каждый негодяй почув-

ствовал на себе принцип талиона».

Я выключила телевизор и повернулась к советнику.

— Ну что же, для начала вполне достаточно. А что у нас с волной сексуального насилия?

— Да, действительно. После опубликования поправок, случаи педофилии неожиданно увеличились. Но мы уже решаем эту проблему.

— Как именно?

— Госпожа президент, вы помните письмо той женщины? Так вот, этот священник попался на новом эпизоде и уже находится под следствием. Кроме него, арестованы ещё тридцать иерархов христианских церквей, три раввина и пять мулл.

— А что свидетели? Они дают показания против этих мерзавцев?

— С удовольствием! Министр МВД в ходе проверки личного состава уже отстранил около пятисот сотрудников, которые в той или иной степени были связаны с ними. Поэтому возможность давления на свидетелей устранена.

— Я бы хотела, чтобы их судили всех вместе.

— Это сложно, ведь есть определенные процессуальные трудности. Но, как мне доложили, выявлена связь между всеми этими лицами...

— То есть речь идет о педофильской сети?

— Да. Скорее всего, их дела можно соединить в одно. Создание организованного преступного сообщества. Думаю, их всех можно объявить бандой педофилов в рясах, ермолках и чалмах, — советник улыбнулся.

— Нам нужен показательный процесс, — сказала я. — Пусть все видят, что мы не шутим.

— Уже завтра наши средства массовой информации объявят о раскрытии банды педофилов от бога.

— Надо, чтобы в прессе этот процесс получил максимальное освещение... — я задумалась. — Его нужно как-то

назвать...

— Давайте назовем это «Процесс 39», — советник улыбнулся, и в глазах промелькнуло ехидство. Затем посмотрел в окно. Его глаза заблестели, и он сказал: «Три обманщика... три...три...три...три. Итог все равно три...».

— Я не поняла, что ты имеешь в виду, — у меня возникло смутное ощущение какой-то недосказанности.

— Они должны быть казнены тремя способами, — ответил он.

— Публично, — я мечтала увидеть смерть этих недочеловеков.

— Да. Мы будем присутствовать там. И это будет транслироваться на всю страну.

На мой стол лег доклад министра МВД. Я читала несколько десятков страниц несколько часов, каждый раз перечитывая вновь и вновь. Передо мной открылась вопиющая картина круговой поруки, кумовства, коммерческих связей между представителями власти и священнослужителями. Какое тяжкое наследие! Под видом помощи служителям закона, попы проникали и опутывали своими сетями полицейские управления. Коррупция выросла до ужасающих размеров. Всего прошёл месяц после того памятного совещания, но объем проделанной работы просто поражал. Всего лишь за месяц от дел были отстранены две тысячи сотрудников полиции. Управление собственной безопасности МВД работает круглосуточно.

«Надо поощрить их», — подумала я, как вдруг, неожиданно, я заметила листок бумаги с надписью «Отчет о проверке личного состава управления собственной безопасности МВД»:

«При проверке связей сотрудников управления собственной безопасности, в том числе полковника М., полковника Х., генерала С., а также сотрудников южного террито-

риального округа майора Ф., и капитана У., была выявлена их связь с лицами так называемого «Исламского центра культурного и духовного сотрудничества». По полученным сведениям, этот Центр является подконтрольным учреждением, курируемым генералом С. Перечисленные сотрудники находятся в его непосредственном подчинении. По мнению министра МВД, данный Центр никак себя положительно не зарекомендовал, однако на его содержание из министерского бюджета постоянно расходуются большие суммы, якобы для контроля за лицами, возможно, принадлежащими к исламским фундаменталистам».

Я не могла понять, откуда взялся этот документ на моем столе. Что все это означает? К отчету было приклеена какая-то листовка. На ней стояла печать красного цвета «Приложение» и личная подпись Алексея. Я решила ознакомиться с содержанием этого документа.

«Единение мусульман является их обязанностью, предписанной самим Аллахом. Единение остается одной из неизменных и необходимых черт уммы — это подтверждено словами Всевышнего: «Держитесь крепко за вервь Господню и друг от друга вы не отделяйтесь».

«Что это такое?» — пронеслось у меня в голове.

«Стоило мусульманской умме отойти от принципа своего единства, как тут же стали возникать поводы для розни... Мусульманам следует неустанно отвергать принципы религиозного модернизма и ограждать верующих от их пагубного влияния, прикладывая для этого все необходимые усилия...».

Последняя строчка была подчеркнута Алексеем три раза красным карандашом. Следующий пассаж этого листка был явно направлен против подписанного мною и действующего закона.

«Никакой неисламский суд или судья-немусульманин не могут выносить вердиктов о сохранении человека в лоне

Ислама или о его вероотступничестве. Вердикт о сохранении человека в лоне ислама или о его вероотступничестве должен быть вынесен только ученым-мусульманином...».

Я не выдержала и потребовала срочно соединить меня с премьер-министром.

— Господин премьер-министр, я требую срочно выяснить, сколько было выделено средств на содержание «Исламского центра культурного и духовного сотрудничества».

— Госпожа президент, я только что получил отчет по расходованию средств на этот Центр от министра финансов.

— Но я не давала такого поручения, — удивилась я. — Кто же сделал этот запрос?

— Ваш советник, госпожа президент.

Премьер-министр перечислил статьи расходов и суммы. Это были какие-то фантастические цифры. Алексей знал, что это вызовет мою самую негативную реакцию.

— Я требую немедленно прекратить финансирование этого бесполезного учреждения за счёт государственного бюджета. Если этим деятелям так хочется вкусно есть и сладко пить, то пусть ищут спонсоров.

— Но госпожа президент, это необходимо для работы с исламским фактором...

— Такая работа меня не устраивает! Я не вижу полезных результатов от этого Центра. Кураторы занимаются очковничеством, а не работой, — я была в бешенстве. Какой-то Центр поглощает государственные деньги и вместо работы по просвещению штампует какие-то листовки против религиозного модернизма. В наглую выступает против государственных законов. Требуется немедленно это прекратить. — Господин премьер-министр, я требую рассмотреть этот вопрос на совещании правительства.

— Да, госпожа президент... — премьер-министр неожиданно замолчал. Я услышала, как он положил трубку на стол. Как будто издалека донесся его ослабевший голос:

«Господин советник, вы... уже готовая резолюция... но совещание... ускоренно... да-да, я понимаю... государственная безопасность прежде всего...».

Что было дальше, я уже не слышала. Включилась телетрансляция из Дома Правительства. Собрался весь кабинет министров. Премьер-министр был бледен, но твердым голосом, стараясь не срываться, зачитал резолюцию о прекращении финансирования Исламского Центра. Все министры единогласно проголосовали за её принятие. Министр финансов что-то быстро писал. За его спиной стояла черная тень. Это был советник. Было видно невооруженным глазом, что министр записывал с его слов. Буквально через несколько минут на мой факс пришел приказ министра финансов о прекращении финансирования этого странного учреждения.

— Госпожа президент, к вам министр МВД, — раздался голос моего секретаря по селектору.

— Пусть войдет, — я хотела немедленно увидеть его.

Министр зашел и сел напротив меня.

— Госпожа президент, мне только что звонил ваш советник и сказал, что у вас есть важное поручение для меня.

— Да, есть... — откровенно говоря я не ожидала такого поворота. Но Алексей, видимо, не зря подталкивал меня обратить внимание на этот злополучный Центр и его кураторов. — Господин министр, в своем докладе вы сообщили о масштабной коррупции в органах, подконтрольных вам. Я понимаю, что уследить за каждым возможности мало. Поэтому настоятельно требую обратить внимание на деятельность этого исламского центра, а особенно на его кураторов. Так как эти сотрудники находятся в вашем подчинении, то вам следует с ними разбираться самому.

— Да, госпожа президент. Но, как вы знаете, эти люди происходят из южных районов нашей страны, где сильны исламские традиции. И до некоторого времени их деятель-

ность приносила серьезные успехи в деле противостояния деструктивным силам исламского фундаментализма.

— Вот именно, что до некоторого времени. Меня не устраивает то положение, которое имеется на данный момент. Я хотела бы выяснить, почему курируемая ими структура превратилась в оплот этого пресловутого фундаментализма. Я думаю, что вы уже ознакомлены с этой писаниной? — я подала министру листовку Центра.

— Да. Я знаю об этом. Генерал С. уверил меня, что это необходимо для борьбы с радикальными исламскими течениями.

— Однако, господин министр, это бумажка свидетельствует о перерождении Центра в рупор этих радикалов. Надеюсь, вы примете необходимые меры для выяснения причин такой неожиданной метаморфозы? — я позволила себе сарказм.

— Да, госпожа президент. Я немедленно создам рабочую группу из самых надежных сотрудников. Все необходимые документы скоро будут у вас на столе. Разрешите приступить?

— Приступайте, господин министр, и не забывайте, что на днях начнётся судебный процесс над педофилами в рясах. Необходим жесткий контроль над безопасностью этого суда.

— Меры по обеспечению безопасности уже приняты. Все фигуранты дела надежно охраняются.

Министр поспешно покинул кабинет.

Часть II.

Кровавый понедельник.

Продолжение

«Сегодня начинается судебный процесс над представителями религиозных организаций, обвиняемыми в сексуальном насилии над несовершеннолетними, убийствах и организации преступного сообщества педофилов».

«Сегодняшний судебный процесс, уже получивший название «Процесс 39», начался с выступления стороны обвинения. В настоящий момент государственный обвинитель выступает с обвинительным заключением».

«Каждый час мы будем информировать вас о ходе судебного разбирательства».

Я сидела в своем кабинете и переключала каналы телевизора. Все телекомпании освещали начало этого судебного разбирательства. И только государственный канал вел прямую трансляцию из зала судебного заседания. Я повернулась к сидящему рядом Алексею и спросила его:

— Почему только государственное телевидение получило возможность вести прямую трансляцию? Может, лучше было бы, если все телекомпании могли это делать?

— Нам нужно правильно расставить приоритеты, — Алексей достал какой-то листок из папки и продолжил, — я

ТРИЛЛЕР «УДАР ДЬЯВОЛА»

смотрю рейтинги телеканалов и замечаю, что подчиненная нам телекомпания находится не в лучшем положении. У неё очень низкий рейтинг. Нам следует помнить, что успех нашей политики зависит от того, насколько мы сможем овладеть вниманием населения и привлечь их на нашу сторону.

— Ну есть же еще Интернет. Миллионы людей давно следят за новостями там.

— Я уже предусмотрел прямые Интернет-трансляции с сайта гостелевидения. Любой противник наших инициатив не сможет уличить нас в подтасовке во время этого процесса. И у них не будет возможности манипулировать фактами, ведь мы полностью соблюдаем правило гласности процесса.

Он встал и подошел к экрану монитора. На нем высветился рейтинг телеканалов. Он был удручающим. Лидирующее положение в нём занимали телекомпании, поддерживающие религиозные сообщества.

— Как видите, госпожа президент, мы просто обязаны подорвать силы мракобесов. И лучший способ для этого — правильно поданная информация. После окончания каждой трансляции, в прямом эфире, наши эксперты будут выступать в специальном ток-шоу и разъяснять зрителям все нюансы только что ими виденного. Но только с позиции, которая нам выгодна. Сегодня будет первое ток-шоу. Я подобрал команду самых верных и компетентных криминалистов, юристов, психологов, судмедэкспертов, которые будут отвечать на заранее подготовленные вопросы ведущего, а также на вопросы общественности. Таким образом, мы создадим у телезрителей ощущение свободного обсуждения. Чтобы никто не усомнился в том, что проводимая нами политика соответствует демократическим нормам.

— То есть, мы всё-таки обманываем наших граждан? — я не могла уловить куда он клонит.

— Вовсе нет. Мы подаем гражданам правильное направление мыслей. Люди крайне ленивы, чтобы мыслить

самостоятельно. Поэтому нам нужно только слегка подтолкнуть их примерами, фактами к принятию той линии рассуждений, которая будет логична и приведет их к тем же достоверным выводам, к которым мы пришли сами, но чуть раньше их.

— И какие же это выводы?

— Ксения Валентиновна, думаю вы согласитесь со мной, что наш основной вывод — преодоление религии, ставящей во главу первенство вымысла над реальностью?

— Я вообще выступаю против религий, и вы это знаете.

— Знаю. Поэтому считаю, что сначала мы сокрушим «религии откровения», а когда люди вдруг затоскуют по «духовности», а мы не должны сбрасывать такую возможность со счетов, то у них будет только «религия реальности».

— Что это за «религия реальности»?

— Полное осознание своей собственной ответственности за свою жизнь. Не будет вымышленных богов, невидимых друзей и прочей чепухи. Только сам человек, его знания, умения дадут ему возможность стать своим собственным личным богом.

Тут он вдруг замолчал, посмотрел на меня, затем открыл свою черную папку и сказал:

— Ровно через два часа выйдет первое ток-шоу в прямой эфир. Извините, продолжим наш разговор в другой раз.

— Алексей, что вы задумали? — меня начали терзать сомнения. — Вы можете мне объяснить?

— Госпожа президент, вы можете не сомневаться. Этот план работает. Да, забыл вам сказать. У вас на столе лежит отчет с заседания священного синода. Я счёл нужным ознакомить вас с этим документом.

— Позвольте, какой отчет? — я посмотрела перед собой и увидела скрепленные степлером листки бумаги. — Алексей... — Я повернулась в сторону, где стоял советник, но его там уже не было. Я даже не услышала, как он ушел. До сих

пор не могу привыкнуть к его манере исчезать и появляться внезапно, словно из-под земли. Взяв в руки отчет, я начала читать:

«Священный синод выражает крайнюю степень обеспокоенности в связи с продолжительной болезнью патриарха. По решению патриаршего местоблюстителя и в согласии с решениями поместного собора мы призываем всех христиан молиться о здоровье смиренного патриарха, в дни, когда особо ощущается присутствие козней дьявольских, ищущих возможности подорвать веру в Господа и в Церковь Его. Дабы противостоять расползающемуся по стране неверию, лжеучениям, мы принимаем нелегкое решение поддержать светлое начинание, обеспокоенных угрозой новых анти-христовых гонений прихожан, братьев и сестер во Христе. Созданный по инициативе их «Христианский союз» будет пользоваться всецелым покровительством нашим, ибо призван поддержать Церковь в трудное время».

Читая эту заключительную резолюцию, я постепенно стала догадываться о том, что имел в виду Алексей, когда говорил о формировании нужного нам общественного мнения. Определенно начался рост недовольства принятыми законами. Заинтересованность нарастала, как снежный ком. Только недавно был исламский центр, и вот уже христиане начали поднимать голову. Я включила телевизор и нашла христианский телеканал. То, что я увидела, хоть и было ожидаемо, но оказалось более неожиданным, чем предполагала.

« — Дорогие братья и сестры! — с экрана на меня смотрел толстый старый поп с жидкой седой бородашкой. — Сегодня у нас в гостях простые миряне, не побоявшиеся в наше трудное время встать на защиту богохранимой Церкви. Это руководители «Христианского Союза». Скажите, почему вы решили, что сейчас именно то самое время, когда Церкви требуется защита?

— Отец, мы не могли оставаться равнодушными... —

начал свое выступление самый молодой участник этого заседания. — ...к той политике в отношении религии и Церкви, которую начала проводить президент Аллен. Её инициативы, законы, сфабрикованные процессы несут на себе печать Сатаны...

— Так уж ли Сатаны?.. — поп погладил бородавку. — Может это всё от заявленного ею атеизма, секуляризма...

— Не важно, как она себя называет — атеисткой или ещё как. Я лично уверен, что разница между сатанизмом и атеизмом невелика... — молодой начал входить в раж. — Что, по сути, они предлагают? Вы видели недавнее выступление её советника?

— Да-да, конечно... — поп явно был в курсе последующей тирады.

— Этот сатанист, а кто же еще? Этот сатанист ратовал за восстановление талиона...

— Собственно в Священном Писании, в Ветхом Завете, талион тоже есть. Но Господь Иисус Христос, исполняя закон, принес более милосердную весть, достойную для тех, кто верует в него, вместо жестокого закона Моисея.

— И теперь президент Аллен и этот слуга Сатаны должны быть остановлены, да поможет нам Бог... — христианский активист перекрестился на висевшую на стене икону».

Я фыркнула и выключила этот бред. Но не смогла избавиться от какого-то щемящего чувства тревоги. Я набрала по прямой линии номер директора службы государственной безопасности. Не ожидала, что мне необходимо отдавать приказ тайной полиции начать разработку в отношении граждан собственной страны. Неужели эти жалкие поповские подпевалы настолько меня беспокоят? Может даже больше, чем иностранные шпионы? Какой бред!

Я посмотрела на часы. С момента ухода Алексея прошло два часа, которые показались целой вечностью. Я снова включила телевизор и настроилась на государственный

канал.

« — В эфире ток-шоу «Процесс». Сегодня мы будем обсуждать первый день судебного разбирательства над священниками, обвиняемыми в педофилии, организации преступного сообщества и убийствах. В прессе этот процесс получил название «Процесс 39», — ведущий говорил очень быстро. Раньше он вел какие-то околोकриминальные ток-шоу. — В студии эксперты в области психологии, юриспруденции, а также представители шоу-бизнеса, общественных и религиозных организаций. И конечно, наш специальный гость, советник президента Алексей Петров. И первый вопрос к вам, господин советник. Как вы оцениваете возможность вынесения смертного приговора обвиняемым?

— Не будем торопить события. Действительно, все обвиняемые уже имели раньше определенные проблемы с законом. И именно по тем пунктам обвинения, которые им предъявлены. Но в силу некоторых обстоятельств, они имели возможность избегать наказания за свои предыдущие деяния. Я удивлен той наглостью этих лиц, позволивших себе совершить новые ужасные преступления, заранее зная о том, что действует новый закон, более сурово наказывающий. Они нарочно нарушили его, ожидая нулевую реакцию.

— Господин советник, вы хотите сказать, что знали давно об этих людях? — спросил с места один из общественныхников.

— Да, конечно. Администрация президента была просто завалена письмами родителей детей, пострадавших от этих священников. Я могу приоткрыть небольшую тайну, сказав вам, что эти поправки были приняты в результате действий тех, кто сейчас сидит на скамье подсудимых.

— Они сами себе начали рыть яму? — ведущий явно намекал на известную поговорку.

— Вот именно! Не ройте яму другому — можете сами в неё попасть. — советник улыбнулся и продолжил. — А

они именно рыли ямы для своих жертв, которые не захотели молчать о совершенном над ними насилии.

— Так все же... — не унимался ведущий. — Вы можете предсказать исход этого дела? Какое решение примет суд?

— Я не могу делать никаких громких заявлений, ведь многие сочтут это за давление на судей. Мы уже слышим раздающиеся голоса о применении административного ресурса в отношении судей. Смеем вас уверить, что это абсолютно не так. Я не сомневаюсь в компетентности судей, в их умении мыслить. Думаю, они примут справедливое решение. А насколько виновны или невиновны обвиняемые, что их может ожидать в том или ином случае, лучше всего разберутся приглашенные эксперты. Извините, но я должен вас покинуть.

— Ну что же, поблагодарим господина советника за его ответы. Надеюсь, что эта встреча будет не последней. В эфире ток-шоу «Процесс», мы вернемся в студию через несколько минут, чтобы обсудить с уважаемыми экспертами первый день самого скандального судебного процесса в новейшей истории. Не переключайтесь!»

Дальше я смотреть не стала.

Часть III.

Кровавый понедельник.

И снова продолжение

Следующий день стал днем сюрпризов. Начался второй день судебного заседания. Обвинитель продолжал зачитывать заключение, в подробностях перечисляя и описывая каждый эпизод совершенных преступлений. Иногда хотелось просто заткнуть уши и не слушать эти чудовищные подробности. Первый неожиданный сюрприз преподнес христианский телеканал, показав репортаж об одиночном пикете возле здания суда. Молодой парень из Христианского союза держал в руках плакат «Это не суд, а судилище!». Как ни странно, но полицейские не стали удалять его оттуда. Во время перерыва заседания из здания суда вышел пожилой мужчина и направился прямоком к пикетчику. Не сказав ни слова, он вырвал плакат у него из рук и порвал об его голову. Христианский канал показал эту сцену, сопроводив истерическим комментарием: «Переодетые агенты тайной полиции препятствуют гражданам в выражении протеста против бессовестного политического процесса над узниками совести». Тут же государственный телеканал опроверг это заявление. Наш журналист взял интервью у «агента». Как оказалось, это был отец изнасилованной и убитой девочки.

«Негодяи, покрывающие и защищающие других негодяев, должны радоваться, что им ещё не бьют морду», — заявил он.

Однако этим дело не ограничилось. Как оказалось, столичная мэрия выдала разрешение на проведение митинга напротив здания суда. Я срочно вызвала Алексея, чтобы посоветоваться о наших дальнейших действиях.

— Ксения Валентиновна, не беспокойтесь. — Алексей буквально ворвался в кабинет. — Пусть проведут этот митинг. Сегодня я получил новые рейтинги. Наш рейтинг растёт. Этот человек, отец убитой, сделал невероятное своими действиями.

— Вы имеете к этому какое-нибудь отношение? — я посмотрела ему в глаза и увидела неизменную лукавую улыбку.

— Я всего лишь указал ему на этого пикетчика. Дальше он действовал сам.

— Когда ты успеваешь влезть везде?

— Нужно всегда держать руку на пульсе событий.

— Так, а что мы будем делать с митингом? Ведь возможны столкновения и беспорядки. Может не поздно его отменить?

— Нет. Митинг должен состояться. Страна должна узнать о «своих героях», — Алексей произнес два последних слова с крайним сарказмом.

— Опять что-то задумал? — я улыбнулась. — Всё же я должна узнать, что еще за штуку ты придумал?

— Госпожа президент, всё, что я придумываю, неизменно сыграет в нашу пользу.

— Ты уклонился от ответа. Я хочу знать.

— Я пока сам еще не знаю, как это всё будет, но я работаю над тем, чтобы это случилось.

— Тогда работайте, работайте. Мне нужны результаты. И они должны быть только положительными.

Алексей вышел.

Сегодня был приемный день, и у меня была назначена встреча со столичным мэром. Когда он вошел, я сказала ему, что у меня есть только пять минут для разговора с ним. Я знала, что он будет поднимать этот извечный денежный вопрос. Чтобы избежать его, я с порога потребовала у него объяснения за выданное разрешение на митинг. Он удивился и сказал, что не видит никаких проблем с этим митингом. Организаторы заявили, что никаких разговоров они вести не будут. Это будет безголосый митинг. Я очень удивилась. Мэр достал из своего портфеля заявление от организаторов и листовку. На последней было написано: «Мы призываем вас прийти на акцию протеста «Вопль безгласных». И ниже краткое пояснение: «Власть затыкает нам рты, поэтому мы будем молчать. Наше слово, написанное пером, нельзя будет вырубить топором». С первого взгляда это выглядит смешно, но лучше быть с этим повнимательнее. Смешные вещи часто серьезнее серьезных. Ладно, пусть повыступают, а мы посмотрим, кто это такие. Мэр хотел продлить время встречи, чтобы поднять вопрос о дотации. Но мне уже было не до этого, и я предложила обсудить этот вопрос с премьер-министром, мотивируя фактом ближайшего заседания кабинета министров по проблеме регионов.

Как только он ушел, я немедленно связалась с директором госбезопасности и поручила ему провести негласное наблюдение за намечающимся митингом и затем провести проверку всех участников. Религиозная оппозиция, несмотря на свою кажущуюся смехотворность, вполне может быть угрозой для власти.

Намеченный на десять утра митинг состоялся возле суда. Собралось около ста человек. Все молчали. Но молчали потому, что у каждого на рот была наклеена скотчем бумажка с моим портретом. Вот это было неожиданно! Развернув хоругви с иконами Христа и прочих святых по бо-

кам, посередине они развернули полотно с надписью «Суд Божий выше сатанинского судилища». В этой толпе безгласных выделялся один человек. Это был тот самый молодой парень, один из руководителей Христианского Союза. В его руке был плакат с дерзкой надписью «Аллен! Суд Божий ждёт и тебя». Определенно митинг начал приобретать политические черты. Но что делать? Разогнать его силами полиции? Но он разрешен, и этот разгон будет пятном на политическом имидже. Хитрые мерзавцы не просто так наклеили на свои рты мои портреты. Это намеренная провокация! Я никак не могла придумать выход из этой ситуации. И где Алексей? Он так нужен сейчас! Он не выходил на связь. Я слишком с ним церемонюсь. Он стал очень самостоятельным. Тысячи мыслей, крутившихся у меня в голове, неожиданно были прерваны появлением на горизонте толпы людей, направлявшихся прямо к митингующим молчунам. Как только камеры приблизили лица подходивших людей, я увидела, что эти люди намерены устроить потасовку с религиозниками. Все произошло очень стремительно. Подбежав к митингующим, люди стали отбирать у них плакаты, рвать их, ломать. Имея численное превосходство, они оттеснили их в сторону. Мгновенно туда рванули репортеры, стремясь взять интервью у человека, который по-видимому и руководил ими. Первым подбежал репортер с христианского телеканала:

« — Кто вы такие? Вас наняла власть, чтобы препятствовать мирному митингу? — затараторил он.

— Слушай сюда, защитник негодяев! — мужчина явно был недоволен наглостью репортера, и по нему было видно то, что он едва сдерживается, чтобы не врезать ему по морде. — Нас никто не нанимал. Все пришли добровольно. Мы представляем самих себя и защищаем тех, кто пострадал от мерзавцев в рясах, ермолках и чалмах. А ты защищаешь преступников!

— Это ещё не доказано! — взвился репортер. — Эти люди не преступники!

— С тобой все ясно и так! Связавшись с негодьями, ты сам стал негодяем! — мужчина грубо оттолкнул репортера в сторону и, подойдя к пикетчику, стоявшему с возмутительным плакатом в мой адрес, вырвал его из рук и натянул ему на голову.

— А твой бог никогда не отличался справедливостью! — сказал он и поджег хоругвь.

Это было действительно неожиданно. Сами люди вышли противостоять фундаментальным идиотам, не опираясь на помощь властей. В этот момент дверь в мой кабинет открылась, и вошел Алексей.

— Где ты был? Я сейчас видела этот потрясающий народный ответ!

— Госпожа президент! Вот вам и ответ на ваши вопросы, которые совсем недавно вас мучили. Всегда найдутся люди, которые окажут поддержку, — он стоял с лукавой улыбкой, смотрел на меня, ожидая увидеть, как на моем лице промелькнет тень смутной мысли. Я поняла, что всё это время он работал с людьми, которые еще не создавали, что надо действовать самостоятельно, не знали, с чего начать. Разрозненные группы людей, собиравшихся на своих кухнях и обсуждавшие и осуждавшие религиозных активистов, наконец, собрались вместе для одной цели: дать им отпор. Ну что же, первый бой нами был выигран. Осталось только дожидаться окончания процесса.

«Суд постановил: приговорить обвиняемых к исключительной мере наказания...».

Я смотрела трансляцию из зала суда. Судья несколько часов зачитывал приговор осужденным за каждый эпизод. Это было так утомительно слушать. Каждый получил то, что следовало. Когда же судья объявил, что осужденные мо-

гут обжаловать приговор в течение десяти дней, случилось невероятное: все осужденные заявили, что не будут обжаловать свой приговор. Это было очень странно.

— Алексей, почему они не захотели этого? — я искренне не понимала такого решения. — Они же не считают себя виновными. В чём дело?

— Видимо, они ждут божьего избавления, — усмехнулся он, — Ксения Валентиновна, перед казнью будет пресс-конференция с вашим участием. Вы уже подготовили вашу речь?

— Да. Я уже написала основные тезисы.

— Я думаю, будет очень много вопросов.

— Не будем затягивать. Министр МВД просил о встрече перед пресс-конференцией. Он ждет какой-то материал. Говорит очень важный.

— Что за материал?

— Я сама ещё не знаю. Видимо, это как-то касается Исламского Центра.

— Ага, я как-то совсем упустил из виду этот Центр, — Алексей напрягся, открыл свою черную папку и начал листать какие-то бумаги. — совсем упустил. Впрочем, министр очень серьезно взялся за это дело. Думаю моего надзора не потребуется.

— Тогда обсудим регламент пресс-конференции.

— Госпожа президент, приглашены все ведущие телекомпании страны, иностранных государств, ведущие печатных и интернет-изданий. Первые полчаса уйдут на краткое вступление, затем по одному вопросу от каждого издания. Я затребовал список вопросов и отобрал самые необходимые и повторяющиеся. Так что особо много времени мы на них не потратим. Затем будет ваша речь перед казнью.

— Я хотела бы присутствовать на казни.

— Да-да, сразу после вашей речи мы направимся в зал правосудия, где сможем увидеть и засвидетельствовать этот

акт возмездия.

— Как с мерами по охране?

— Этим заняты профессионалы. Мы думаем, что наличие толп людей неизбежно, поэтому будут выставлены кордоны из пресс-конференц-зала до зала правосудия.

— Сегодня уже пятница. Где, кстати, министр МВД сейчас?

— В данный момент у него рабочая поездка в южном округе. Но к понедельнику он вернется.

— Понедельник — день тяжелый. Почему бы раньше это не провести?

— Надо дать возможность боговерам помолиться их невидимому богу. Они так любят надеяться на что-то, хотя надежды для них уже нет. Её все равно нет и никогда не было.

— Ты не любишь слов «надежда» и «мольба»?

— Их не существует в моем лексиконе! — Алексей усмехнулся, разглядывая карикатуры христианской газеты. На них была изображена я, стреляющая из пистолета в головы священников, включающая рубильник, пускающий электрический ток к электрическому стулу с сидящим на нем раввином, и надевающая петлю на шею мулле. На каждой картинке была надпись «Надежды нет?!».

Часть IV. Кровавый понедельник. Завершение

Э то был какой-то сумасшедший день. С самого утра на улицах творилось столпотворение. Десятки тысяч людей двигались в сторону Зала правосудия. Президентский кортеж прибыл по выделенному маршруту к двенадцати часам. На сотни метров выстроились мобильные телестудии множеств телекомпаний. Вещание велось напрямую в сети Интернет. Казнь была назначена на три часа. Все нервничали и сновали туда-сюда. Я и Алексей в сопровождении охраны прошли в конференц-зал. Перед выходом на сцену я выглянула из-за кулис. Зал был полон, мест не хватало, и многие представители прессы стояли в проходах. Было немного не по себе. Алексей и премьер-министр возбужденно что-то обсуждали.

— В чем дело? — спросила я.

— Министр МВД находится по дороге сюда, но на трассе какая-то непонятная авария, госпожа президент, — ответил премьер-министр.

— Я не понимаю, что ещё за авария? Где городские службы? — Алексей набирал номер мэра.

— Придется начинать без него. — сказала я. — Мы не

ТРИЛЛЕР «УДАР ДЬЯВОЛА»

можем задерживать прессу, и у нас не так много времени.

— Я лично займусь этим вопросом. — сказал премьер-министр. — Извините, но мне необходимо вас оставить.

— Ничего страшного. Мы справимся, — ответила я и решительно направилась прямо на сцену к трибуне.

— Дамы и господа, президент Ксения Валентиновна Аллен! — раздался голос пресс-секретаря.

Я вошла на трибуну:

«Я хочу поприветствовать представителей прессы. Сегодня серьезный и ответственный день для нашей страны. Поэтому не буду вас задерживать. Я готова ответить на все вопросы».

— Госпожа президент! Считаете ли вы своим личным успехом этот приговор?

— Извините, но я не считаю его своим личным успехом. Ведь его выносила не я. Мой успех в том, что законы, наконец, начали работать в пользу граждан. Мой успех в том, что мы сдвинули с мертвой точки неповоротливую машину прежнего правосудия, которое долгое время не могло привлечь к ответу банду негодяев в рясах, ермолках и чалмах. Сегодня этот день наступил.

— Госпожа президент! Как вы думаете, не является ли этот приговор чересчур жестоким?..

— Я поняла вас, спасибо. Нет, я считаю его полностью справедливым. Преступники должны получить наказание, соответствующее их преступлению. Время, когда мы были слишком гуманными, давно прошло. Посмотрите на страны, где действует шариат. Почему никто не сомневается в справедливости шариатского суда, когда он справедливо карает преступников? У них никто не сомневается, я имею в виду. И если мы караем заслуженно священнослужителей, замешанных в преступлениях, то почему они, сторонники шариата, требуют от нас милости к ним, но не оказывают

милости к людям, чья вина всего лишь в том, что они не желают верить в аллаха? Почему женщин, которых жестоко насилюют, приговаривают к смерти, а насильники ходят на свободе? Не потому ли, что аллаха просто нет? Именно поэтому вынесенный приговор над одними из толкователей воли аллаха — возмездие за вопиющие несправедливости, совершаемые ими от его имени.

— Госпожа президент, мой вопрос последний, но я бы хотел, чтобы вы все же развернуто ответили. Если бы осужденные, приговоренные к смерти, попросили бы вас о помиловании, чтобы вы ответили им?

— Моя цель — устранить возможность для прикрывающихся богом творить насилие и беззаконие. Виновники должны понести справедливое наказание. Но они заслуживают лишь один вариант прощения...

Толпа замерла в напряженном ожидании, задрав кверху головы, ожидая дальнейших моих слов...

— Прощать врагов нужно стоя возле их могил. А они и есть враги. Злокачество. А все злокачество нужно устранять. Моя совесть не позволяет оказывать милость к тем, кто её не заслужил. Они не заслужили её ни перед людьми, ни перед страной. Мы никогда не победим зло, если будем стоять в стороне. Без пролития крови не бывает побед. И да свершится правосудие! — грозно и уверенно продолжила я.

— Какого черта, я вас спрашиваю, здесь происходит? — министр МВД сидел в служебном автомобиле, крепко сжимая чемодан. — Меня не интересует, откуда вы понабрали этих тупых рабочих в свои службы, из какой задницы они поприезжали. Меня интересует, когда вы расчистите дорогу.

Трасса была перекрыта перевернувшимся грузовиком,

из которого продолжали выкатываться арбузы и дыни. Рабочие из городской антиаварийной службы медленно расчищали её, переговариваясь на своем языке. Министр нервничал. Ему казалось, что их специально кто-то сюда пригнал, чтобы помешать ему добраться вовремя до Зала Правосудия. На телемониторе, в авто уже, транслировалась пресс-конференция.

— Иммиграционная служба работает из вон рук плохо, — сказал министр своему водителю. — Давай объезжай!

Водитель развернул машину и поехал в сторону моста. Чтобы попасть к Залу, сделаем крюк. Время было потеряно.

Министр глянул в заднее окно. На расстоянии ста метров от них, не отрываясь, двигалась черная машина. Руки министра ещё сильнее прижали чемодан. На экране монитора президент произносила заключительную речь.

Когда я произнесла последнее слово, зал разразился бурными и долгими аплодисментами. Ко мне подошел Алексей и сказал:

«Пора идти к выходу. Коридор уже готов». Мы спустились со сцены, и я в сопровождении двух телохранителей направилась к выходу. Когда распахнулись двери, я увидела по бокам, за металлическими ограждениями, тысячи людей. Их лица выражали восторг, негодование, удивление, любопытство и ещё множество разных эмоций. Я остановилась на мгновение, посмотрела вперед и, увидев подъехавший автомобиль министра МВД, решительно направилась к нему. Министр открыл дверь сам и вышел. В руках он крепко сжимал чемодан. Встретившись со мной взглядом, он, кажется, крикнул: «Госпожа президент!»... Я не знаю, как и откуда я услышала характерный хлопок. Это был выстрел из пистолета. Но я отчетливо увидела вылетающий прямо из лба министра кровавый комок, его лицо, искажившееся от боли, и тело, падающее этим лицом вниз, с вытяну-

той рукой, крепко сжимающей чемодан. Следующее, что я видела, было дуло пистолета, направленное прямо мне в лицо, и человека в маске с холодными глазами. Было это всего мгновение, меня сразу загородил один из телохранителей. Он выхватил пистолет и сделал выстрел в сторону киллера. Было два выстрела. Киллер был сражен пулей, но успел выстрелить и ранить телохранителя. Толпа начала разбегаться, началась паника. Люди кричали и давили друг друга, стараясь скрыться. Неожиданно одна из мобильных телестудий взорвалась, и обломки полетели в толпу. Крики боли и ужаса раздались буквально рядом. Видимо, кого-то ранило. Я отчетливо услышала «Аллах Акбар» сзади себя. Я повернула голову, чтобы увидеть того, кто это кричит, как меня тут же прижал к земле второй телохранитель. Но краем глаза я увидела нападавшего. Это был бородатый мужчина с бутылкой в руках. В бутылке что-то плескалась. К горлышку была прикреплена какая-то тряпка. Я помню, что бутылка опустилась мне на голову по касательной, но удар все же был очень сильный, и мое лицо начала заливать кровь. Смутно помню, что телохранитель выбил бутылку из рук нападавшего и выстрелил ему прямо в лицо. Ошметки от его челюсти разлетелись по земле. Бутылка разбилась, и жидкость разлилась, заливая части лица террориста, который, падая, держал в руках уже зажженную зажигалку. Он упал разбитым лицом прямо в жидкость, которая мгновенно вспыхнула, обьяв его пламенем.

«Он хотел меня сжечь живьем, как средневековую ведьму», — подумала я и потеряла сознание.

Я очнулась в больничной палате. На тумбочке лежали газеты. Заголовки пестрели названиями: «Кровавый понедельник», «В перестрелке ранены сотрудники службы охраны», «Кровавый понедельник: взрыв унес жизни тридцати человек», «Президент Аллен ранена террористом-смертни-

ком», «Исламский след», «Покушение на министра МВД: тайна черного чемодана». Я включила телевизор. Превозможная боль, я смотрела новости.

«День, названный «Кровавым понедельником» навсегда войдет в историю. Зверское убийство министра на глазах у десятков тысяч людей было только началом той кровавой резни, которую учинили террористы-исламисты. По полученной из достоверных источников информации, все они числились участниками так называемого «Исламского Центра».

У меня от этих слов резко заболела голова, но все же я продолжила смотреть дальше. Я знала, что велась теле-трансляция, поэтому не очень удивилась, увидев кадры нападения. Неожиданно я увидела среди дыма и паники Алексея, который спокойно подходил к распластанному на земле министру и, присев, вынимал из его рук черный чемодан. На его лице не было никакой паники, оно было спокойным, а глаза холодными и безучастными. Он смотрел с экрана прямо на меня. Я отвернулась и увидела его сидящим с этим чемоданом рядом с моей кроватью.

— Я думаю, ты должна увидеть то, что мы могли увидеть перед пресс-конференцией, — сказал он, раскрыл чемодан и извлек из него диск. Вставив в видеопроигрыватель, он запустил просмотр, и я увидела каких-то людей. Многие из них мне показались знакомыми. Это были те самые кураторы «Исламского центра». Они сидели в сауне, ели шашлыки и разговаривали:

« — Этот министр сильно копает под нас.

— Эта Аллен его на нас натравила. Вы уже знаете, что нам закрыли финансирование? Это её личное указание.

— Совсем сорвалась! Надо её приструнить. Неверные распоясались очень сильно. Воля Аллаха для них ничто. Но мы, его истинные воины, научим кафи́ров следовать ей.

— Прежде всего, мы должны спасти от гибели уважае-

мых людей, которых неверные хотят казнить.

— И этих христиан и евреев тоже?

— Если на то будет воля Аллаха, то спасутся и они.

— Может быть, просто бросить их?

— Нет. Мы, мусульмане, совершим добрый поступок, если спасем и их из лап этого шайтана. Никто не сможет упрекнуть нас в отсутствии милосердия к ним. Ведь они хоть и заблуждаются в своем неверии, но пророк (мир ему!) не приказывал быть немилосердными к ним.

— По моим сведениям, министр уже собирал целый чемодан документов против нас. И теперь он хочет передать их президенту. Я считаю, что его надо остановить.

— Я уже дал распоряжение своим людям. Они устранят его. И Аллен тоже.

— Но как мы это сделаем? Наши возможности не безграничны.

— На все воля Аллаха! Мы уничтожим этих шайтанов прямо на их безбожной пресс-конференции или когда они будут проходить прямо к месту казни. Отвлечем внимание взрывом и, пока охрана будет разбираться, перестреляем, как бешеных собак!

— Я предлагаю облить Аллен бензином и поджечь эту ведьму.

— Согласен. Огонь очистит землю от этой дочери Иблиса».

— Как видите, Ксения Валентиновна, эта запись к нам попала очень поздно, — Алексей вытащил диск и положил его обратно в чемодан.

— Я очень жалею о смерти министра, — у меня все щемило внутри. Перед глазами было его лицо.

— Не переживайте. Это, к сожалению, неизбежные потери.

— Но ты же мог что-то предпринять?

— Не все в моих руках. И особенно когда кто-то старательно скрывает необходимую информацию. Министр не соизволил поделиться со мной своими подозрениями, а я положился на его компетентность и не стал вплотную заниматься этими деятелями.

— А что с ними сейчас?

— Они уже все арестованы и находятся во внутренней тюрьме службы государственной безопасности.

— Ты мне можешь сказать, чем ты занимался, когда перестал уделять внимание террористам?

— Ксения Валентиновна, вы же знаете, что сейчас в религиозной среде, особенно христианской, назревает сильное недовольство нашей политикой. Мы должны учитывать это...

— А если сказать проще, а не заходить издалека?

— У нас до сих пор не готовы необходимые тесты для желающих стать верующими, — Алексей усмехнулся, — поэтому я искал нужного нам человека, который создаст такие для христиан. Это очень авторитетный богослов. Вы слышали о К.?

— Он поехавший, ты не находишь?

— Нет. Он именно тот, к кому прислушаются.

— И что ты предлагаешь?

— Мы дадим ему возможность выступить на государственном телевидении.

— А почему не на христианском?

— У них уже маленький рейтинг. Но он и так там постоянный гость. Пусть будет и там, и тут.

— И в чем же суть его предложений?

— Я думаю, вы скоро это узнаете. Поправляйтесь!

Глава III. Партия святых

Жутко болит голова. Прошло всего лишь три дня после моей встречи с советником. Мне только что доложили, что на сегодня назначена казнь мракобесов. Я сделала над собой усилие и встала с койки. Не собираюсь пропускать никаким образом это событие. Уже стоит президентский автомобиль, я делаю еще одно усилие и подхожу к шкафу с моей одеждой. Кто, черт возьми, придумал эти капельницы? Я в раздражении пытаюсь вытащить ее из вены, и в этот момент входят медсестра и мой лечащий врач.

— Ксения Валентиновна, не надо это делать самой, — говорит доктор мягким голосом, — надо было лишь нажать кнопку вызова.

— Доктор, у меня болит голова, — я чувствую, что слабею и присаживаюсь на стул.

— Может, всё-таки вы отмените свой выезд? Я не считаю это уместным. Ваши медицинские показатели... — доктор на минутку запнулся.

— Доктор, мне плевать на эти ваши медицинские показатели! — несмотря на слабость, я почувствовала раздражение, прибавившее мне сил, и добавила. — У меня есть государственные, общественные и личные показатели. Мой долг довести то, что я начала до конца. И все должны видеть, что я не лежу на койке в палате, а нахожусь там, где очень многие люди ожидают меня увидеть.

ТРИЛЛЕР «УДАР ДЬЯВОЛА»

Силы медленно тают. Голова болит сильнее. Доктор заметил мое состояние и кивнул медсестре. Она вышла из палаты и вернулась через несколько минут с подносом из шприцов и каких-то склянок с жидкостями.

— Ну что же... думаю, сейчас сделаем несколько уколов болеутоляющего и витаминов, чтобы вы себя могли сносить чувствовать... — доктор подошел ко мне, пощупал пульс, осмотрел глаза и, сев на стул, стал записывать в блокнот.

Медсестра ловкими движениями заполняла шприцы растворами и тут же делала уколы. Я больше всего не любила уколы витаминов. Они самые болезненные. Ты просто превращаешься в человека на ходулях. Ноги ватные и не слушаются. Правда, через пару часов неприятные ощущения исчезают.

Закончив процедуру, медсестра помогла мне одеться, усадила в коляску и выкатила в коридор. Мы спустились по лифту вниз. Пока мы подъезжали к нему, я заметила, что возле каждого кабинета на моем этаже сидело по одному охраннику. Двое стояло возле лифта. Они оба зашли с нами в лифт и спустились в вестибюль. Было пусто. Ну, почти. Везде стояли молодые люди в костюмах. Ни одного пациента. Только служба охраны президента. Выкатив коляску на улицу и подвезя к автомобилю, медсестра передала меня в руки охраны, которая помогла мне сесть. Я посмотрела на неё и пригласила жестом сесть рядом. Она взяла в руки небольшой чемоданчик с красным крестом, который лежал сзади сиденья коляски, и села рядом со мной. Мне показалось, что медицинская помощь мне еще может пригодиться.

Не знаю, сколько времени мы ехали до места, где должно было свершиться долгожданное правосудие, но мне показалось, что это длилось целую вечность. Действие лекарств начало сказываться. По возможности, во время поездки я пыталась вздремнуть, чтобы только немного не думать о тысячах мыслей, которые вертелись в моей голове. Что я хо-

тела увидеть, когда приеду? Как все должно пройти? Не потеряю ли сознание, когда буду смотреть, как поджариваются тела этих преступников? А запахи? Да, те самые запахи, которые издают повешенные? Вся эта извергающаяся из их тел грязь, дерьмо и моча. Неужели я буду ощущать все эти «прелести»? Ну и плевать и чихать на них!

Я очнулась, почувствовав, как автомобиль остановился. Дверь открылась передо мной, и яркое солнце ударило в глаза. Немного ослепнув от неожиданности, я сразу не рассмотрела, кто был человек в черном, подавший мне руку, но сразу узнала его голос.

— Госпожа президент, я нисколько не сомневался в том, что вы не сможете пропустить такое событие, — голосе Алексея слышалось что-то радостное.

Я решительно опустила ноги на землю и привстала, фактически выползая из кабины. Ноги еще не очень хорошо слушались. Сделав усилие, я все же пошла сама, без поддержки.

— Да, Алексей, такое событие я никогда бы не пропустила. Оно чуть не стоило мне жизни, — я старалась, чтобы каждый мой шаг был решительным и твердым, хотя уже успела заметить, что на улице нет никого, кроме охраны. На этот раз было решено обойтись без «народных масс». Пусть сидят дома и смотрят прямую телетрансляцию. Я вошла в здание и двери тут же за мной закрылись.

Мы подошли к дверям лифта и зашли в него вдвоем.

— Сейчас мы спустимся на несколько этажей вниз, — сказал Алексей и нажал кнопку с рисунком черепа и костей.

Лифт медленно задвигался и неспешно начал опускаться на этаж, где происходили казни приговоренных к смерти. Я никогда тут не была и начала уже было представлять мрачные подвалы с залитыми кровью стенами и полами. И была очень удивлена, когда дверь лифта открылась и передо мной был чистый освещенный коридор, ведущий в смотро-

вую комнату.

— Приговоренных введут с другого хода, — Алексей открыл дверь, и когда я зашла, то увидела уже сидящих там судей Верховного Суда, министров, директора госбезопасности и директора государственного телеканала. Они, видимо, не ожидали моего появления, резко начали вставать со своих мест и аплодировать мне.

Меня же больше заинтересовал пульт, стоящий перед бронестеклом, за которым находилась площадка для казни. Я подошла ближе и сначала посмотрела на площадку. На стене, обитой деревом, были выделены мишени в виде человеческих силуэтов. Под каждым из них были видны створки, которые, видимо, должны были открываться для падающих тел.

— Госпожа президент, этодвигающаяся платформа, — ко мне подошел директор службы исполнения наказаний. — Она предназначена конкретно для расстрелов. Обратите внимание, все силуэты сделаны в человеческий рост и выполнены, как ниши, куда будут вставать приговоренные к расстрелу. Параметры определены так, чтобы пули попадали прямо в цель. Обивка стены деревянная, она дает полную гарантию того, что рикошета не произойдет. Створки внизу будут открыты сразу после казни автоматически, и тела казненных будут мгновенно упакованы в имеющиеся пластиковые пакеты и направлены прямо в крематорий.

— А как же удостовериться, что казненные мертвы? — мгновенно вспомнила я о необходимости фиксации смерти.

— Это дело нескольких секунд. На каждом приговоренном установлены датчики, которые снимают показания пульса, дыхания и мозговой активности. Все данные направляются в центральный компьютер и записываются.

— Не слишком ли это дорогое удовольствие — использовать такие изощренные средства для приговоренных? — я не понимала смысла использовать такую технику, которая

вместе с телом бы направлялась в топку.

— Нет. Это особые, недолговечные модели. Они утилизируются вместе с телом. Особых расходов они не доставляют.

— А где же расстрельная команда?

— Нет никакой расстрельной команды. Все автоматизировано. Расстрел производится четырьмя автоматическими пулеметами, которые подключены к этому пульту управления, — директор подвел меня к пульта и продолжил. — Сама система управления очень проста. На этом пульте всего две кнопки: черная и красная...

— Красная для начала расстрела...— я решила слегка пошутить.

— Нет-нет...— улыбнулся директор, — наоборот. Черная кнопка приводит к запуску пулеметов. Красная останавливает. Но она не используется. Лишь в экстренных случаях, как например: если платформа начнет движение до окончания казни. Обычно пулеметы расстреливают одну обойму каждый и автоматически сами останавливаются.

Я провела рукой по кнопкам, посмотрела на стену и в моей голове пронеслась мысль: «Хочу нажать на кнопку сама».

— Ну так сделайте это, - голос советника неожиданно вырвал меня из мечты. — Вы же всегда хотели сделать это. Установите справедливость собственной рукой.

— Это возможно? — я пребывала в сомнении.

— А почему бы и нет. Сейчас уже идет трансляция на всю страну. Пусть все видят, как президент наводит порядок. Вы всего лишь жмете кнопку.

Алексей подкатил кресло к пульта, и я села в него. Меня охватило желание немедленно нажать на кнопку, но за стеклом еще никого не было. Советник смотрел на стену. Ни тени улыбки. Просто уставился на неё, как будто пытался загипнотизировать взглядом. Неожиданно комната по-

грузилась во тьму и замигала красная лампа. Это длилось несколько секунд, затем все стало освещаться ровным красным светом. Только за стеклом было обычное освещение.

Открылась дверь, и к платформе стали выходить приговоренные. Совершенно обнаженные. У каждого на руке был браслет. Какое отвратительное зрелище представляли их тела, с обвисшими животами, грудями, больше чем у любой женщины. Их называли животными, которые насилюют детей. Да они даже не могут быть названы животными! Животные — прекрасные создания. А они просто какие-то мерзкие чудовища, жирные и уродливые.

— Лицом к стене! — скомандовал голос, и эта кучка безропотно начала подходить к ней.

— Становитесь в ниши! Ближе! Еще ближе! Руки по швам! Не разговаривать!

Обреченно они стали в свои ниши, и мы все смотрели на их задницы.

— Ксения Валентиновна! Пора! — Алексей повернулся ко мне и показал на кнопку.

С каким же удовольствием я нажимала эту черную кнопку, что даже не сразу услышала грохот от пулеметных очередей. Пули мгновенно прошивали тела, разбрызгивая кровь по стенам. Некоторые пытались повернуться, и пули буквально раздробливали им лица. Все это продолжалось секунд пятнадцать. Прямо на экране монитора пульта управления замигал череп с костями, и компьютерный голос произнес:

— Летальный исход.

Сразу после этого створки под телами растворились, и они попадали куда-то вниз. Створки снова затворились, и откуда-то сверху ударили струи воды, смывая кровь с пола. Через пару минут все было закончено, и я увидела, как платформа начала сдвигаться в сторону, и на ее место стала подниматься другая, но уже с иной конструкцией.

Вместо ниш были специальные поручни, за которые можно было держаться руками. Сверху находились какие-то круглые ящики.

— Что это такое? — спросила я у директора службы исполнения наказаний.

— Это новая конструкция для повешения. Приговоренный держится за поручни, а сверху из ящиков к нему на шею спускается веревка с петлей. Петля самозатягивающаяся.

— Так, это понятно. А как управлять всем этим?

— Все та же черная кнопка. Вы её нажимаете, поручни, за которые они держатся, убираются, затем створки убираются и тело провисает. Самозатягивающаяся петля не может быть снята руками никаким образом, и в этом вы сами убедитесь, когда начнется казнь.

— Ну что же... давайте вводите уже вторую партию, — мне стало интересно увидеть это все поскорее. — А вот запахи сюда не проникнут? — спросила я, памятуя о своих мыслях по дороге сюда.

— Нет. Здесь все герметично. И запаха кала, мочи и прочих выделений мы не почувствуем, — директор пытался скрыть улыбку за нарочитой серьезностью.

Снова загорелся равномерный красный свет, и через ту же дверь к платформе стали выходить обнаженные смертники с браслетами, такие же жирные, опухшие, видно, что еще ждущие какого-то чуда. Чудо было в прошлый раз, а теперь чудес не будет, когда знакомый жесткий металлический голос командует:

— Лицом к стене! — и они поворачиваются к стене.

— Взяться за поручни! Головы держать прямо! — и они послушно выполняют каждый приказ.

— Не разговаривать! — и еще вчерашние «властители душ и тел» замолкают.

Из ящиков над их головами начинают спускаться петли, и их головы словно пролезают в эти кольца, на мгновение

кажущиеся нимбами святых. Какая ирония судьбы! Я улыбаюсь увиденному, вспоминая иконы святых.

— Мой преподаватель философии спрашивал нас: «А вы знаете, что означают нимбы над головами святых?», — неожиданно вклинился Алексей, каким-то ему ведомым способом прочитав мои мысли, и продолжил с улыбкой. — Это нули над их головами, обозначающие то, что у них абсолютная потеря здравого смысла, отсутствие трезвых идей и разума, он зло усмехнулся, протянул указательный палец левой руки и положил его на черную кнопку. — Сделаем их святыми прямо сейчас! — и посмотрел на меня. Я прижала своим пальцем его, и створки под ногами приговоренных растворились.

«Новоподвешенные святые» смешно задергались, болтая ногами в пустоте. Некоторые пытались схватиться за веревки, за петли, но если бы не их грузные тела, то может быть что-нибудь и вышло. Их лица наливались черной синевой, языки вываливались наружу, глаза вылезали из орбит, а из нижних щелей их тел потекли смрадные (хотя я и не обоняла этих запахов, но не сомневаюсь, что это так) выделения. Некоторые сопровождали все это громким «музыкальным» сопровождением. Какое жалкое зрелище представляли они! И все это было показано на всю страну. Все видели. Все ли поняли?

— Летальный исход, — голос машины сухо доложил о смерти.

В ящиках заработали какие-то механизмы. Видимо, обрезались веревки, так как за этим последовало падение тел в открытые люки.

— Партия «святых» пополнилась! — Алексей встал, подошел к директору госбезопасности и о чём-то заговорил с ним. Я не прислушивалась, меня отвлек директор службы исполнения наказаний.

- Госпожа президент, сейчас будет завершающая казнь.

Приговоренные к казни на электрическом стуле будут подняты сюда на другой платформе.

— У меня такое ощущение, что я нахожусь на театральном представлении, — я не могла избавиться от мысли, что имею дело с хорошо срежиссированным представлением. — Кто все это придумал? Вы?

— Ксения Валентиновна, это все идея вашего советника. Они её долго обсуждали с директором гостелевидения. Вы помните, он раньше работал режиссером театра. Они оба предложили мне создать эти платформы, чтобы по телевидению это все красиво смотрелось.

— Я заметила, что у них склонность к театральным эффектам. Ладно. Давайте уже следующих. Я чувствую, что действие лекарств скоро подойдет к концу.

Как только третья платформа появилась перед нами, я увидела, что приговоренные уже привязаны к электрическим стульям и смотрят прямо нам в лицо. Прощальный взгляд в лица живым? Или посмотрите на жизнь последний раз? Не важно! Скоро «небеса» получают «новоиспеченных (от слова «печка») святых». Я ощущаю эту нарастающую головную боль и тяну свой палец к черной кнопке. Пусть все видят, что я негибаема и сильна, и нажму на кнопку без тени сожаления к этим голым бурдюкам жира. Да, пусть запахнет жареным! Я нажала на кнопку, и разряды тока мгновенно пронзили жертв, заставив их извиваться в судорогах, испускать пену из закрытых ртов и мочиться прямо на пол. Я ждала, что сейчас подача тока прекратится и все тот же голос произнесет свое сакраментальное... но этого не происходило.

— Летальный исход, — произнес голос, и лишь после этого подача отключилась.

Я сначала не заметила, но эти стулья были составные. Крепежи автоматически разжались, стулья раздвинулись ровно посередине, и тела провалились в уже распахнувши-

еся люки, отправляясь дальше по инстанции, прямо в топку.

Не в состоянии терпеть навалившуюся боль и не желая, чтобы кто-то видел мою слабость, я встала и направилась к выходу из комнаты. Алексей мгновенно оказался возле двери, открыл ее, и когда я вышла, то уже почти без сил плюхнулась в коляску, которую уже держала утренняя медсестра. Это был очень тяжелый день, но, несмотря на самочувствие, я ощущала полную удовлетворенность от совершенного сегодня.

— О чем ты говорил с директором госбезопасности? — спросила я Алексея.

— Наши «мусульманские друзья» упорствуют на допросе, — саркастично улыбнувшись, ответил он.

— Подрежьте им упорки, — это было последнее, что я произнесла. Медсестра сделала мне укол снотворного, и я быстро провалилась в сон.

Глава IV. Уши Аллаха

Невероятно, но прошла уже неделя. Головные боли утихли, и мой лечащий врач начал готовить меня к выписке. Если кто-то думает, что я все это время ничего не делала, то он просто не знает о моей работе. Каждый день ко мне в палату приносили по два чемодана документов, которые мне нужно было подписать. Указы, директивы, письма — целый ворох документов, обсуждение которых продолжалось и во время моей болезни. Усталость мозга была такой, что я с трудом засыпала даже при постоянных инъекциях снотворного. И только одна проблема не давала мне покоя — допрос упорствующих исламских террористов. С момента разговора с Алексеем это дело не сдвинулось с «мёртвой точки». Чем там занимаются эти следователи? Сегодня я решила лично присутствовать на допросе. Со мной будет еще директор госбезопасности. Я знаю, что он очень решительный и жесткий человек, имеющий опыт допросов особо опасных террористов. Мне были известны слухи о его жестких, если не сказать жестоких, методах допроса. Но наплевать! Я тоже знаю, что еще требуется, чтобы заставить разговориться даже немного. Моя медсестра оказалась в курсе этих дел. Поэтому она сегодня будет со мной.

Мы решили приехать во внутреннюю тюрьму госбезопасности ближе к полуночи. За мной лично заедет директор службы, чтобы не создавать излишнюю шумиху и чтобы как

ТРИЛЛЕР «УДАР ДЬЯВОЛА»

можно меньше людей знало о моем местонахождении и о том, чем я собираюсь заняться. Несмотря на то, что в это время в столице начинается ночная жизнь, мое появление вряд ли кто-то заметит. Директор всегда ездит на неприметном черном авто без лишних опознавательных знаков. И только сотрудники госбезопасности и полицейские знают, чей это автомобиль и что лучше держаться от него подальше.

Часы пробили одиннадцать вечера, и в мою палату вошел директор госбезопасности. Молча мы с ним вышли в коридор больницы и прошли к лифту. В лифте мы доехали до подземной парковки, и при выходе нас уже ждала медсестра. Он обменялся с ней многозначительным взглядом, и я впервые заподозрила, что раньше они, наверняка, были знакомы. Мы подошли к автомобилю, и директор не открыл мне дверь, а нажал кнопку пульта. Открылись три двери сразу: две передних и одна задняя. Я села на заднее сиденье, а он с медсестрой на передние. Как только я разместилась поудобнее, двери автоматически закрылись. Двигатель завелся, и я увидела, что в автомобиле нет никакого ручного управления. Компьютер был уже с запрограммированным маршрутом. Но зачем тогда руль? Этот вопрос я и задала ему.

— Это не руль. Это панель управления встроенным пулеметом, — невозмутимо ответил он и включил освещение.

Моему удивлению не было предела. Весь салон был буквально нашпигован пистолетами, автоматами и штурмовыми винтовками. Просто арсенал на колесах. Пока я рассматривала все это вооружение, автомобиль бесшумно тронулся с места и выехал на улицу. Через затемненные боковые окна были видны только яркие огни города.

Мы ехали около полчаса и скоро подъехали к воротам внутренней тюрьмы, которые автоматически открылись перед нами. Авто остановилось напротив одного единствен-

ного входа (он же и выход). Двери автомобиля автоматически открылись, и мы втроем вышли во внутренний двор. Директор нажал кнопку вызова. Двери входа открылись, и мы последовали в коридор, ведущий прямо в просторную комнату, в которой стояли только стулья перед большим полупрозрачным стеклом, за которым была допросная. На стульях, прикованные наручниками, сидели подозреваемые. Это были уже известные мне по видео из сауны люди.

— Что происходит? — спросила я у директора.

— Очная ставка, — сухо ответил он.

— Какая ещё очная ставка!? - я не сдержалась. — Приступайте к действиям наконец!

Директор кивнул медсестре, и она вышла в другую комнату. Прошло около пяти минут, и она уже в белом халате вкатывала в допросную тележку с пузырьками, наполненными серной кислотой, скальпелями, зажимами и кучей других вызывающих дрожь предметов. По подозреваемым было видно, что они заметно заволновались. Вслед за медсестрой вошло еще несколько молодых людей в черных масках, с дубинками и электрошокерами в руках. Следователи устали в сторону стеклянной перегородки с немим вопросом в глазах.

— Приступайте, — директор произнес это слово тем же сухим, ничего не выражающим голосом в микрофон.

На подозреваемых градом посыпались удары дубинок. Не ожидавшие такого, они пытались увернуться или притвориться потерявшими сознание. Удары током мгновенно выводили их из забытья.

— Говори правду, сука! — орал на избитого бывшего генерала следователь.

— Аллах акбар! — неожиданно завопил в ответ генерал, и его клич подхватили другие.

— Какого хуя они орут? — я схватила за рукав пиджака директора. — Немедленно успокойте их.

Я ворвалась в допросную. Директор зашел следом за мной. Было видно, что его нервы на пределе. Допросчики продолжали бить подозреваемых, которые на каждый удар отзывались «Аллах акбар». Один из следователей подошел ко мне и сказал:

— Они будут верны Аллаху до самой смерти. Госпожа президент, если мы будем продолжать допрос, то просто убьем их.

— Почему я должна все делать сама? — возмущенно воскликнула и бросила взгляд на допросчиков.

— Но... Госпожа президент... мы... мы сделали всё, что могли сделать.

— Вы все смешны. Используете против них молот, но забываете о том, что можно найти более утонченный подход. Я покажу вам методику скальпеля. Если вас не затруднит, то подайте мне нож.

— Я не думаю, что....

— Молчать! Просто прижмите его голову к столу.

— Сейчас вы всё нам расскажете. Прошло всего лишь несколько секунд, за которыми послышался душераздирающий крик боли.

— Лишиться ушей для них страшнее смерти. Еще раз повторяю вопрос: «Кто заказал меня и министра МВД?».

Полуотрезанное ухо я держала в руке, а во второй у меня был остро наточенный скальпель.

— Ты, шлюха Иблиса, никогда не сломишь настоящего мусульманина... — смотря на меня, сказал бывший генерал. С его разбитой головы стекала кровь...— Аллах защитит верных ему. Ислам — истинная вера и она завоюет этот прогнивший мир. Каждый мусульманин, выполняющий волю Аллаха, не по зубам тебе, дочь шайтана. Будь ты проклята! Аллах Акбар!

Я не успела ничего сказать, как к нему подскочил директор, схватил за ухо и, глядя ему в глаза, громко закричал:

— Ублюдок! Твой Аллах ничтожество, живущее только потому, что живете вы. Если завтра взорвется солнце, то не станет ни тебя, ни твоего Аллаха. Но пока солнце не взорвалось, я буду гасить таких, как ты, пока жив. И с каждым мертвым муслимом Аллах будет исчезать. Когда не останется ни одного исламиста, он испарится. Потому что его нет, долбанный ты мудак! А теперь я отрежу у тебя уши с таким удовольствием, как будто я отрезаю уши Аллаха.

Директор вытащил из-за пазухи длинный, острый нож и мгновенно отрезал сначала правое, затем левое ухо. Генерал забился в припадке и стал кричать:

— Я все напишу... все подпишу...

Я увидела слезы на его глазах, которые катились по щекам, смешиваясь с кровью. Он трясущимися руками подписывал протокол допроса. Глядя на него, другие допрашиваемые делали то же самое. Все они единогласно признались в заговоре против меня и министра МВД, признались, что их финансировали зарубежные исламские центры, в попытке государственного переворота и создания исламского государства. Обычный суд не будет рассматривать это дело. Этим займется военный трибунал. Доказательств и помимо признаний достаточно, чтобы затевать долгий процесс. Я была взвинчена сегодняшней ночью и потребовала назначить заседание трибунала уже на послезавтра. Я сяду в автомобиль директора госбезопасности вместе с медсестрой, когда она вдруг посмотрела на мои руки и сказала:

— Госпожа президент, ваши руки...

— Мои руки? — не поняла я и посмотрела на них. Они были в крови, и я сжимала отрезанные уши бывшего майора полиции.

— Положите их сюда, — сказала медсестра и открыла банку, из которой резко запахло спиртом.

Автоматически я опустила руки в банку. Спирт защипал кожу, и я следом бросила уши, которые упали на дно. Мед-

сестра подала мне салфетку. Пока я вытиралась, она закрыла банку и спрятала ее под сиденье.

Уставшая, но довольная, я решила что мне потребуется некоторый отдых от государственных дел до следующего дня. Я решила непременно быть на трибунале. Поэтому наступивший день я провела на загородной даче, отсыпаясь весь день. Ближе к вечеру мне привезли копии протоколов допроса, и я несколько часов изучала их. На одном из них я заметила надпись, сделанную, видимо, кровью, на арабском — «Аллах Акбар!» Именно так! Я посмотрела на подпись. Генерал С.

«Вот ведь гаденыш! — подумала я. — Ну ничего, посмотрим, как твой аллах примет тебя без ушей». Я усмехнулась и стала собираться.

Трибунал начал заседание в девять утра. Скучная часть, связанная с судебным следствием, меня не особо интересовала. Итак все было ясно. Судебные заседатели поочередно задавали вопросы подсудимым, которые все сидели с перевязанными головами.

— Я повторяю свой вопрос: подсудимый, вы признаете свою вину? - спрашивал председатель у обвиняемого.

— Я не совсем понимаю, в чем я виноват? — все еще растерянно спрашивал подсудимый.

— Вы участвовали в подготовке и осуществлении покушения на министра МВД и президента?

— Да, я лично готовил план убийства президента Аллен.

— То есть, вы признаете свою вину?

— Я не виноват. Моей вины нет. Я выполнял волю Аллаха!

— Аллах вам лично приказал составить такой план?

— Зачем лично? Мне передали инструкции из Исламского университета, от уважаемого богослова. Все знают, что он правильно толкует Коран. Он выполняет волю Аллаха. И я не мог усомниться в том, что своими действиями я

тоже выполняю волю Всевышнего.

— Значит, вы вступили в сговор с врагами государства и сознаетесь в измене родине?

— Моя родина, моя земля, моя жизнь принадлежит Аллаху...

— Вы присягали на верность этому государству, которому долгое время служили...

— Да, я присягал, но моя присяга отменена Аллахом. Это был неверный путь. Я понял, что присягал служить шайтану. Всевышний отвратил меня от этого служения...

— Вы признали таким образом, что изменили присяге?

— Да, я изменил присяге...

— Суд удаляется для вынесения приговора.

Начались томительные часы ожидания. Я приготовилась слушать этот длинный текст приговора. Судьи вошли явно озабоченные чем-то. Председатель не стал долго раздумывать и, поднявшись с места, начал зачитывать приговор:

«Именем Федерации, военным трибуналом при участии государственного обвинителя, рассмотрев материалы уголовного дела в отношении лиц, обвиняемых в попытке государственного переворота, убийстве должностного лица, находившегося при исполнении своих должностных обязанностей, покушении на убийство президента Аллен К.В., государственной измене, в сговоре с иностранными спецслужбами, покушении на убийство и убийстве гражданских лиц, совершенных террористическими методами, повлекшими за собой причинение вреда здоровью, а также смерть потерпевших, причинение материального и имущественного вреда государственным зданиям и частным лицам, установлено: ...».

Судья начал поименно перечислять каждого фигуранта процесса, перечисляя каждое его преступное деяние. Каждый эпизод, степень его участия, каждое его действие. Словом все то, что я уже слышала во время самого процесса.

«Подсудимый свою вину признал полностью»... — продолжал зачитывать приговор судья, — что подтверждается его признанием и материалами уголовного дела, в том числе видеоматериалами, заключениями экспертов и показаниями свидетелей...

...на основании изложенного и руководствуясь статьями Уголовного Кодекса... суд приговорил... признать виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями ... Уголовного Кодекса и выбрать меру пресечения для данных лиц, предусмотренную статьями Уголовного Кодекса... и назначить исключительную меру наказания в виде смертной казни через расстрел...

...приговор пересмотру и обжалованию не подлежит... исполнение приговора произвести немедленно...».

Осужденные начали переглядываться, ещё не понимая, что же произошло.

— Вам понятен приговор суда? — спросил председатель.

— Какого суда? Мои права человека? Я требую апелляции... — завопил один из осужденных, — это несправедливо!

— И он еще требует справедливости... — усмехнулся один из судей. — Господа, следуйте в столовую уже.

— Вы хотите посмотреть на казнь с полным желудком? — спросил у него другой.

— Я не ощущаю никаких рвотных позывов уже давно. Меня не напрягают эти казни. У меня от голода красные мушки перед глазами быстрее появятся, чем от просмотра корчащихся в агонии тел этих негодяев, — парировал первый.

Осужденных, закованных наручниками и сцепленных друг с другом на случай, если кто-нибудь из них решится бежать, вывели из зала заседаний и повели по коридору в подвал, где началась подготовка к казни. В мою ложу зашел

директор госбезопасности.

— Госпожа президент, вы останетесь на казнь? — спросил он.

— Не только останусь, но я хочу лично застрелить их, ответила я.

— Все уже предусмотрено. Я распорядился установить здесь автоматический пулемет.

— А где директор службы исполнения наказания?

— Он уже в подвале, проверяет работу системы.

— Ну что же... На какое время назначена казнь?

— Осужденных подготавливают через час.

— Вы дадите им возможность помолиться перед смертью? — улыбнулась я, памятуя об отрезанных ушах.

— Если это поможет им встретиться с их несуществующим богом, то пусть молятся... на здоровье... — рассмеялся директор и вышел из ложи.

Я посмеялась его шутке и последовала за ним. Мы молча вышли в коридор и начали спускаться по лестнице в подвал. Я с каждой ступенькой вниз начала ощущать какое-то необычное чувство, которое охватывало меня все сильнее и сильнее. Даже заметила, что руки начали дрожать. Мне безумно захотелось нажать уже кнопку, эту черную кнопку, которая запустит машину смерти, безжалостно уничтожающую тех, кто еще совсем недавно мечтал меня сжечь живьем всего лишь за мое желание привести верующих в адекватное чувство, познакомить их с реальностью. Почему они думают, что все должны обязательно верить в то, во что верят они, и следовать правилам, которые придуманы для них? Зачем мне нужно обязательно выполнять вымыслы разных мракобесов, которые якобы лично общаются с Аллахом или еще каким-нибудь вымышленным вчера на печке богом? Если их Аллах так добр, что лично составляет рецепты взрывных устройств и огненных смесей, чтобы сжигать и взрывать меня, то почему же он сразу не осчастливил всех

своей благодатью? Он просто не существует. А эти убийцы заслужили свою смерть. Они хотели убить меня, но убили других. А сегодня будет акт мести. Да, я желаю отомстить им за погибших! Вот как называется это чувство, которое я сейчас испытываю. Мечь!

Мы зашли в комнату, где сидели судьи, директор службы исполнения наказания, несколько журналистов, стояла телекамера. Все уже было готово к казни. За прозрачной стеной из бронестекла я увидела знакомую уже ранее стену с мишенями, люки под каждой мишенью. А прямо передо мной стоял пульт управления пулеметами.

— Госпожа президент, вы, наверное, желаете сами нажать черную кнопку? — улыбаясь, спросил директор службы исполнения наказаний.

— Именно это я сегодня и сделаю, — ответила я и, пододвинув стул, села рядом с пультом.

Дверь внутри расстрельной открылась, и через неё стали входить обнаженные осужденные. Повязки с их голов были сняты, и мы все увидели, что они без ушей. У некоторых раны затянулись, но не до конца. Лишенные милости Аллаха, они определенно поняли, что никто уже не придет спасать их. Джабраилы не спустятся с небес и не перенесут их в рай с гуриями. Какая глупая и бессмысленная смерть! Я смотрела на их голые задницы и искренне не понимала, почему эти люди, которые ещё вчера защищали свою страну, повелись на бредни каких-то мулл из исламских медресе, обещавших им несуществующие блага. Ведь у них и так все было? Ведь не Аллах же дал им эти звания и чины. Не Аллах! Разве они служили ему? Они выбрали служение Аллаху, и он дал им за службу смерть от моей руки. Аллах, ты очень добр к тем, кто верует в тебя.

Я встала, еще раз посмотрела на них и, прижав палец к черной кнопке, произнесла:

— Да свершится справедливость!

И нажала кнопку. Раздался грохот выстрелов. Сидящие аплодировали мне и этой казни. Расстреливаемые террористы не произносили ни слова. Не было уже никакого «Аллах Акбар». Все было кончено, и их окровавленные тела падали в раскрытые люки, отправляясь прямо в топку. Никакого мусульманского захоронения. Только печки шайтана, как они называли государственный крематорий.

Я еще смотрела в одну точку на стене, на которой виднелись мозги генерала С., когда вдруг зазвонил телефон. Я нажала на кнопку и из микрофона услышала этот давно уже не слышанный лукавый голос: «Ксения Валентиновна, завтра вечером, на государственном канале...в прямом эфире... не забудьте...».

Глава V. Предательство

Известие

А. ПЕТРОВ, К. ДАВЫДЕНКО

Телефонный звонок прозвенел так неожиданно, что я почувствовала какое-то отвратительное чувство угрозы и опасности. Сначала даже не хотелось брать трубку, но это секундное колебание исчезло так же быстро, как и появилось. Буквально сорвав трубку, я поднесла её к уху и услышала голос начальника службы безопасности.

Начальник: Ксения Валентиновна, у меня чрезвычайная новость.

Президент: Какая?

Начальник: Совершено нападение на вашу квартиру. Охрана уничтожена. Ваша дочь и гувернантка похищены. Я сейчас там со спецгруппой.

От неожиданности я чуть не упала на пол. По счастью, сзади стоял стул, на который я присела, но потом снова вскочила и, чуть ли не крича в трубку, потребовала подробностей. Начальник безопасности сухо, совершенно по-деловому, рассказывал мне, что они обнаружили в разгромленной квартире. По его словам, там все залито кровью. Мало того, что охранники были расстреляны, им еще отрезали головы, и стены исписаны изречениями из Корана их же кровью. Непонятно было только, зачем все было разбито и перевернута мебель. Слушая эти подробности, я нервничала все сильнее

и сильнее, пока не выпалила:

— Что с моей дочерью? Что с ее вещами?

— Госпожа президент, мы работаем. Найдена записка от похитителей...

— Что, что там написано?

— Так... Аллен, твоя дочь у нас. Ты ответишь за свое пренебрежение волей Аллаха. Наши условия ты услышишь позже. Можешь начинать молиться, чтобы мы не разрезали твою дочь по кускам и не отправили ее тебе. Можешь сделать из ее мяса люля. Ты и твой шайтан будут есть своих детей... Ксения Валентиновна, тут еще приписка...

— Какая еще нахуй приписка? — тон записки меня разозлил до неистовства.

— Смайлик в конце...

— Эти суки, ишаки еще издеваются? Я им устрою люля, они будут жрать собственные хуи, сырыми... Немедленно начинаем подготовку к антитеррористической операции. Известно их местонахождение?

— По нашим данным, только что захвачено здание городской администрации...

— Там напротив здание театра. Штаб будет там. Я немедленно выезжаю туда. Все в курсе произошедшего?

— Да. Министр внутренних дел уже оповестил своих коллег...

— Хорошо, работайте на квартире. Заключение экспертов-криминалистов я хочу видеть сразу, как только они будут готовы.

— Будет исполнено, госпожа президент.

Я положила трубку и стала собираться. На мобильный поступило сообщение.

«Как все не вовремя, с этими сообщениями», — подумала я, но все же прочла:

«Штаб уже создан. Подъезжайте к городскому театру. Алексей».

« Хмм... Быстро работают...», — подумала я и вышла из кабинета.

Штаб 1

Напротив захваченного муниципального здания стоит здание театра. Весь персонал эвакуирован. Со стороны служебного входа подъезжают автомобили с министром МВД, директором госбезопасности, министром по чрезвычайным ситуациям и министром обороны. Они решительно входят в здание и направляются в кабинет директора театра. Просторная комната уже оборудована под штаб, и на телефонах сидят специальные агенты госбезопасности.

— У вас уже есть план здания? — спросил директор госбезопасности у министра МЧС.

— Да, все коммуникации обозначены на этом плане, — министр развернул карту на столе и красным карандашом стал обозначать входы с фасада и выходы через коллекторы канализации.

— Наши спецподразделения займут подходы возле центрального входа, — заявил министр МВД.

— Хорошо, три группы спецназа уже готовы спуститься в коллекторы, — ответил директор госбезопасности.

— Мы берем на себя контроль с воздуха, — министр обороны подошел к карте и наметил места высадки десанта на крыше здания. — Как только мы поймем, что переговоры ни к чему не приведут, мы начнем штурм сверху.

— Переговоры обязательны! — Директор госбезопасности повернулся к выходу, — но для начала нам стоит дожидаться приезда президента, а потом мы вернемся к плану. Штаб будет здесь, и отсюда нам будет легче координировать наши действия. Никто не возражает?

Все молча согласились.

— Ну что же... продолжим, — директор вернулся к карте

и, еще раз взглянув на неё, сказал, — самый важный вопрос, который мы должны решить — вопрос переговоров. Как мы все знаем, наша страна не ведет переговоры с террористами, но ситуация осложняется особым статусом заложников...

— Надо немедленно уничтожить мерзавцев, — в кабинет вошла президент Аллен. — Я не намерена вести переговоры с кучкой негодяев, захвативших мою дочь.

— Госпожа Президент, ситуация такова, что мы не знаем, что с ними происходит там. Нам нужно это выяснить, и без переговорщиков нам не обойтись... — министр внутренних дел подошел к столу. — У меня есть двое отличных парней, не раз доказывавших свое умение решать ситуации вроде этой с минимальными жертвами.

— Действительно, для начала нам хотя бы нужно узнать, каковы их требования, — директор госбезопасности подошел к президенту. — Что они хотят?

— Господин директор, вы прекрасно знаете, что закон об антитеррористической деятельности прямо запрещает вести переговоры, — президент была взволнована и ходила из угла в угол. — Зачем эти бесполезные разговоры?

— Я не считаю их бесполезными, всего лишь нахожу, что они необходимы для изучения психологической обстановки среди террористов. Нам необходимо знать их мотивацию, их намерения и насколько они решительны.

— Это нам что-то откроет нового?

— Даже если не откроет ничего нового, то хотя бы позволит узнать, нет ли еще людей в заложниках.

— Допустим, мы это узнали. Это позволит избежать штурма? Я уверена, что штурм нам не избежать.

— Я думаю, что вам будет интересно знать, в каком состоянии сейчас находится ваша дочь, — директор решил задеть за самое живое.

— Господин директор, вы отлично знаете, как давить на самые больные места. И как вы хотите это узнать?

— Мы позвоним им. Вполне возможно, что террористам будет вполне достаточно объявить условия освобождения вашей дочери и обойтись без кровопролития.

— Мы их просто отпустим потом что ли?

— Вполне возможно.

— В истории уже были примеры, когда главы государств позволяли террористам спокойно уйти.

— Были...

— Вы предлагаете то же самое? Не ожидала...

— Нет. Мы их отпустим сначала, а потом уничтожим.

— Пресса, общественное мнение, люди... что они будут думать о таких наших действиях?

— Никакой прессы, никаких людей. Никто не будет знать об этом.

— Это невозможно! — министр МВД вмешался в разговор. — Я нисколько не сомневаюсь, что эти бандиты уже в ближайшее время выложат в мировую сеть свое видеообращение, если мы так поступим. Господин директор, я понимаю, что вы привыкли придумывать свои коварные планы в тиши своего кабинета, но повторять чужие ошибки не стоит.

— Действительно, мы можем просто пообещать им, что отпустим после освобождения заложников. Но свое обещание не выполнить, — в кабинет вошел советник президента.

— Господин советник, вы, как всегда, со своими еще более коварными планами, — усмехнулся директор. — Вы не считаетесь с мнением людей!

— Господин директор, вытирайте ноги об людей, им это нравится. Госпожа Президент, директор прав. Нам нужны эти переговоры. В отличие от других ситуаций, когда дело касается семьи президента, переговоры — единственная возможность выяснить, кто стоит за всеми этими делами. Почему произошло это похищение? Как оно вообще оказалось возможным?

— Вы считаете, что тут кто-то замешан из близкого кру-

га? — президент на минутку задумалась.

— Все может быть.

— Хорошо, я принимаю решение о начале переговоров. Господин министр, можете вызывать своих людей.

— Да, госпожа президент. Двое моих людей будут вести переговоры: один здесь, на телефоне. Другой пойдет в здание. Оба будут держать связь друг с другом.

— После их приезда мы еще раз обсудим план штурма, — директор госбезопасности подошел к советнику. — Вы здесь с какой целью?

— Ну вы же знаете, мне не терпится быть в центре событий.

— Что вы хотите сказать?

— Вы отлично понимаете... Мне нужно знать, кто эти люди, какие у них мысли и нет ли еще кого-то, кто думает так же, как они.

— Ну вы ведь уже в курсе их условий и требований?

— То, что они требуют разговора с президентом и отмены законов? Это старая песня. Вы удивитесь, когда узнаете, что они хотят на самом деле.

— Вы уже знаете, что они хотят?

— Еще нет, но догадываюсь. И боюсь, что дело отменой законов не ограничится.

— Это мы скоро и узнаем...

Подготовка к штурму.

Я смотрела на карту здания, которая лежала на столе, но не могла сосредоточиться. Чувство злости и бессилия переполняли меня. Комок несколько раз подкатывал к горлу. Я с напряжением подавляла его, чтобы не хлынули слёзы. Окружившие стол силовики что-то горячо обсуждали на повышенных тонах. В обрывках слов постоянно слышно было одно слово — «газ». Кто-то тронул меня за плечо. Обернув-

шись, я увидела советника:

— Я все видел. Но ваша помощь нам бы не помешала. Вы ведь работали раньше в этом здании.

И тут я вспомнила. Конечно же, ведь я начинала там служащей городской администрации. Мне известны все закоулки, хотя это и было очень давно. Решительно собрав всю волю в кулак, я подошла к столу и, еще раз взглянув на план здания, вспомнила все. Удивительно, но перед моими глазами начали появляться картины коридоров, лестниц, кабинетов, словно я играла в компьютерную игру. Начиная с самого первого этажа и заканчивая последним, все здание выстроилось в моей голове в цельную трехмерную картину.

Министр МВД отмечал карандашом вход с парадной части.

— Предлагаю перекрыть подходы к нему тремя БТРами. Два с правой и левой части, одним посередине...

— Под их прикрытием подтянуть отряд армейского спецназа и ворваться на первый этаж, — перебил его министр обороны.

Я пододвинула план к себе и красным карандашом отметила пожарную лестницу с правой стороны здания:

— Обратите внимание, на плане указано, что эта лестница на реконструкции. Как думаете, реально пустить группу спецназа по этой лестнице?

— Надо проверить, выдержит ли она эту группу. Реконструкция только началась... — робко вставил слово мэр.

— Считаю, что группу из пяти человек лестница выдержит. Но зачем она нам? — министр МВД задумался.

— С каждого этажа на эту лестницу есть выходы. Возможно, террористы знают, что она на реконструкции и думают, мы не воспользуемся ею. Предположим, они даже попытаются воспользоваться ею, чтобы сбежать... — директор госбезопасности начал крестиком отмечать каждый этаж на плане. — Возле каждого выхода будет стоять спецназовец,

чтобы не дать возможность им сбежать.

- Тогда поставьте по человеку и с левой пожарной лестницы, — у меня загорелись глаза, когда представила, как эти мрази пытаются ускользнуть с этажей по коридорам к спасительным, как им кажется, дверям, за которыми стоит солдат, расстреливающий их в упор. Я помню, что в этих коридорах нет ни одного угла, чтобы спрятаться. Как это прекрасно... видеть их тела, корчащиеся от прошивающих насквозь пуль, не в силах выстрелить в ответ. Эти коридоры — маленькие Фермопилы, сдерживающие варваров, покушающихся на нашу свободу. Достаточно всего лишь одного человека, который за несколько секунд превратит в кровавое месиво этих жалких существ, умеющих красть детей и прикрываться ими как живым щитом.

— В подвале здания находятся резервные генераторы электрического тока. Топливо завозится раз в месяц, — я лихорадочно вспоминала подробности своей старой работы. — Какое сегодня число? Десятое?! Так... недавно была авария на подстанции, поэтому запаса топлива очень мало...

— Мы обесточим здание через час, — выступил министр по чрезвычайным ситуациям.

— Значит резервные генераторы заработают автоматически... одну минуту... — я пыталась вспомнить, заливалось ли горючее сразу в баки или часть его оставалась в хранилище, которое контролировалось истопником. Ну, конечно же, солярка хранилась в хранилище. Истопник всякий раз вручную наполнял баки генераторов. — А где истопник?

Собравшиеся переглянулись, не понимая, о чем речь. И только мэр начал звонить кому-то. Тягостное ожидание нависло над нами. Все уставились на мэра так, словно от его разговора с кем-то зависела судьба мира.

— Так, я задала вопрос, кажется... — меня начало переполнять раздражение. — Что вы все молчите? Я получу на него ответ?

Мэр востропнулся, заморгал и сбивчиво начал объяснять, что истопник не работает уже неделю, так как заболел, что-то с почками. Вместо него никого нет, поэтому вполне возможно, что баки генераторов почти пусты.

— Ну что же... тем хуже для вас! — резко прервала его речь я. — Но это в будущем!

Мэр, видимо, не очень понял мою шутку, и я разрядила напряжение, сказав:

— Но пока хуже для террористов. Даже если они попробуют запустить генераторы... их работа будет недолгой.

Уже покрывшийся испариной мэр вздохнул с облегчением. Я заметила это и, подойдя к нему, сказала:

— Когда-то я работала в этом здании, и тогда у нашего истопника был помощник. Но вы решили сэкономить, и вам очень сильно повезло, что ваша экономия сегодня сыграет нам на руку. Подумайте об этом, когда все закончится.

Вернувшись к столу, я услышала, как министр по чрезвычайным ситуациям уже отдает распоряжение подгонять пожарные расчеты к зданию. По плану они должны окружить его со всех сторон. Вероятность возникновения пожара не исключалась. Не будь моей дочери там, я бы сожгла их там дотла, даже не задумываясь о потере имущества. Ничего страшного, те, кто вбивает им идеи террора, не бедные люди и когда-нибудь заплатят по полной. Все эти религиозные экстремисты, стригущие купоны со своей глупой паствы, будут платить по счетам. И если паства хочет оплачивать наши расходы по уничтожению своих выкормышей, то она будет платить. Рабы религии будут платить за все. Нравится им это или нет, но когда моя дочь будет со мной, они жестоко поплатятся за то, что пассивно наблюдали, как их единоверцы готовили это преступление.

За своими мыслями я не заметила, как силовики уже начали отдавать распоряжения прибывшим к штабу группам спецназовцев. Отмечая на карте цифрами место каждого

отряда, директор госбезопасности и руководитель недавно образованного центра противодействия терроризму ставили задачи. Где-то вдалеке ревели сирены, а из громкоговорителей голос сообщал о карантинной зоне в радиусе 10 километров для гражданских лиц и гражданского автотранспорта. День подходил к концу, и небо багровело в предзакатных лучах солнца.

— Не думаю, что нам удастся закончить это сегодня, — из темноты дальнего угла комнаты послышался голос советника.

— Сколько еще это будет продолжаться? — мне так хотелось, чтобы все это поскорей закончилось.

— При кажущейся легкости, мы вряд ли закончим к утру. Нужно измотать противника ожиданием, переговорами, притупить его бдительность и лишить сна. Они не должны спать. Никто из них не должен. Только изнуряющее напряжение заставит их совершить ошибки, которые будут нам на пользу.

— Что уже делается для этого?

— Пока еще ничего. Но сделано уже немало. Телефонные разговоры прослушиваются, радиосвязь уже под контролем. Если их кто-то координирует извне, то нам будет это сразу же известно.

— И что мы будем делать, если заметим, что у них есть координаторы?

— Мы будем глушить связь. Нужно полностью отрезать их от внешнего мира. В идеале нужно бы выяснить, на какой частоте они связываются друг с другом...

— Господин советник, мои люди уже работают над решением этого вопроса, — вмешался в разговор директор госбезопасности. — Современные сканеры радиосвязи позволяют взломать даже их примитивную технику.

— Не думаю, что они пользуются примитивной техникой, — я скептически посмотрела на директора. — Не надо

представлять их обезьянами с гранатами...

— Ну... техника в руках дикаря... — попытался сострить директор.

— Эти дикари, как вы их изволили назвать, совсем уже не дикари. Их дикость только в их представлениях и взглядах на мир. Сейчас они разбираются в технике не хуже нас с вами, — советник резко вышел из полутьмы окружавшей его. — Наше счастье только в том, что пока они еще не научились изобретать ничего. И думаю, что пока у них религия в голове, изобретений мы от них не увидим. А раз так, мы всегда будем на шаг впереди.

Переговоры и переговорщики

Приехал переговорщик. Мужчина средних лет, коренастый с холодным взглядом серых глаз. На лице не дрожит ни один мускул, кажется, что он вообще лишен эмоций. Он подошел к нам и уверенным голосом, не терпящим возражений, сказал:

— Теперь я командую здесь. Без меня никто не сдвинется с места. Если переговоры зайдут в тупик...

— А они могут зайти в тупик? — я решила слегка охладить его.

— Не исключено. Мы не знаем их истинных целей. Террористы могут требовать что угодно, и даже если мы пойдем на все их условия, они с легкостью нарушат любое свое обещание. А речь идет о заложниках... их ведь двое, и одна — ваша дочь, — он смотрел на меня совершенно бесстрастно. Мой выпад нисколько не задел его. Мне захотелось увидеть его в деле. На что он способен?

— Дайте мне телефон, — переговорщик сел за стол и начал набирать номер. Пошли гудки, и потянулись мучительные секунды ожидания.

На другом конце провода никто не брал трубку. Мы сто-

яли вокруг стола с наушниками в ушах и слушали эти изматывающие нудные гудки, ожидая, когда кто-нибудь поднимет трубку.

— Ну что же... попробуем еще раз — переговорщик смотрел в стену напротив своим немигающим взглядом и нажимал кнопки.

Снова эти гудки. Как же они омерзительны!

— Алло! Кто это? — раздался голос в трубке. Мы лихорадочно стали прислушиваться к каждому слову.

— С вами говорит полковник С. Я уполномочен вести с вами переговоры...

— Эээ... А почему сразу не целый генерал? — насмешливо спросил голос. Мы услышали смех и посмотрели на нашего переговорщика.

Он даже не подал виду.

Если ты главный, то освободив заложников, ты сделаешь меня генералом, — на лице полковника едва отразилась легкая усмешка.

— Эээ... Ну я главный, и с чего ты, полковник, решил, что я помогу тебе стать генералом?

— Тебе же что-то нужно, так вот я слушаю тебя. Какие у тебя условия?

— Слушай меня, полковник... Я не хочу с тобой разговаривать. Ты никто! Мне нужна Аллен. И если ты уполномочен, то притащи эту суку сюда, и я с ней поговорю.

— Если это твое главное условие, то президент будет здесь, и вы сможете поговорить. Ты отпустишь взамен одного заложника?

— Я взамен сниму с нее трусы и трахну. Ха-ха-ха! — раздался гомерический хохот террористов.

— Ты хочешь сделать это, или ты хочешь разговаривать с президентом?

— Короче, полковник, не еби мне мозги. Давай к телефону Аллен, и я подумаю, кого же мне отпустить... — в

трубке был снова этот дикий смех.

— Отпусти одного заложника, чтобы я видел, что ты держишь свое слово. А я сдержу свое, и президент через полчаса будет разговаривать с тобой.

— Какое слово, полковник? Я тебе ничего не обещал. Ты испытываешь мое терпение. Где эта Аллен?

— Скоро будет. А где заложник?

— Слушай сюда. Я никого выпускать, отпускать, подкидывать не буду, пока эта ведьма не возьмет трубку. Всё! Не звони мне.

— Подожди... ты не сказал, что ты хочешь еще.

— Да?.. Нам нужны деньги. Двадцать... нет, тридцать миллионов. Вертолет и беспрепятственный коридор до границы. Немедленно!

— Хорошо. Мы уже работаем над этим. Деньги какими купюрами?

— Крупными, чтобы вы их посчитали быстрее — казалось, у меня барабанные перепонки лопнут скоро от их смеха.

— Это всё?

— Пока всё. Эй, полковник, может, нам еще что-нибудь понадобится... ты такой исполнительный, даже начинаешь нравиться. Хахаа!!!

— Кроме девочки и гувернантки, есть еще кто?

— Да этих двоих достаточно, чтобы держать вас за яйца, а вашу суку за жопу. Полковник, забудь про заложников.

Бандит положил трубку. Надо срочно принимать какое-то решение. Я подошла к полковнику и спросила:

— Это и есть тупик?

— Скорее всего, так и есть, — ответил он. — За время разговора я понял, что он не настроен никого отпускать. Его требования смехотворны. Это отвлекающий маневр...

— Вы считаете, что он идейный террорист?

— Скорее всего. Зачем ему вести переговоры со мной,

если его главная цель — вы, и то, что он хочет сказать, должны услышать только вы сами. Он скорее умрет, чтобы на последнем вздохе ощутить себя великим мучеником своей веры, религии...

— Кругом одни воины джихада! Шакал! Я хочу пойти к ним. Они хотят меня, я приду к ним, и пусть они попробуют справиться со мной.

— Ксения Валентиновна, делать это я не считаю разумным, — директор госбезопасности перегородил мне дорогу.

— Я не собираюсь сидеть здесь сложа руки и ждать, когда эти мерзавцы убьют мою дочь и эту несчастную девушку.

— Доверьте это профессионалам. Я знаю, что вы очень хороший стрелок. Нисколько не сомневаюсь в ваших способностях.

— Да, я отлично стреляю. Вы знаете, что я всегда поддерживала право граждан на владение оружием. Это был один из главных пунктов моей президентской программы.

— Однако, как мы видим, не всегда это срабатывает...

— Чепуха! Мы уже снизили процент уровня преступности почти на четверть. И то, что какие-то террористы еще не до конца получили отпор от самих граждан, не означает, что мы что-то сделали неправильно.

Я была раздражена. Какая может быть тут связь? Террористы не бегают по улицам и не нападают на простых граждан. Эти «борцы за веру» уже начали получать отпор на улицах. Здесь же профессиональные террористы, политический террор всегда имеет определенные цели. И эта цель сейчас — я и моя семья. Они хотят, чтобы я прогнулась под них, пошла против своих принципов. Я не буду менять свои принципы! И мне наплевать, что кто-то думает, что они неправильные. Они прежде всего мои.

Звонок прозвенел так, словно прямо в комнате прогремел гром. Мы прильнули к наушникам. Все тот же голос с насмешкой спросил:

— Где Аллен? Я хочу говорить с ней.

Я не выдержала и выхватила трубку из руки переговорщика.

— Я уже здесь. Что ты хочешь, урод? Где моя дочь?

— Здесь твоя дочь, рядом. И скоро я отрежу ей голову. Потом отрежу голову тебе, и головы всех неверных будут болтаться на наших пиках.

— Усрешься резать! Если ты не отдашь мне мою дочь, то пожалеешь, что вообще родился на свет, сын ишака.

— Ты тупая овца, если ты будешь так разговаривать с воином Аллаха, то клянусь, я буду резать твою дочь на куски медленно-медленно, и даже если мне придется умереть, то ты найдешь рядом со мной ленты из твоей дочери. Будешь себе в косу заплетать, дочь шайтана.

— Ты испугать меня хочешь, овцеёб? Ты заплатишь за каждое свое слово, вся твоя семья будет рассчитываться за твою сраную жизнь своими жизнями. Они будут умолять меня, стоя на коленях, подарить им жизнь...

— Моя семья, хахаах, моя семья здесь, сука. Эй, Фатима, ты помнишь эту суку, которая угрожает сейчас мне?

Я едва не упустила из рук трубку, когда услышала смех гувернантки. Какой кошмар! Весь год рядом с моей дочерью работала террористка. Ведь я помню, что она появилась у меня только потому, что ее преследовали на родине за убеждения. А оказывается, все это время она лгала мне. Она обманом проникла ко мне, под мою защиту...

— Да, я помню эту шлюху шайтана, — Фатима смеялась. — Она так верила моим рассказам о том, как меня пытались убить. Эй, овца, я лично убила ту шлюху, которая пошла против Аллаха и чью жизнь выдала за свою, чтобы подобраться к тебе. Сегодня день возмездия за твои преступления. Аллах велик!

— Аллах акбар!!! — заорали террористы.

Сердце сжалось. Комок подкатил к горлу. Какое отврати-

тельное предательство! И какая глупость! Как можно было довериться ей? Но как она красочно описывала свои... чужие... страдания, словно действительно сама пережила все эти насмешки, побои, которые достались несчастной женщине, позволившей себе выступить за собственные права. И вот теперь мне стало ясно, что есть только один заложник. Моя дочь. И эта мысль... мысль, что это зверье ничто не держит здесь, на этой земле, заставляет мой мозг лихорадочно работать, рождая одну идею за другой. Как сделать так, чтобы никого не приходилось спасать? Верующие ждут спасителя, который спасет их... хуй его знает от чего, а ты тут должна спасти собственную дочь от смерти. Как же сложно сделать так, чтобы не было нужды в спасении... Мои мысль прервал голос Фатимы:

— Аллен, я жена его, и он мой муж. Я буду с ним до конца. У нас нет детей, но мы выполняем волю Аллаха. Твоя дочь умрет вместе с нами, если на то будет его воля. Если я избегну смерти, то ты никогда не увидишь свое дитя. Она вырастет и станет выполнять волю бога...

— Иди на хуй, — кричала я в трубку, — моя дочь будет со мной, а ты, тварь, будешь гнить, как и все дерьмо этого мира. Нет никакого Аллаха. И скоро ты в этом убедишься.

Я бросила трубку. Медлить было нельзя. Уже полностью стало понятным, что откладывать штурм не имеет смысла. Еще раз мы все обсудили план действий. Подачу электроэнергии следует отключить. Газовое отопление тоже. Сначала мы хотели отключить воду, чтобы террористы не пользовались водой, чтобы смочить ткани, когда запустим слезоточивый газ. Но идею с газом пришлось исключить из-за ребенка. Плюс возможность возгорания. Вода необходима, чтобы здание не сгорело.

Штурм

В предрассветных сумерках здание мэрии погрузилось во тьму. Батареи стали остывать, и было видно, как в окнах замелькали огни фонарей. Серые тени под тусклым светом луны начали подкрадываться к центральному входу. За ними быстрыми перебежками, по одному, подтянулись к пожарным лестницам еще две группы. Не было слышно ни звука. Только иногда, когда луна, выглянув из-за туч, освещала фигуры людей, было видно, как они что-то показывали друг другу жестами.

— Группа А заблокировала центральный вход. Группы Б и Д уже поднимаются по пожарным лестницам, — доложил директор госбезопасности.

— А где спецназ госбезопасности? — спросила я.

— Уже в подземных коммуникациях под зданием. Сейчас они уже должны проникнуть в подвальное помещение и начать продвигаться наверх.

— Надо полагать, они обязательно столкнутся с террористами... Не нужно, чтобы они нарушили тишину...

— Мои люди используют глушители, на случай стрельбы.

— Есть картинка с мест? — спросила я.

— Да, уже пошла, — ответил оператор видеосвязи. — Взгляните.

На экране монитора тепловизора было видно скопление людей на средних этажах мэрии. Террористы предпочли держаться подальше от верхних и нижних этажей. Несколько одиночных фигур все же были замечены на верхнем этаже. В вестибюле находилось двое. Несколько наших снайперов уже приготовились ликвидировать их и выжидают момента, когда они выползут из своих укрытий.

Главный вход оказался забаррикадирован. Массивная железная дверь не поддавалась. Снять с петель было невозможно. Мы приняли решение, что по общему сигналу группы спецназа начнут проникать на этажи. Входную дверь

решили взорвать. Звук взрыва и будет сигналом к общему штурму. Подрывник военного спецназа заложил С-4 со стороны петель. Взрывчатка, похожая на пластилин, плотно прилегла к петлям. Закрепив детонаторы, он жестом подал команду укрыться за БТРми. Как только он убедился, что все установлено правильно, скрылся сам.

— Пять, четыре, — начался обратный отсчет, — три, два, один...

Взрыв вынес дверь и разнес установленные за ней шкафы, столы и стулья, из которых террористы соорудили баррикаду. Двое боевиков выскочили из своих укрытий и попытались оказать сопротивление. Но тут же были подкошены пулями снайперов. К сожалению, они были только ранены, поэтому неизбежно завязалась перестрелка.

Звук взрыва был слышен даже в подвале, поэтому спецназ госбезопасности мгновенно вырвался на первые этажи. Боевиков там не было, и группа начала продвигаться по лестнице на средние этажи. Однако не обошлось без сюрпризов. На каждом этаже оказались растяжки, и только опытность командира спецназа помогла уберечь группу от попадания в ловушку.

Спецназ МВД попытался закрепиться на первом этаже, но атака была отбита боевиками, которые спустились группой из трех человек на первый этаж.

— Да разьёбите же их гранатами!... — кричал по радиции министр МВД. — Мне наплевать, что с ними там будет. Никого живьем не брать. Уничтожьте их и продвигайтесь наверх!

Несколько выстрелов из подствольных гранатометов превратили картинку на мониторе в облако пыли. Стекла из верхних этажей, которые еще оставались целыми, вылетели, разбившись на миллионы осколков. Минуты две стояла тишина, и только пыль, кружившаяся в воздухе, медленно оседала на пол. Перед глазами вошедших бойцов предстала

картина полного разгрома: развороченные столы, горящие кипы бумаг, оконные рамы и несколько изуродованных тел, без ног, рук и голов. Эти части были разбросаны повсюду. Одна из рук болталась на чудом уцелевшей люстре. Они медленно и осторожно стали пробираться к лестнице. Неожиданно сзади что-то грохнуло. Это упала люстра с рукой, пальцы еще даже шевельнулись пару раз.

— Живучая, падла! — зло хмыкнул командир. — По одному наверх, марш! Под ноги смотрите, они тут растяжки везде поставили.

В это же время группа армейского спецназа уже спустилась к средним этажам с крыши. Как и предполагалось, сопротивление никто не оказал. Террористы понадеялись на свои растяжки. Саперы уже были готовы обезвредить каждую из них. Мы опасались, что будут мины, подрываемые дистанционно, но, видимо, боевики не стали прибегать к столь крайней мере, так как рассчитывали скрыться. Что же они собирались сделать? В разбитых окнах кабинетов замелькали языки пламени. Поджог! Они решили поджечь здание, чтобы под прикрытием огня успешно скрыться. В клубах дыма наши снайперы не смогут разглядеть их передвижение. Но нам было видно, как их фигуры метнулись в стороны пожарных лестниц.

— Держать выходы на этажах! — рявкнул министр МВД в рацию. — К вам гости.

Было слышно, как началась перестрелка, но мы не видели картинку в коридорах. Только фигуры на экране тепловизора падали на пол, видимо, пораженные пулями.

— Продвигайтесь в блок А, — приказал министр. — Будьте предельно внимательны. Основная группа боевиков находится там. Снайперы, откроете огонь, как только пожарные расчеты подавят огонь на нижних этажах.

Из-за клубов дыма не было видно, что происходит в кабинетах. Пожарные уже начали заливать водой нижние эта-

жи.

— Вертолет к фасадной части! — приказывал министр обороны. — Группы боевиков в подблоках А1 и А2. Уничтожить немедленно!

Вертолет с группой штурмовиков подлетел к фасаду и открыл стрельбу из пулеметов, превращая офисную мебель в решето. Я очень волновалась, чтобы не была задета моя дочь. Но не было видно, где она. На экране упали несколько фигурок. На средний этаж, в блок А, из вертолета пробилась штурмовики. Но попали в засаду. Было видно, что они ранены. Прозвучало несколько одиночных выстрелов. Это снайперы взялись за работу.

— Доложите обстановку! — директор госбезопасности схватил рацию. — Где главарь боевиков?

— Господин директор, докладываю... — сквозь шум помех из рации доносился голос командира спецназа. — Главарь и оставшаяся группа пробивается на нижний этаж.

— Где заложница?

— Не замечена.

— Эту группу уничтожить.

— Слушаюсь!

Я всматривалась в экран, пытаюсь рассмотреть в этих оранжевых фигурках свою дочь, когда услышала по рации:

— Докладываю... Главарь боевиков уничтожен. Группа из пяти боевиков продолжает пробиваться вниз.

— Какая замечательная новость, — подал голос молчавший до этого времени советник. Он подошел к столу и положил на него свою «Беретту», с которой никогда не расставался. — Думаю, сегодня она уже не пригодится.

— Вы хотели принять участие в штурме? — усмехнулся директор госбезопасности.

— Ну, все может быть, — улыбнулся советник.

Я уставилась на пистолет и смотрела всего несколько секунд, прежде чем приняла это отчаянное решение. Схватив

его, я побежала к выходу, на ходу снимая с предохранителя.

— Госпожа президент... нет! Куда вы? — отчаянно закричали министры.

Но я уже их не слышала...

— Там моя дочь! — крикнула я, выбегая из здания.

— Надо ее остановить! Немедленно! — переговаривались министры. — Советник, что вы наделали?

- Женщина, спасающая своего ребенка, не менее достойна, а даже более достойна, чем мужчина делающий это, — ответил советник. — Ну вот и моя «Беретта» сегодня послужит. Пусть даже не мне...

Спасение

Я бежала к зданию изо всех сил. Если мне не изменяет память, я была одета в форму спецназа, поэтому меня никто не остановил. Я знала, что будь я одета по-другому, меня бы тут же скрутили, не дав даже ступить на порог мэрии. Вокруг валялись разбитые стулья, догорали документы, под ботинками скрипели осколки оконного стекла. Я перемахнула через разбитый диван, вылетевший с первого этажа после взрывов, и оказалась внутри вестибюля. В нос ударил резкий запах гари, пота, крови, кала и мочи. Видимо, кое-кто из боевиков не выдержал и обделался от страха во время первого штурма. Я шла к лестнице, когда увидела этот труп. Вот и обосравшийся. На полу лежало тело в луже мочи. Его голая черная задница была вымазана поносным калом, в остекленевших глазах читался страх и ужас. И это мерзкое создание думало, что будет в раю? Какой идиот! Сдохший вонючий труп едва не вызвал рвотную реакцию, и я поспешила дальше, сдерживая себя, чтобы не наблевать ему на харю.

По лестнице застучали чьи-то шаги. Я напряглась и прицелилась. Так может идти только женщина. Предвкушая эту

встречу, я ждала ее с того самого момента, когда узнала о предательстве. Из темноты показалась женская фигура. У нее в руках был предмет, закутанный в одеяло. Да, я не сомневалась, это моя дочь. Когда женщина вышла на свет, мне оставалось только убедиться, что передо мной Фатима. Она заметила меня, охнула и мы встретились глазами. Мы смотрели друг другу в глаза несколько секунд. Сначала я увидела страх, который сменился ненавистью. В этот момент я поняла, что медлить нельзя. Ненависть в глазах верный признак отчаяния у человека, окруженного врагами. Такой будет сопротивляться. А у неё моя дочь, и она была готова убить её, чтобы не дать нам соединиться вновь.

Я нажала на спусковой крючок. Какое-то мгновение мне казалось, что я видела, как пуля медленно вылетает из ствола и летит в сторону Фатимы. Я услышала вскрик и увидела, как у нее во лбу образовалась дыра, такая небольшая, черная... На стену, сзади, плюхнулись брызги крови, смешанные с мозгами. Фатима начала падать назад спиной, отпуская удерживающей рукой ребенка. Я резко прыгнула вперед, подхватывая дитя на лету, и обеими руками прижимаю к себе.

— Моя малышка! — я прижала дочь к груди, ощущая, как бешенно колотятся мое и её сердца. Она хоть уже не маленькая, но я старалась закрыть ее тело своим целиком, поэтому не заметила шевеление в углу вестибюля.

Разгребая завалившую его мебель, Ахмед крепко сжал зубы, чтобы не завопить от мучительной боли. Он уже давно заметил, что находится рядом с президентом этой страны, которая посмела сказать «нет» воле Аллаха. Он записался в отряд боевиков сразу, когда узнал, какая будет цель этой миссии. И вот теперь у него появилась возможность сделать то, что не получилось у других. Да, хоть он и ранен в обе ноги, и пуля попала ему в живот, но сегодня он найдет силы, чтобы исполнить волю пророка Мухаммеда (да будет бла-

гословенно имя его), и уничтожит неверную, попирающую эту землю, созданную Аллахом и принадлежащую только мусульманам. Превозмогая боль, он поднялся на ноги и, смотря сквозь застилавшую его глаза кровь, прицелился. В его автомате было всего несколько патронов. И он очень хотел чтобы они все попали в неё.

— Аллах Акбар! — закричал он из последних сил и нажал на курок.

Я почувствовала острую боль в плече, в руке и ноге. Обернувшись, я увидела бородатого мужика с перекошенным лицом. Его глаз не было видно из-за крови, которая ручьями стекала с его головы. Еще мгновение и он задержался от пуль пронзающих его тело, которые вылетали из ствола автомата вбежавшего в вестибюль директора госбезопасности. Его буквально трясло, когда он подошел ко мне, медленно оседавшей на пол. Перед моими глазами начала сгущаться белая пелена, и я стала терять сознание. Плач моего ребенка становился все громче и громче, пока я не проснулась в холодном поту с ужасным криком: «Доченька, доченька...».

— Она спит, тише, сейчас ее разбудишь. Тебе приснился кошмар, успокойся, всё хорошо. Я принесу воды, сказал мой муж и после поцелуя отправился на кухню. По моим щекам катились слезы. Это было самое страшное, что я могла увидеть в своей жизни. Я медленно начала приходить в себя, и моё сознание погрузилось в сон...

Глава VI.

Вечерний разговор

Над телецентром медленно собирались тучи, предвещавшие ночной дождь. Невысокий, средних лет мужчина, в рясе, направлялся ко входу, держа в одной руке небольшую дорожную торбу, а в другой толстую книжку, на обложке которой было написано «Оккультные секты». Книжка была открыта, и священник её внимательно читал. Он дошел прямо до входной двери и остановился. Пытаясь войти, он толкал дверь плечом. Но дверь не поддавалась. Попробовав ещё пару раз, мужчина оторвал взгляд от страниц и удивленно посмотрел перед собой. На двери висела табличка «Открывать на себя». Аккуратно закрыв книгу, вложив на недочитанную страницу закладку, священник взял её двумя пальцами руки, державшей торбу, а освободившейся рукой потянул дверь за ручку на себя.

Проникнув, наконец, в здание, он спросил у проходившей мимо девушки, где находится студия 3.

— Прямо по коридору, слева, — ответила она, с любопытством рассматривая посетителя.

Священник медленно направился вперед по коридору, внимательно вглядываясь в таблички на дверях. Пройдя до его самого конца, он в растерянности замотал головой и два раза повернулся на месте. Постояв минуту, он так же медлен-

но пошел в обратную сторону, но смотрел уже на таблички дверей другой стороны коридора. И вот он снова оказался у дверей, которые ещё недавно не пускали его внутрь. На его лице была растерянность. Неуловимая студия 3 не поддавалась открытию. Дойдя до середины коридора, священник остановился, посмотрел назад, и в этот момент дверь слева открылась и из нее вышел известный телеведущий популярной программы «Вечерний разговор».

— Отец К, ну мы вас просто заждались! — в голосе ведущего чувствовалось раздражение, смешанное с нетерпением. Он взял священника под руку и ввел в помещение.

— Ой, вы знаете... — начал поп, — какое-то наваждение просто. Я, стало быть иду сюда из нашего антисектантского центра, читаю по дороге, и прямо какие-то вот силы закружили меня и водят тут по коридору из одного угла в другой. Я все никак не пойму ... сказали, что третья студия слева по коридору, и я вот хожу, смотрю и думаю: ну слева... да... а с какой стороны слева-то... с той или этой... и почему слева... Вот бесы, они слева ведь и студия третья, да вот третья... слева да. Священник покрутил рукой над своей головой:

— Вот ведь закружили-то...

Он улыбнулся, и ведущий, улыбнувшись в ответ, сказал:

— Ну уже пора, присаживайтесь в кресло. Сейчас придет гример...

— Гримера не надо, обойдусь...

— Ну, ваше дело, — ответил ведущий и повернулся в сторону камер.

Начинался отсчет до начала программы.

— Уважаемые телезрители, в эфире программа «Вечерний разговор», и у нас в гостях известный христианский богослов, декан богословского факультета Христианского Университета, отец К. Здравствуйте, отец К.

— Добрый вечер. Благослови вас Господь!

— Отец К., наш сегодняшний разговор пойдет о вашей

неожиданной инициативе в христианской среде. Я имею в виду мысль поддержать идеи, изложенные в законе о религии, о прохождении тестов для тех, кто намерен объявить себя верующим. Что сподвигло вас на это?

— Вот вы знаете, что я служу в церкви, и много людей обращаются ко мне за советом и духовной помощью. Так вот, мне печально слышать, как вроде бы верующие люди совершенно не знают самых основ христианства... Конечно, я не могу пройти мимо, когда вижу, что женщина или мужчина, носящие крестики, читают богопротивные «диагностики кармы», гороскопы... и мой долг как христианина удержать их от пагубы. Вот я езжу по стране с лекциями, при храме, где я служу, есть воскресная школа, курсы катехизиса... Я приглашаю людей прийти на лекцию, пройти самые основы... И вы знаете, я вижу какое-то неподдельное неприятие, нежелание у людей...

— Вы сейчас хотите сказать, что сами люди не желают знать, во что они верят?

— Нет, не так однозначно... но именно вижу духовную лень... Это непременно ведёт к ошибочному пониманию самой сути. Так вот, видя все это, я уже давно задумывался над тем, как можно преодолеть это духовное безразличие. И когда я прочитал закон, то внутренне даже согласился, что те, кто называют себя христианами, обязательно должны ими быть по сути, а не по названию. Господь наш говорит: «Много званых, но мало избранных». Так вот, я не печалюсь о том, что если вдруг кто-то не пройдет тест. Не всё сразу. И не все сразу. Обретение истины — тяжелый путь, как и обретение веры.

— Тогда как вы смотрите на практику крещения младенцев? Не кажется ли вам, что человеку лучше принимать веру, будучи уже взрослым?

— Нет, не кажется. Вы вот подумайте, почему мы считаем, что нужно обязательное крещение. Господь наш Иисус

Христос просил, чтобы приводили к нему детей...

— Да, но ведь дети не всегда понимают смысл религии, тем более младенцы... Ведь они могут вырасти и отвергнуть вашу веру. А им будут говорить: «Ну вы же крещенные!». Вот что им делать?

— Вы не понимаете... Христианским воспитанием детей занимаются их «крестные родители». Это их обязанность, которую они сами на себя возложили...

— И как протекают их успехи на этом поприще? Вы же сами можете видеть, что они почти не уделяют этому внимания.

— Да-да... и вот это самое страшное. Ведь быть крестным отцом или матерью очень почетно. А люди думают, что можно ограничиться только крещением и забыть про духовное наставничество. Это совершенно неправильно. Вы представляете, но многие из крестных не то, что основ не знают, они даже «Отче наш» не могут прочесть. И меня это сильно печалит. Люди не понимают, что выбирать крестных для ребенка следует из тех, кто действительно может быть духовным наставником. А вместо этого приходят вообще далекие от духовной жизни люди. Я вот не могу запретить им брать таких людей... а хочу. Мой долг пастыря —направлять людей на путь, а не потакать их прихотям. По возможности я провожу беседу с будущими крестными, рассказываю об их обязанностях в будущем... Но как вот еще быть, когда эти люди в церкви-то почти не появляются? Даже христианскую жизнь не ведут.

— Патриарх, помнится, в одном из своих выступлений говорил, что количество верующих увеличивается...

— Вы знаете, я не вправе критиковать патриарха, но я имел встречу с ним, и мы говорили на эту тему. Количество — да, а вот качество — нет. И хуже всего, что это количество чаще извращает. Для меня как члена Тестовой комиссии самым важным является внесение особых дополнений

в подзаконные акты.

— Что вы имеете ввиду?

— Я говорю о том, что крещение младенцев можно бы и разрешить, если его родители прошли тест, его будущие крестные прошли тест.

— Ну допустим, что это разрешили. Ребенок вырос и решил стать мусульманином или атеистом. Какой смысл был в крещении?

— Я не исключаю такого. Но все же надеюсь, что этого не случится. И на это у меня есть основания...

— Назовите эти основания. Я думаю, нашим зрителям это будет интересно.

— Вера его родителей, которые прошли тест, самое главное основание. Маленький ребенок будет видеть перед собой живое подтверждение того, что вера в бога действительно творит чудо. Вера его родителей подтверждается делами. Ведь, как можно заметить, очень часто слова расходятся с делами. Ребенок слышит: «Надо верить в бога». Но он не понимает, как можно верить в бога.

— Ну, обычно, детям просто говорят, что «бог есть» и что в него нужно верить.

— Да, но дети же все видят. И если родители в своей жизни отступают от того, что заявляют, то их дети впадают в еще большее неверие. Сомнение в вере часто бывает. У меня оно тоже было. Но это преодолимо. Нужна опора, якорь который удержит от падения в бездну. В верующей семье дела подтверждают веру.

— Отец К., у нас тут звонок в студию. Первый на сегодня. Давайте послушаем. Говорите, пожалуйста, ваш вопрос...

— Да, здравствуйте... У меня вот такой вопрос... Вот вы говорите, вера, там... дела... так... хочу сказать... ни по чему не видно вашей веры. Если бы вы действительно верили в такие изумительные, потрясающие вещи, вы жили бы ина-

че. Вот... что можете сказать?...

— Спасибо! Ваш вопрос понятен. Так что, отец К.? Что вы можете ответить на этот вопрос? Ваше мнение...

— Да... ну... Вы ведь верите в неизбежность своей смерти? Не только верите, но знаете наверно. Ну и что же? Сильно ли это отзывается на характере вашей жизни? Нисколько не отзывается.

— То есть, вы хотите сказать, что вера никак не сподвигает к изменению своей жизни?

— Нет, я хочу сказать, что не всё сразу. Духовный подвиг веры, начатый недавно, в любом случае даст результаты. Но чтобы они появились, требуется не просто вера, не заявление о своей вере, а духовная работа. Тут и молитвы, и дела, направленные на добро (благотворительность и прочее). Выполнение обрядов. Очень многое. Требуется полноценная духовная жизнь. Только после этого появляются доказательства вашей веры...

— Извините, у нас новый звонок. Давайте послушаем. Говорите, пожалуйста. Алло... мы вас слушаем...

— Алло... алло... я в эфире?..

— Да, говорите...

— Я что хочу сказать... Вот батюшка говорит правильные слова... но я как думаю... Те, кто хочет доказательства для своей веры, на ложном пути. Вера — свободный выбор, и там, где есть хотя бы скрытое даже от самого себя желание доказательств, — нет веры. Знаки Богоявления не надо принимать как «доказательства», этим мы снижаем, перечеркиваем подвиг веры. Вы согласитесь со мной?

— Спасибо за ваше пространное рассуждение... Что вы скажете, отец К.?

— Звонивший прав в одном: желание иметь доказательства — ложный путь, верно. Но желание не иметь их тоже. «Вера без дел мертва», — говорит апостол Иаков в послании. Что это значит? Сама вера по себе — большая сила.

Но надо и поступать по вере. Сама вера спасти не может. Покажите мне свою веру без дел. А я покажу свою в делах своих. Очень многие не понимают и даже ложно толкуют слова апостола Павла о спасении верой. Вот, к примеру, иудеи или мусульмане обязаны выполнять предписания, собранные в Шулхан Арухе или шариатских предписаниях. И этого вполне достаточно для подтверждения их веры. В христианстве все сложнее. У нас тоже есть предписания, заповеди, которые мы обязаны выполнять. Но есть еще и Христос, без веры в которого все наши дела не имеют смысла. Многие, правда, считают, что апостол Павел, говоря о спасении верой, отрицает дела веры. Это не так. Наши дела должны быть связаны с верой в Господа. И это поднимает нас выше других. Я не говорю, что мы какие-то особенные, а другие неправильные. Нет. Наша вера, подтвержденная в наших делах, дает нам возможность стать детьми божьими. И по милости господней нам будут ниспосланы те дары веры, о которых нас спрашивают неверующие...

— Вы имеете в виду исцелять больных, превращать воду в вино?..

— Я понимаю, что для вас это смешно, но если господь сподобит, то и этого можно будет достичь.

— Так почему же не достигаете?

— Маловерие — вот главная причина.

— А как же вера с горчичное зерно?

— По милости божьей дано будет это. Но я ещё раз хотел бы обратить ваше внимание на то, что начало пути для достижения этих даров — самое трудное. И способности творить чудеса не самоцель. Никто не достигнет всего этого сразу.

— Тогда вы можете рассказать, как именно всего этого можно достичь? Ну, хотя бы примерные несколько пунктов.

— Конечно. Я уже внес на рассмотрение комиссии несколько своих предложений, которые были мной получе-

ны в результате долгой миссионерской, просветительской и учительской работы. Так как я веду курсы катехизации и преподаю богословие, у меня определенно имеются свои собственные идеи для улучшения того состояния веры, которое сейчас сложилось. Мы имеем большой опыт святоотеческой традиции, и мне потребовались многие годы, чтобы собрать те жемчужины мудрости, рассыпанные по житиям, духовным письмам наших святых своим духовным чадам. Я сейчас читаю специальный курс лекций на факультете. Мои студенты называют его «Как обрести веру». Тема действительно сложная. Но в проекте теста для христиан я полностью изложил те положения, те идеи, которые есть в этом курсе.

— Насколько я знаю, советник президента Аллен одобрил ваши предложения.

— Да. Так как он курирует работу комиссии, то мне пришлось выйти напрямую на него со своими предложениями. Я пригласил его на свои лекции. И он посетил все девять лекций, чего, согласитесь, не всегда можно ожидать от человека противоположных взглядов.

— Что, на ваш взгляд, могло привлечь его в ваших предложениях?

— Думаю, события, которые произошли недавно, неизбежно повлияли на его мнение о том, как именно должно происходить тестирование. Что должно содержаться в тестах. Я рад, что меня допустили к участию в комиссии, потому что первые проекты тестов были совершенно никуда не годными. Они не отражали самой сути христианства, так как были написаны религиоведами-атеистами. Эти люди ничего не понимают. Они не знают о сути духовной жизни, саму внутрицерковную жизнь понимают превратно.

— Так что же, ваш проект тестов позволит более эффективно отделить зерна от плевел?

— Я понимаю вашу иронию, но замечу, что не претен-

дую на истину в последней инстанции. И быть на месте Господа не собираюсь. Мой проект — это не отделение овец от козлищ, а толчок для тех, кто, не пройдя тест, задумается о своей жизни, о своей духовной жизни, прежде всего.

— То есть вы предполагаете, что многие не смогут пройти этот тест?

— Да он очень жесткий, даже более чем. Мы долгое время... Я говорю «мы», потому что и сам в этом участвовал, потакали человеческим слабостям. За многие годы я убедился, что как необычайно были правы древние соборные установления. Сейчас все очень расслаблено. И хуже всего, что расслабленные люди стремятся быть более «святыми», не имея для этого никаких оснований.

— Вы имеете в виду лиц из околосцерковных братств?

— И их тоже. Я встречался с ними. И меня удручает то, что они при всей своей пылкости не понимают самой сути веры. То они борются с еретиками, богохульниками, то еще с кем-либо. Но в их действиях нет ничего христианского. Это называется «прельщение». Дьявол использует их для того, чтобы отвратить многих от Христа. Нельзя брать на себя исполнение божьей воли. Господь пошлет наказание тем, кто отступил от него, и без таких помощников.

— То есть их борьба против богохульников противоречит христианству?

— Их борьба есть следствие недостаточной катехизации. Бог поругаем быть не может. Всякая хула на Отца и Сына простится, но на Духа Святого — нет. И Господь сам определит наказание для хулителей на Суде.

— Отец К., вернемся к вашему проекту тестов. Всё-таки, поделитесь с нами, что именно вы включили в него.

— Отталкиваясь от своего курса лекций, я счел необходимым дополнить первый проект, сделанный не мной.

— Поясните для наших телезрителей, что было в этом первом проекте. Думаю, не многие знают... для сравнения.

— Когда я впервые ознакомился с его текстом, то увидел, что его авторы видят христианство как какой-то набор правил. К примеру, нужно знать основные догматы, заповеди, молитвы и прочие разные мелкие детали. Какой-то набор для детей, сдающих тесты по физике. Христианство — это не физика и не химия, не набор конструктора для детей. Христианство — это не только философия, и не этические стандарты или преданность религиозным ритуалам. Какой смысл знать список всех церковных праздников и не знать, к чему они относятся, их суть? Какой смысл знать список всех чудес, совершенных Христом, и не быть при этом в личной связи со Спасителем? Конечно, я был очень недоволен. Ведь речь идет о вхождении человека в круг верующих. А это совсем другой уровень понимания.

— Что же вы предложили в первую очередь?

— Я внес следующее изменение: чтобы человек считал себя христианином, он должен уподобиться Христу. Стать образом божьим. Уверовать в Христа настолько, чтобы каждое дело, совершенное им, показывало эту веру. Недостаточно просто признать Христа Спасителем. Но нужно жить в соответствии со сказанным им. Вот мною предложен такой вариант опроса: можете ли вы отдать все, что у вас есть, тому, у кого нет ничего? Готовы ли вы отвергнуть родственников, если Господь призовет вас к уединенной жизни? Готовы ли вы пострадать за имя Господне?

— Действительно, очень серьезные вопросы. Как вы думаете, многие ли люди смогут принять такое?

— Надеюсь, что настоящий христианин без промедления сделает это.

— У нас звонок в студию, говорите, мы вас слушаем.

— Здравствуйте, батюшка. Вот вы сказали про отвержение родственников. Разве это по-христиански? Многие секты требуют того же. Спасибо за ответ.

— Хороший вопрос, благослови вас Господь. Ведь о чем

идет речь. Трудность отношений между близкими по крови и вообще в семье зависит от того, что в семье (муж — жена, родители — дети) господствуют обычно отношения инстинктивно-природного порядка, и если один из членов ее живет духовной жизнью, то ему приходится плохо. «Враги человеку — домашние его» — сказано об этом случае.

— Что же еще вы предложили?

— Прежде всего, начало христианской жизни начинается через смирение. Как велика сила смирения! Как обесиливает отсутствие его. Смиренный, даже при отсутствии большого ума, талантов, берет в плен все сердца. Сущность гордости - замкнуться для бога, сущность смирения - дать богу жить в себе. Грехом, гордостью одного человека пало единосущное ему человечество и смирением одной же, рода нашего, оно возродилось. Во всем надо полагаться на милость Божию. Все святые считали себя грешными. Не надо злословить или совершать насилия над другими. Поучайте добрым словом. Что Божье? Божье — любить ненавидящих. Дьявольское — ненавидеть, оскорблять любящих. Человеческое — любить любящих, ненавидеть ненавидящих. Так будьте совершенны, как Отец ваш Небесный. Смирение есть подвиг во имя Божие. Готовы ли вы быть смиренным? Вот один из вопросов теста. Что для вас смирение: отказ от самоправедности, упование на милость Божию?

— Отец К., а приведите пример отказа от самоправедности.

— Это притча о мытаре и фарисее. Фарисей в храме похвалялся своей праведностью, в то время как мытарь бил себя в грудь и каялся в грехах. И для бога важно искреннее раскаяние мытаря, чем надутая самоправедность фарисея. Его ложное понимание. Самоправедность вырастает из гордыни и прирастает завистью, злобой. И в конечном итоге ведет к маловерию или полному неверию. И все скрыто за масками.

— Почему так?

— Думаю, что все это действие сатаны, дьявола. Дьявольская сила действует в людях. По её наитию это и происходит.

— То есть вы считаете, что дьявол заставляет людей совершать грехи?

— Несомненно. Люди плохо различают, что есть божие, а что есть дьявольское. Ослепленность своей собственной исключительностью ведет к прельщению. И вот новый вариант тестов и позволит выявить это прельщение. Вот ко мне приходят на исповедь, и я вижу какое-то поголовное равнодушие. Благодарю бога, что он почти всегда дает мне переживать исповедь как катастрофу. Ведь почему у святых такое острое ощущение своей греховности? А от того, что они близки к источнику света — ко Христу. Что больше всего страшит? Состояние нечувствия, духовной лени и слепоты. Какую боль и раскаяние должен был бы вызывать грех, какую жажду покаяния и прощения должна была бы вызывать душа! Ничего же этого обычно нет. Да и кругом жизнь так идет, как будто и впрямь все благополучно на свете. Это равнодушие, может быть, и есть результат того духовного разрушения, которое является последствием греха.

— Так значит, покаяние не всегда может приводить к исполнению молитвенных просьб? Покаяние может быть неполным? Как отражено в тестах это?

— Вы знаете, равнодушие верующих — вещь гораздо более ужасная, чем тот факт, что существуют неверующие.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что мы ежедневно каемся в грехах. Мы постоянно о них вспоминаем, и чем больше мы о них вспоминаем, тем больше их становится. Каждую исповедь я слышу и вижу, как растет в людях это неполное покаяние. Каждый раз я слышу повторение одного и того же. Люди не осознают, что полное раскаяние не предполагает совершение того же

греха повторно. Сказано Господом: «Иди и больше не греши»». А вместо этого что? Несовершенны люди? Пастыри духовные, потакающие человеческим слабостям: «Сделайте послабление в посте, ваше здоровье не так крепко». И все такое прочее... Вот оно — умножение равнодушия и духовной лени. Только полное и глубокое раскаяние ведет к обретению благодати божией.

— Скажите, отец К., а вот посещение церкви, исполнение всех обрядов как-то приближает людей к обретению веры?

— Приближает, если есть живая вера. Постоянное наше самооправдание — это, мол, еще грех не велик, и самоуверенная мысль — «до большего себя не допущу». Но горький опыт всем нам много раз показал, что раз начатый грех, особенно, разрешенный себе, овладевает человеком, и возврат от него почти никому непосилен. Среди нас ходят живые мертвецы, смерть их души наступила прежде смерти телесной. Таковые и в церковь могут ходить каждый день и все обряды выполнять. А вот живой веры не имеют. Ведь в чем заключается живая вера? В главе 16 евангелия от Марка даны признаки веры, и каждый верующий обладает всеми этими признаками. А в действительности? Если так понять слова евангелия, то тогда ясно же, что веры в нас нет.

— Насколько я помню, это очень суровые требования. Вы обладаете чем-нибудь из перечисленного?

— Мне остается только уповать на бога. Если Господь сподобит, то получу эти дары веры.

— Что же еще остается?

— Может быть утешением будет объяснение апостола Павла о различных дарах Духа Святого: «Одному дается слово мудрости, другому слово знания, иному дары исцеления»...

— Ну, судя по всему, ни того, ни другого у христиан не наблюдается...

— Вы бьете в самую больную точку...

— Ну так ведь есть же способы обретения даров веры?

— Да, есть такие способы. Я обращаю ваше внимание на основные. И хотя в тексте теста их больше, но чтобы не перегружать, назову основные. Самый главный — стяжание духа святого. Вот главная цель жизни христианина. Не мирское, но духовное. В идеале — полный отказ от мирской жизни. Молитва. Постоянно молиться. Молитва — это разговор с богом. Господь услышит нас. Молясь, мы пребываем на связи с ним. Я своим прихожанам, студентам, ученикам все время говорю: выучите Новый Завет наизусть, ибо в нем вы найдете нужные ответы. Читайте, исследуйте писание, как говорит Господь. Помогайте нуждающимся, нищим. Почему надо подавать всякому нищему, не входя в рассмотрение его достоинств, и даже, если знаешь, что он недостойный человек: кроме того, что дающий обогащает себя духовно, а запирающий свое сердце и кошелек грабит самого себя, кроме этого, отказывая в милостыне, особенно у самых врат церковных, мы наносим тяжкий вред просящему, поселяем в нем злобу, убиваем веру, возбуждаем ненависть к богатым, сытым, религиозным. Не пребывайте в праздности, но трудитесь постоянно. И если уж так произойдет, что придется пострадать за веру, то не бойтесь этого. Смирение ваше победит сатану. Молитесь за богохульников, ибо делают это они по дьявольскому наитию. Господь откроет им глаза.

— А как вы считаете, должен ли быть священник, выполняющий роль посредника между богом и людьми, безупречным?

— Определенно это необходимое условие. Священник есть пример для мирянина. Невозможно убедить другого человека словами или насильственными действиями принять вашу веру. Только личный пример увлекает других следовать пути, на который вы уже вступили и которому следуете. Если священник показывает свое равнодушие, отсутствие

живой веры, то такой «худой пастырь» убивает веру в людях.

— А что если в округе нет других священников? Что делать людям?

— Прихожанин может спокойно спастись и без помощи такого священника. Есть люди, которые, как будто не веря в бога, «живут морально, делая добро». Большею частью это ложная мораль и фальшивое добро, изнутри отравленное скрытым тщеславием и гордостью. Если же это чистое Добро, то эти люди, сами того не зная или не умея назвать бога, прикасаются к его ризе.

— Значит ли это, что священники не нужны?

— Это значит, что по милости господней к ним будет отправлен добрый пастырь. Ибо Господь, видящий худое, делаемое одним и видящий доброе, направляет слугу своего к добрым.

— Вот тут мы подошли к очень важной проблеме: отношению между церковью и государством. Вот наше государство приняло закон о религии, тестирование для верующих. Мы уже знаем, что этот закон вызвал неоднозначную реакцию в обществе. Вы выступаете за этот закон, считаете его нужным и полезным. Как я понял, для вас важно, чтобы церковь состояла из людей, которые действительно верующие, а не тех, кто считает себя таковыми чисто номинально...

— Да, я так считаю...

— Ну и вот я думаю, что вы, видимо, против единения церкви и государства...

— Я за симфонию церкви и государства, в принципе. Но так уж случилось, наше государство является светским... И в целом, я знаю, что лучше бы церкви жить отдельно от него и заниматься духовными делами, потому как церковь, прежде всего, объединение верующих, а не составная часть государственной машины. Мы уже имели из истории примеры вмешательства государства в дела церкви. Это не самый

лучший опыт, и вот сейчас наступает время, когда государство нам объявляет: мы даем вам возможность выполнять свое прямое назначение. И я вижу, что это приближает нас ко второму пришествию быстрее, чем многие могли бы подумать. Я ведь что думаю: не разделяю восторгов и желания некоторых желающих сделать христианство государственной религией. Царство кесаря — это большой соблазн для церкви, и не зря Господь отверг искушения сатаны в пустыне. Потому как собирайте сокровища на небесах, где должно быть сердце ваше, и бегите от земного и тлена.

— Тут у нас звонок в студию. Мы вас слушаем... Ваш вопрос...

— Здравствуйте батюшка! У меня такой вопрос... Почему церковь стала так терпимо относиться к мирским увлечениям: музыка, там, театры, актерство?

— Спасибо, я понял ваш вопрос. Постараюсь ответить подробно. Таинственная сфера искусства, такая пленительная, околдовывающая, так мало приближает своих служителей к тому, что мы считаем истиной; для них обычные черты — эгоизм, гордость, жадность к славе, часто крайняя чувственность. Во всяком случае, сфера искусства — не духовная сфера, а область чистой душевности. В действительности, самый принцип театральности отвергается церковью. Запрещаются маски, ряжение, переодевание в костюм другого пола, так как все это подделка, двусмысленность, фальшь. Даже смотрение на это — какое-то участие. Что же касается актера, то с чем большим увлечением он играет, тем больший ущерб наносит своей душе, поселяя в ней путаницу и ложь. Поэтому когда мы пройдем через очищение с помощью тестов, все наносное, мирское исчезнет, и мы обретем то спокойствие духа, которое невозможно достичь при возрастающих угрозах со стороны влияния людей, недостаточно верующих, искажающих веру. Душевные влияния следует изгнать из церковной жизни, да и из личной

тоже. Не преодолев их, мы будем сталкиваться с угрозой впадения в грех.

— У нас остается не так много времени, поэтому мне бы хотелось выяснить у вас одну деталь... Насколько церковь готова сегодня к возможной потере миллионов людей, которые могут не пройти столь суровый тест, автором которого вы явились?

— Я не переживаю о потере миллионов, но радуюсь обретению истинно верующих, пусть не полностью. Потому как царство небесное подобно жемчужине, так и настоящий верующий — как жемчужина в раковине, среди миллионов пустышек.

— А вы не беспокоитесь о потере доходов?

— Нет. Ведь Господь говорил: не думайте о том, что вам есть или пить. Господь напаяет и оденет. И апостол заповедовал трудиться. Поэтому я не печалюсь об этом.

— Благодарю вас, отец К., за участие в нашей программе. Это был «Вечерний разговор», и нашим сегодняшним гостем был отец К., автор теста для христиан. С завтрашнего дня любой желающий пройти его может приходить в отделы по делам религии, в любом населенном пункте, и обозначить свою религиозную принадлежность. Спасибо за внимание и до новых встреч в эфире.

Софиты погасли, и из темноты к отцу К. подошел советник президента и пожал ему руку.

— Отец К., сегодня был знаменательный вечер. Завтра будет большой день, великий день, когда история взаимоотношений религии и государства изменится навсегда. По крайней мере, в нашей стране уж точно. И в этом будет огромная и ваша заслуга.

— Благодарю, советник, за оказанное мне доверие. Вы знаете, я во время наших бесед чувствовал себя Лютером.

— Хорошо, что вы не бросались в меня чернильницей...
— ответил советник, и они вместе рассмеялись.

Глава VII. Тайное Сопротивление

Зал был полон. Возле полок с книгами сустились двое молодых людей, настраивая микрофоны. Оставалось всего несколько минут до начала лекции. Постоянные посетители библиотеки с опаской поглядывали на собравшихся людей. Непривычный шум, нарушавший эти тихие стены, был им в новинку.

— А кто лектор? — спросил молодой парень в очках, заглянувший в читальный зал, у пожилого мужчины в пальто, нервно сжимавшего что-то в кармане.

— Отец К. — дёрнувшись от неожиданного вопроса, ответил мужчина.

— А тема? Что за тема? — настырно интересовался очкарик.

— Молодой человек, ну на афише же написано... вы слепой? — раздраженно ответил пожилой, уставившись взглядом на круглые от удивления глаза любопытного посетителя.

— Почему мы не можем пройти тест ... — медленно начал читать молодой человек. — Ааа, вот о чём речь. А вы не прошли что ли?

— Не прошёл. Ещё вопросы есть?

— Нет-нет... Я тоже послушаю, извините, — парень стал продвигаться поближе к месту выступления.

Пошли томительные минуты ожидания. Открылась дверь из кабинета, и в зал прошел отец К. Подойдя к столу, он положил на него открытую папку и тихонько пробормотал: «Благослови Господи». Затем поднял голову и, оглядев зал, произнёс:

— Добрый день. Сегодня мы с вами поговорим о наблюдавшем... Вот вы уже все знаете, что прошло три месяца с того времени, как мы с вами начали проходить тесты на знание основ нашей веры... Так вот... Тут мне помогли с видеосюжетами, поэтому давайте кратенько посмотрим, как это начиналось...

На экране большого телевизора появилось изображение, и слегка приглушенный голос журналиста начал рассказывать о первых днях тестирования. Десятки людей за столами, словно ученики, заполняли листы с вопросами. Подписывали их и сдавали по очереди шустрым работникам приемной комиссии, которые немедленно загружали их в сканеры.

«Технический прогресс не стоит на месте, - вещал голос журналиста, - и мы уже сегодня можем доверить компьютерам обрабатывать то, что раньше приходилось выполнять вручную. Конечно, многие из верующих, могли бы не ходить, а просто заполнить все тесты, используя интернет-портал тестовой комиссии. Но как приятно получить прямо здесь удостоверяющий сертификат, который раз и навсегда утвердит ваше положение действительно верующего, религиозного человека».

Затем пошел другой сюжет. Разочарованные лица людей, стоящих возле входа с квитками об отказе регистрации по причине провала теста. Небольшая толпа возмущенных граждан, кричавших «Долой тестирование», привлекла внимание дежуривших полицейских и была оттеснена от здания.

— Пожалуй, вот тут мы и остановимся... — отец К. по-

ставил на паузу. — Так в чем же дело? Почему мы не можем пройти тест? Как вы знаете, я участвовал в составлении вопросов к тестам. Ведь простые вопросы, несложно же ответить. А что мы имеем? Сотни тысяч людей, не знающих элементарного. Ведь почему эти люди не прошли? Очень простой ответ: нежелание принять Христа.

По залу прошелестел недовольный ропот.

— Да. Дело не только в том, что многие из вас плохо читали катехизис. Господь вразумляет даже неразумного и косноязычного делает красноречивым. Многие думают, что можно веру принять разумом, а не сердцем. От того и не смогли пройти тест. Потому как, приняв малое в сердце, разум обратится к великому, и откроется мудрость Господа тем, кто неразумен был.

— Отец К!!! — с заднего ряда поднялся пожилой мужчина в пальто и направился прямо к священнику. — Отец К. У меня вопрос...

— Но вопросы, если можно, в конце основной части... — отец К. смотрел сквозь очки на приближавшегося к нему человека. — Может вы сначала дослушаете лекцию?

— У меня один вопрос. Всего один, — мужчина вцепился в карман пальто.

— Хорошо, какой вопрос? — священнику было уже не привыкать, когда слушатели задавали вопросы по ходу лекции. — Слушаю вас.

— Отец К., недавно я узнал, что вы законченный педераст... Но я никому раньше этого не сказал. Я хочу, чтобы вы мне ответили: правильно ли я поступил, что никому не сказал, что вы педераст? Скажите лично... Правильно, что вы педераст? Вот это я хочу услышать... Отвечайте на вопрос коротко, ясно и четко...

— Братцы, я скажу, что у меня нет привычки беседовать с ослами... — сострил священник.

— Я хочу вас спросить... отвечайте... вы педераст? — не

отступал нервный посетитель, всё ближе и ближе приближаясь к отцу К. — Отвечайте... Я хочу, чтобы вы ответили, правильно ли я поступил, не сказав, что вы педераст.

В зале начался шум, и люди начали вставать со своих мест. Некоторые возмущались таким наглым поведением мужчины, другие потянулись к выходу. Третьи стали окружать оппонентов.

Пожилой мужчина смотрел прямо в глаза священника. Его правая рука опустилась в карман пальто. Не оставиваясь, он повторял все время: «Правда ли то, что вы педераст». И медленно стал вытаскивать руку из кармана. Неожиданно прямо перед лицом отца К. появилось дуло пистолета. Он посмотрел на перекошенное лицо своего противника. Какие-то доли секунды... Раздалось два выстрела. Толпа ахнула и рванула к выходу. К стрелявшему подскочили двое парней и скрутили.

Отец К. почувствовал резкую боль после второго выстрела. Его грузное тело начало медленно сползать на пол. Он схватился правой рукой за левую грудь. Кровь, не видная из-за черной рясы, залила пальцы. Прошло еще несколько секунд, и священник упал лицом вниз. Глухим эхом в его ушах отзывались крики: «Врача!» «Убили!» «Помогите!». Было поздно. Очки слетели с носа и были раздавлены в суматохе чьим-то ботинком. На столе из папки торчали листки бумаги. Молодой человек в очках подошел к ним и прочитал: «Смирение гордыни ведёт к обретению веры быстрее, чем фарисейское осуждение греховности ближнего».

Оттесняя толпу, к телу продвигались санитары с носилками. Сидевший уже рядом врач диктовал на портативный диктофон время смерти. Наряд полиции охранял стрелявшего, сидевшего на стуле в наручниках. Криминалисты фиксировали место преступления. Врач отошел от тела и посмотрел на противоположную стену. На него с портрета смотрела президент Аллен. На мгновение ему показалось,

что она задает немой вопрос: «Всё? Конец?»).

Он отвернулся и в растерянности сказал: «Это конец». И посмотрел в коридор. Оттуда, по направлению к залу, шел мужчина в черном костюме. Он шёл один, и стоявшие люди уступали ему дорогу, провожая удивленными взглядами. В читальный зал быстрым шагом вошел советник президента и, подойдя к следователю, спросил:

— Вы уже выяснили личность убийцы?

— Господин советник, — растерянно затараторил следователь, — прошло не больше получаса, а вы уже здесь...

— Ближе к теме, — советник не был настроен разбираться, почему и как он здесь оказался.

— Да-да, конечно... вот этот гражданин. Стрелял из револьвера. Оружие зарегистрировано на него.

— То есть на преступление пошел с умыслом. Сознательно к нему готовился, — советник посмотрел на убийцу. Тот сидел, опустил голову.

— Ну что же... допросите и держите меня в курсе следствия. Предполагаю, что это только первая ласточка.

Советник подошел к накрытому телу. Открыл простынь и посмотрел в лицо мёртвому. Затем закрыл и подошел к столу. Папка с докладом лежала там. На одной из страниц он заметил пометки, сделанные красным карандашом. На его губах появилась тень улыбки. Отец К. взял с собой листки с текстом, который он вчера правил вместе с советником. Этот доклад должен был многое сегодня разъяснить. Ну, раз уж так получилось, то не пропадать же работе. К советнику подошел невзрачный человек в сером костюме и собрал со стола бумаги.

— Сегодня все это чтобы было у меня на столе, — распорядился советник, — завтра же текст пойдет в печать.

— Будет исполнено, господин советник, — человек словно растворился в воздухе.

Следователь, замешкавшись, хотел спросить у советни-

ка по поводу бумаг покойного, но был несказанно удивлен, что тот уже исчез. Непонимающим взглядом он осмотрел зал и, подойдя к окну, увидел отъезжающее черное авто с государственными номерами.

— Вот же чёрт, появился неожиданно и исчез так же... — следователь вытащил сигарету и нервно закурил. — Так... закругляемся. Подозреваемого в изолятор, и через час чтобы был у меня в кабинете. Показания свидетелей не забудьте. Видеозапись, аудиозапись, что велась, изъять и к вещдокам приобщить.

Не докурив, он выбросил сигарету в урну и вышел на улицу. На небе собирались тучи, предвещая ливень. Было душно, и вокруг библиотеки потихоньку собиралась толпа. Лица людей были хмурыми. Но не от скорби. Что-то подсказывало, что это были многочисленные «тестострадали», как их метко прозвали в недавнем выпуске атеистического журнала «Ты понял, Карл?».

Они ждали выноса тела священника. Подъехал автобус с полицейским спецназом. Определенно, в дело вмешался министр внутренних дел. Неотложка подъехала прямо к дверям библиотеки. Спецназ выстроился в оцепление, оттесняя толпу. Санитары выносили на носилках бездыханное тело, когда загрохотал гром и молния ударила прямо в рядом стоящее дерево, мгновенно расколов его на две части. В толпе загудели голоса: «Знак. Знак божий». Задние двери неотложки захлопнулись, заверещала сирена и, разгоняя толпу, машина понеслась в сторону отделения судебно-медицинской экспертизы.

Понимая, что толпа расходиться не спешит, следователь по телефону отдал указание вывести подозреваемого как можно незаметнее с чёрного хода. Гром загрохотал ещё сильнее, и первые крупные капли дождя обрушились на землю. Поздний осенний дождь с молниями, очень необычное явление. В толпе появились зонты.

«Что ждут эти люди?» — подумал следователь, садясь в автомобиль. Определенно, сегодняшний вечер будет очень тяжелым.

Толпа не расходилась. Несколько молодых людей раздавали какие-то листовки. На стене одного из домов телевизионный экран засветился, и слышались позывные телеканала «Христианство сегодня». Вскоре заставка сменилась портретом отца К. с траурной лентой. В этот момент в экран полетело несколько помидор. Разбрызгиваясь, красная жижа стекала прямо на чёрную ленту, отчего создавала совсем уж погребальное настроение. Из толпы раздались недовольные возгласы. Начальник спецназа, который уже потерял терпение от ожидания неизвестно чего, схватил мегафон и недвусмысленно потребовал всех разойтись, обещая за невыполнение приказа особо недовольным обеспечить кратковременное проживание в «обезьянниках» ближайших отделений полиции. Толпа нехотя подчинилась, да и дождь усилился настолько, что мокнуть под ним уже не было никаких причин.

Сидевший в автобусе сотрудник, прокручивал на экране монитора кадры из видео, которое снял, когда среди толпы бегали люди с листовками. Каждые несколько секунд он останавливал запись и делал снимки, запечатлевая лица «смутьянов», а затем «пробивая» по базе.

— Ну как, всех проверил? — спросил у него зашедший в автобус командир.

— Так точно, господин майор! Все лица в базе есть. Все члены «Христианского братства».

— Составляй рапорт. Завтра с утра я иду на доклад к министру.

— Будут брать в разработку?

— Это уже не наша забота. Кому надо, тот и займется. Так, парни, по местам. Возвращаемся на базу.

Автобус заполнился мгновенно. Прошло несколько ми-

нут, и только дождь смывал остатки помидорной кожуры в канализацию.

Медленно клубившиеся в небе облака темнели и грозили обрушиться ливнем на землю. В кабинете стало прохладно, и я, поежившись, глотнула теплого кофе. На столе лежала записка от Снежаны: «Сбор завтра вечером. Ты придешь?».

Что я могла ответить? Конечно, нет! Мне стоило больших трудов скрыть её появление от любопытствующего ока Алексея, вечно желающего быть в курсе всех событий, чтобы придумать очередной хитроумный план. Но... сколько можно? У меня тоже есть своя голова на плечах, и не обязательно следовать за своим советником. Делать свою игру не менее интересно.

Своя игра? Я получила имэйл от Снежаны месяц назад. Сколько мы не общались? Года три как? Или больше? Мы виделись как раз перед началом моей президентской кампании. Я хорошо помню, как мы начинали в феминистском кружке, одержимые идеями равных прав. Хорошо помню эти взгляды мужиков, крутящих пальцами у виска, когда мы несли плакаты. «Кухня, церковь, дети»... как же, как же... Положим, дети у меня есть, но вот «церковь» — никогда! Снежана была скептически настроена, когда узнала о моем желании баллотироваться в депутаты, но сделала все, чтобы это произошло. Я знаю, что ее привлекает именно бунтарство и желание прямого действия, но, к сожалению, она не поняла, что просто уличными акциями своих целей не достичь. Я стала политиком, а она по-прежнему осталась бунтарем. Некоторое время я следила за ней, пока неожиданно она не пропала из моего поля зрения. И вот электронное письмо. Она осуществила свою мечту — создала группу обученных идейных революционерок. Настоящие «коммандос» по стилю действия и практически анархоотряд по принципу формирования и командования. Никакой иерархии.

Оставалось еще несколько минут до назначенной встречи, когда голос секретаря по селектору оповестил о приходе Алексея. Я спрятала записку и пригласила его войти.

— Госпожа Президент, — начал он прямо с порога, — требуется уладить одну маленькую формальность...

— О чём речь? — я смотрела на его черную папку, ожидая увидеть очередную бумагу, в которой подробнейшим образом излагался еще один план по расходу денег из президентского фонда.

— Да, все верно. Нужны деньги, — Алексей положил мне на стол два скрепленных листа бумаги.

— Что? Не поняла... Какая еще лазерная инсталляция? — я в недоумении смотрела на советника.

— План такой... Несколько дней подряд, а именно до сорокового дня, над столицей будет висеть образ отца К. с подписью «Он хотел вернуть вас к вере, а вы убили его». Также уже готовы биллборды, и сегодня ночью они будут развешаны на основных трассах и зданиях. Таким образом, мы привлечем внимание населения к тем, кто выступает от имени религии, занимаясь убийствами. Я это называю «игра с совестью», — Алексей саркастично усмехнулся.

— Погоди, но зачем такие действия? К чему лазерная инсталляция? Что в итоге? — я искренне не могла понять, чего же он хочет добиться.

— Я понял, — Алексей подошел к окну и, указывая на здание Министерства иностранных дел, сказал. — Прямо над ним и будет размещено. Это будет красной тряпкой для быка. Все те, кого мы не знаем, прячущиеся в подполье несогласные, выползут из своих нор, гневно потрясая кулаками, а может быть и бряцаая оружием. Мы стравим их с теми, кто следовал за отцом К., и эта религиозная гидра сама себя пожрет, как она неоднократно делала в средневековье.

— То есть ты решил, что должна случиться новая Варфоломеевская ночь? — перед глазами замелькали старые

кадры французского фильма. — Ты не думал, что прольется много крови?

— Ну что поделаться, если глупцы могут только убивать друг друга?

— А как же другие? Нерелигиозные люди? Кто обезопасит их?

— Я думаю, ты уже нашла решение этой проблемы, — Алексей указал на здание МВД.

— Конечно, я нашла решение. Помимо полиции, у меня есть еще один козырь в рукаве. И, по-видимому, мне придется пустить его в ход даже раньше, чем я предполагала.

— Так что? Мне нужна только твоя подпись, — советник снова подошел к столу, — или есть сомнения?

— У меня они всегда есть, — ответила я, подписывая документ. — Твои хитроумные планы слишком быстро приближают то, что о чем мы мечтали, когда встретились первый раз.

— Ты сама этого хочешь не меньше меня.

— Хочу. Пусть революция начинается, — поставила печать.

Алексей взял документ, положил в папку и, немного помявшись у двери, произнес:

— Шоу начнется сегодня вечером. Мы уже все подготовили заранее.

— Я так и знала, что деньги ты заплатишь только после того, как увидишь результат.

— Эта работа стоит этих денег.

Он вышел. Догадался ли он о том, что я задумала? Даже если догадался, мой план будет воплощён.

Работы велись в крайней спешке. Неожиданный заказ от советника президента немного озадачил креативного директора компании «Лазер-шоу». Звонок, раздавшийся в кабинете, показался ему розыгрышем. Потом эта встреча.

Но самое запоминающееся — неожиданное предложение грандиозного по техническому воплощению лазерного шоу. Что особенно обрадовало, так это то, что не пришлось долго продумывать концепцию. Все уже было расписано. Ах да, деньги... Нет, ну понятно, что всем нужен результат сразу. Что поделать? Дело сделано, сегодня вечером подвезенное к зданию МИДа оборудование заработает. Время неумолимо приближалось к полуночи. Большой город раскрывал свои объятия, приглашая сотни тысяч людей окунуться в ночную жизнь. Они еще не знают, что скоро они увидят то, чего не было со времен лазерной инсталляции, появления христианского собора в небесах при прежнем президенте. Это было самое спорное шоу. Но сегодняшнее... Директор спустился по лестнице и, выйдя на автостоянку, сел в свой автомобиль. Ему не терпелось самому присутствовать при начале шоу.

Остановившись на перекрестке, ожидая сигнал светофора, он увидел на экране видеосвязи сообщение о входящем звонке. Нажав кнопку, от неожиданности он едва не нажал на газ. Лицо советника, возникшее на экране — это сюрприз.

— Ну что же вы? — начал советник. — Мы уже вас ждали.

Он улыбнулся.

— Да-да, господин советник. Я скоро буду, — засуетился директор, нажимая на педаль газа.

— Вы там аккуратнее на дороге, — экран погас.

Возле здания министерства собралась небольшая толпа. Несколько техников еще возились с оборудованием. Советник стоял с группой дипломатов и что-то оживленно обсуждал. Рядом несколько сотрудников службы охраны осматривали чемодан, который подвезли на тележке рабочие. Креативный директор быстро шагнул от стоянки в сторону пульта управления.

— Доброй ночи! — остановил его голос советника. Он

неожиданно появился прямо перед ним.

— Доброй... господин советник, извините за задержку.

— Ну что вы, у нас еще есть несколько минут. Господа, — обратился он к группе чиновников, — позвольте вам представить креативного директора компании «Лазер-Шоу», стараниями которого вы сегодня будете приятно удивлены.

Подошедшие дипломаты оживленно кивали и жали руку директору.

— Господа, спасибо за оказанную честь представить вам наше новое детище... — директор был смущен таким вниманием.

— Ну вот, осталась одна минута до полуночи, — сказал советник.

— Господин советник, а почему же всё-таки в полночь? — спросил один из мидовцев.

— Полночь — самое лучшее время для воздействия на неокрепшие умы тех, кто витает в облаках мистического скудоумия, — ответил Алексей. — Приступайте господин директор.

Указательный палец нажал «ввод» на клавиатуре, и в темном небе, как ткущееся полотно, строчка за строчкой стал собираться огромный квадрат. Просто огромный черный квадрат.

— Это что? Инсталляция от Малевича? — съехидничал один из дипломатов.

Алексей посмотрел на него с плохо скрываемым неудовольствием.

— Нет, дружище, это образ скорби, — ответил он.

Огромный черный квадрат, чернее самой ночи, не так привлекал проходивших по улицам города ночных гуляк. Но этот образ в стометровую высоту заставлял некоторых из них останавливаться и всматриваться словно в самую бездну. Какое-то тягостное, щемящее чувство этот квадрат вызывал в людях. Буквально в течение нескольких секунд многие

замирали на месте, некоторые доставали смартфоны и фотографировали и снимали на видео представший перед их взорами образ.

— Ну и последний штрих, — сказал Алексей.

Яркая вспышка ослепила стоявших. Через пару мгновений, привыкнув к свету, люди увидели портрет отца К. Он смотрел так, словно заглядывал в глаза каждому человеку, смотрящему на него. Словно замороженные, люди смотрели, раскрыв рты, на этот портрет, и через мгновение были еще более поражены, когда прямо на лбу у священника возникло яркое, кроваво-красное пятно, от которого потек ручей крови. Стекая вниз, кровь образовывала буквы, складывавшиеся в слова. Многие, словно дети, читали по слогам одну фразу, которая вызывала замешательство своим неожиданным содержанием. Огромные кровавые буквы образовали: «ОН ХОТЕЛ ВЕРНУТЬ ВАС К ВЕРЕ, А ВЫ УБИЛИ ЕГО».

Буквы пульсировали, словно невидимое сердце наполняло их жизнью. То медленно, то бешено, это сердце колотилось, невидимое взору, но ощущаемое самым нутром. Некоторым людям становилось не по себе от увиденного, и они словно пораженные неожиданным сердечным приступом приседали прямо на тротуары. Медленно на портрете, в углу, появлялись черные точки, ставшие черной лентой. Постепенно лента увеличивалась в размерах, заполняя все пространство.

— А что мы увидим днем? — спросил один из министерских.

— Только черный квадрат и сам портрет, который будет постоянно с черной лентой, — ответил креативный директор. — А с приближением ночи будет то, что мы видим сейчас. Компьютер запрограммирован так, чтобы картинка менялась в зависимости от погодных условий. Будет яркое солнце – виден будет только квадрат. Облачно – сам портрет.

— Ну а если дождь?

— Оу... а вот тут мы придумали такую фишку, как кровавые слезы. Портрет будет плакать кровью. И еще, мы подсветим капли дождя так, словно само небо плачет кровью.

— Да уж... очень скорбная картина, прямо за душу берет... — произнес остановившийся рабочий.

— Я тебя сейчас возьму за душу! — схватив его за шиворот, прошипел охранник и поволок в сторону.

— Ну что же, господа, и это будет до сорокового дня, ха-ха... — Алексей взял в руку телефон, который звонил, воспроизводя мелодию «Ночи на лысой горе». — Алло, ты уже видела это?

На другом конце была я. Конечно, я видела это действо. Такое нельзя было пропустить.

— Это впечатляет. Сам придумал?

— Слоган — моих рук дело. Но ты не читала разве полное описание того, что будет происходить?

— Где бы я прочла?

— Я отправил тебе по электронной почте полное описание. Не хотел тебя утомлять во время встречи всякими подробностями.

— Ну еще бы... тебя интересовали только финансы. Хорошо, я прочту.

— Лучше уже не читай. Неизвестное привлекает больше, чем то, что уже знаешь. Тем более, то, что ты увидишь, лучше именно видеть, чем читать написанное об этом.

— Тогда буду смотреть.

Я закрыла шторы. Дочь спала рядом, а в моих руках была новая записка от Снежаны:

«Я знаю, что ты не придешь. Уже поняла».

Смяв бумажку, я кинула её в пепельницу. Зажигалка лежала рядом. Я смотрела на неё еще минуту, а потом чиркнула и подожгла записку. Определенно приближается день, когда мы всё-таки увидимся. Но только наедине. Никто не будет знать. Пусть все думают, что наше тайное сопротив-

ление не существует. Что там Алексей говорил о подполье? Что он имел в виду? Нас? Или других? Может есть еще какое сопротивление? Сопротивление против нас? Кто все эти люди?

Смятая бумажка медленно догорала, и, погруженная в свои мысли, я смотрела на языки пламени, в отблесках которого чудился какой-то гигантский пожар непонятного здания. Включенный телевизор беззвучно передавал новость о сегодняшнем событии. Я переключила на канал каких-то религиозников, вещавших из-за рубежа. Сделав чуть погромче, услышала, как они оживленно обсуждают инсталляцию:

«Мы не можем пройти мимо этого действия. Это какое-то сатанинское издевательство. В наших силах оказать, с божьей помощью, сопротивление надвигающемуся ужасу...».

Эта фраза впечаталась в память. «Оказать сопротивление»... Значит ли это, что на нас будет оказано давление сторонних сил? Война? Или Террор? Завтра же вызову директора службы внешней разведки.

Утро следующего дня впечатлило не меньше, чем вчерашняя ночь. Пока я ехала на работу, со всех сторон на меня смотрел отец К. с биллбордов. Признаться, оперативность моего советника просто зашкаливала. Надо же, уже кто-то успел заляпать краской один из плакатов! Определенно, не всем нравится увиденное. Уже в своем кабинете я получила от секретаря докладную о происшествиях за последние несколько часов. Из городской мэрии поступил факс о регистрации двадцати заявлений о проведении митингов, поданных несколькими христианскими и мусульманскими обществами. В сводке министерства внутренних дел сообщалось о пяти случаях драк между сторонниками и противниками отца К. И это только за последний час. А еще через час встреча с директором службы внешней разведки. Я завалена работой по самое горло. Два чемодана одних только документов, требующих моей подписи. Два чемодана!!!

Когда-то я представляла, что у президента работа чуть легче. Но каждый день приходится возиться с бумагами. И их не становится меньше. Вас заваливают новыми проектами законов, указов, инструкций и регламентов, требующих немедленного рассмотрения. А в это же время, ты чувствуешь себя сидящей на пороховой бочке, ожидая, что фитиль будет подожжен тотчас, как только ты отвернешься. Когда вы думаете, что закон, принятый вами, разрешит многие вопросы и все кинутся исполнять его, не забудьте, что найдутся те, кто захочет установить свой закон, даже если его нелепость очевидна и ребенку. Косность многих жителей этой планеты вызывает стойкое желание очистить пространство от их присутствия всеми возможными способами. Но при этом ты понимаешь, что если запустить процесс очистки, можно и самому случайно быть очищенным. Значит ли это, что советник был прав, когда предложил, чтобы очистку провели сами очищаемые? Мы всего лишь дадим им волшебного пинка под зад, чтобы процесс пошел. И возможно, что отряд Снежаны и будет тем чудесным средством, который ускорит процесс очищения, хотя бы в рамках одной страны.

Директор Службы внешней разведки неизменно молчал, слушая каждое мое слово. Он неразговорчив, но на редкость понятливый тип. Ему не надо повторять одно и то же по сто раз. Долгие годы службы резидентом в одной из сопредельных стран сделали его внимательным к каждой детали. Я специально отобрала его из десятков кандидатур, протиравших штаны на бумажной работе в этом ведомстве. Мне не нужны теоретики, только практики, умеющие наладить работу быстро и точно. А он это умеет. Мы внедрили своих людей везде. И хотя я понимаю, что главные и опасные враги государства являются служащими этого государства, мое доверие к тем людям, преданным мне и идеям, которые мы разделяем, куда выше тех жалких грошей, за которыми гонятся карьеристы и лицемеры. Элитность как

средство чистки коррупционеров основано не на количестве денег, занесенных в конверте «нужному человеку», а на собственных умениях и знаниях, которые должны быть по достоинству оценены, в том числе и материально. Я рада тому, что принцип «заслуг» был мною внедрен и узаконен. Разрушение системы повального «кумовства», бывшего при прежнем руководстве, повлекло к тому, что к руководству пришли действительно толковые и знающие люди. Их профессионализм лучше личной преданности (что не отменяет последнее, если и профессионализм и преданность идут рука об руку). И в том, что директор СВР уже сегодня вечером мне доложит через защищенную сеть о предпринятых шагах, я нисколько не сомневаюсь.

Я еще подписывала очередную порцию документов, когда на электронную почту получила письмо от Снежаны: «Если ты не забыла, то наше собрание сегодня. Я всё еще жду и надеюсь, что ты придешь».

Алексей любит все время повторять: «Что это такое — «надеюсь»? Я не понимаю смысла этого слова!». Надежды нет. Если я решу приехать, то сделаю это. Снежана определенно хочет показать, что у нее за спиной есть серьезная поддержка. А я считаю, что не стоит «светить» себя даже в кругу единомышленников, неизвестных единомышленников. Так точнее. По крайней мере, не сейчас.

Решив отвлечься, я зашла в Интернет почитать новостную ленту. На первом месте оказалось заявление какого-то христианского женского комитета. Ну надо же, бывает и такое! Чтение этого заявления вызвало только раздражение. Десять подписей каких-то клуш под бумажкой с требованиями о защите от «тлетворного влияния феминизма», разлагающего «традиционные ценности» семьи и общества, вызвали у меня непреодолимое желание всё-таки поехать на встречу. Оставалось только отменить встречу с советником под любым предлогом. Но как назло, ничего не лезло в голо-

ву. Тогда я просто решила уехать. Никому ничего не говоря. Без охраны. Конечно, идея безумная. Но никто не должен знать, где я и что делаю. Я спустилась в гараж и выбрала неприметный старый автомобиль, с номерами, которые выдавались служебным машинам министерства сельского хозяйства. Такая вот конспирация. Изредка я выезжала на нем на встречу со старыми друзьями или просто подальше от надоедливой службы охраны.

Сумерки наступили как-то неожиданно. К старому металлическому авиационному ангару съезжались по нескольким дорогам автомобили. Если вы бы проходили мимо, то удивились бы, увидев выходящих из них перед воротами молодых, спортивных женщин, одетых в камуфляжи. Возможно, вы решите, что перед вами собрание стрелкового клуба или девушки решили поиграть в страйкбол и пейнтбол. А именно об этом возвещала табличка на воротах ангара:

«КЛУБ СПОРТИВНОЙ СТРЕЛЬБЫ. СТРАЙКБОЛ И ПЕЙНТБОЛ».

Аккуратно паркуясь на площадке, девушки заходили в двери, освещавшиеся одной единственной лампой. Возле дверей с ними здоровалась крупная, высокая, с короткой стрижкой «амазонка». Если вы не знаете, но на её плече красовался патч с фигурой амазонки, взятой с древнегреческой вазы.

Внутри ангара светили два прожектора, а на стене висел плакат с изображением все той же амазонки. Девушки выстраивались в шеренгу по росту. Все как в армии, только одно отличие — никаких знаков различия..

Дверь громко захлопнулась, и прожектора осветили снизу трибуну, которая до этого была скрыта от взоров. По лестнице на неё взошла стройная женщина, волосы на голове были убраны под фуражку. Она осмотрела стоявшие внизу шеренги. Сотня женских лиц, выражавших беском-

промиссное желание бороться, определенно придала ей силы, и, оперевшись руками о передний поручень, она про-изнесла:

— Вы знаете меня?

— Да!!! — хором ответили женщины.

— Как мое имя?

— Снежана!

— Кто я вам?

— Сестра!!! Кто ты нам?

— Сестра!!! — ответила Снежана, удовлетворенная этим ритуальным вступлением.

В ангаре на минуту затихло. И в этой тишине раздался четкий, громкий голос Снежаны:

— Они приготовили для нас клеймо. Они отвели нам роль подстилки. А подстилкам не положено думать, обла-дать волей, иметь свое мнение. Тех, кто пытается делать первые робкие шаги за пределы отведенного нам стойла, они загоняют обратно.

Их главные союзники — стыд, вина, комплексы. Вся эта куча дерьма, на которую они лицемерно навесили та-бличку с надписью «совесть».

Они пытаются ввести нам в мозг свой культурный код, как инъекцию от свободы. Но сегодня, сейчас, пришло наше время. Сегодня каждая из нас должна ответить только на один вопрос: они или мы. Каждую секунду существования их культуры я воспринимаю, как личное оскорбление.

Моя цель проста: взорвать механизм, превращающий моих сестёр в биомассу. И если вы со мной — покажите это, сделав один шаг вперёд...

После секундного колебания по отряду пробежала волна, и мы стали на один шаг ближе.

— Вы знаете, какой у нас символ?

— Амазонка! — был ответ.

— С сегодняшнего вечера наш новый символ — Валь-

кирия! Мы девы войны! Наша война начинается с этой минуты.

В глазах моих валькирий вспыхнуло пламя, готовое уничтожить обветшалую громаду патриархата.

— И именно сегодня, когда мы стоим здесь, наши враги напали на комитет женских свобод и разгромили всё, ранив нескольких отчаянно сопротивлявшихся сестер.

Послышались возмущенные возгласы: «Почему мы еще здесь? К оружию!».

— Сёстры! Время пришло! Вы немедленно пойдете и наденете нашу новую форму. Через час мы снова соберемся здесь и отправимся творить акт возмездия.

— Ура!!! — раздались крики, от которых металлические стены загудели, словно огромный молот ударил по ним.

Снежана смотрела, как её бойцы уходят переодеваться, и не заметила, как из темноты показалась я.

— Ты произнесла очень зажигательную речь... — я видела, как она с удивлением и радостью всматривалась в темноту.

— Ты пришла, Ксения! — она бросилась ко мне, и мы обняли друг друга. — Я уже не надеялась...

— Надежды пусть юношей питают, — улыбнулась я. — Пришло время показать себя в деле. Не забывай, что даже среди женщин есть, кто не согласен с нами. Готовые влечить свое жалкое существование под пятой домостроя.

— Ты об этом христианском женском комитете?

— И о нём тоже.

— Меня не интересует тупая пизда, управляющая такими же, как она, — Снежана нахмурилась.

— Тупая пизда, готовая сносить любые унижения, не должна получить карт-бланш для стенаний после вашей акции. Не дай ей повод защищать своего мужа, который подстрекал к разгрому наших сестёр.

— Я тебя поняла. Может быть и ты поучаствуешь?

— Предлагаешь вспомнить старое?

— Почему бы и нет. Или твой новый статус не позволяет тебе немного поразвлечься и поразмяться?

— За последнее время у меня было достаточно поводов и поразвлечься и поразмяться.

— У тебя на теле осталось живое место хоть? — Снежана достала пистолет. — Возьми его. Я знаю, что ты хочешь сделать это.

— Ты права. Я хочу.

— Твой советник в курсе?

— Нет.

— Почему скрываешь?

— Потому что это мое дело, а не его.

— Он не поддерживает наши идеи?

— Ты даже не представляешь, что он задумал на самом деле. Даже я иногда не улавливаю, к чему он ведет.

— Так, а наши идеи?

— Он же сатанист. Для него женщина может управлять мужчиной, не прибегая к активной борьбе.

— Так значит, он против нас?

— В любом случае он поддержит нас, просто потому что это приблизит то, что он хочет видеть в будущем.

— Я его не понимаю. Мы боремся против патриархата. За равные права. Ты работала наравне с мужчинами. Я сомневаюсь в том, что он хочет того же.

— Только потому что он мужчина? Или потому что он когда-то давно оказывал тебе знаки внимания?

— Я даже не помню этого. Он возник из ниоткуда и остался при тебе.

— Вы с ним разные люди и вряд ли бы ужились.

— Ты знаешь, что я бескомпромиссна в каждом своем слове, поступке, действии. А он любитель тайных игр, талейранства и чересчур хитр и дипломатичен. Любитель сглаживать углы.

- Мы будем обсуждать его или же будем действовать?
- Лучше надень маску. Не хочешь же ты светить себя перед моими валькириями.
- Надену. Сегодня будет очень горячо.
- Как никогда!

Мы спустились вниз, к уже ждавшим нас сёстрам. Ворота ангара открылись, и мы строем выбежали к нашим автомобилям. Снежана села со мной. Пока мы ехали, она не проронила ни слова. Я знала, что её терзают сомнения после моих слов. Но уже ничего сделать нельзя. Неизбежная встреча должна рано или поздно состояться.

При въезде в город пошел дождь, и перед нашими глазами открылось невероятное зрелище. Над развернутым изображением покойного священника, плачущего кровавыми слезами, капли дождя окрашивались красным цветом, и мы видели, как над городом лил кровавый дождь, словно возвещая о ночи мщения.

Мы уже знали место, где скрываются активисты-антифеминисты. Закрытый клуб, на окраине спального района, место сборища деградантов. Клуб «Домострой», якобы пропагандирующий здоровый образ жизни, традиционный уклад и христианские ценности. Я была наслышана о нем еще до того, как стала президентом. Неоднократно они приходили на наши митинги. Теперь, когда я у власти, но еще ограничена законами, мне остается только мстить. Пусть они еще думают, что закон на их стороне. Скоро придёт время, когда мы переломим хребет домостроевскому лобби и такие клубы будем закрывать не по произволу, а законодательно. Ну а пока... дождь смывает все следы.

Мы ворвались неожиданно. Пьяные деграданты, праздновавшие победу над слабыми женщинами из комитета, размахивающие добытыми «трофеями» — лифчиками и трусами, не ожидали, когда я с ноги свалила пару пьяных туш в ведро с помоями. Они даже не успели понять, что их

бьют те, кого они считали «слабым полом». Слабый пол трещал от валившихся с разбитыми носами алкашей. Мы заходили в каждую комнату, поджигая картонные иконки, под которыми валялись пустые бутылки из-под водки. Здоровый образ жизни их опорожнителей был налицо. В одной из комнат, в которую я зашла со Снежаной, сидел поп. Он был трезв и читал псалтырь. Надо было видеть, какое у него было выражение лица, когда Снежана, сорвав со стены нагайку, хлестнула ею по книжке, разделяя её ровно напополам. Поп даже не успел встать со стула, как был повален на пол. Она задрала ему рясу и хорошенько отхлестала его по жирному заду. С таким воодушевлением. Я не могла вспомнить, где раньше видела эту рожу. О, чёрт! Конечно! Это же воспитатель и преподаватель закона божьего в школе, где училась Снежана. Именно он её часто подвергал наказаниям. Теперь он получил сполна, когда, повизгивая, получал нагайкой.

Признаться, я была удовлетворена тем, что произошло сегодня ночью. Мы уходили из горящего клуба в спешке, так как сюда уже ехала полиция, вызванная напуганными истошными криками обывателями. Я обернулась посмотреть еще раз на это жалкое место. Из дверей выползли посрамленные «защитники духовности». Этот урок они запомнят надолго.

Дальше я возвращалась одна. Снежана уехала с друзьями. Полицейские патрули не остановили меня, видя спецномера. И я спокойно добралась до дома. Муж и дочь уже спали. Они уже давно привыкли к моим поздним возвращениям. Вы думаете, я им расскажу о том, что делала? Возможно. Как-нибудь потом.

Утро началось со звонка. Это был Алексей.

— Здравствуй! Ты еще не в курсе? Сегодня ночью разгромлен клуб «Домострой».

— Ну и что? Вчера женский комитет был разгромлен.

— Мне кажется, что тут прослеживается определенная связь...

— И что же ты заметил?

— Я догадываюсь, чьих рук это дело. И догадываюсь, с чьей подачи все это произошло.

— У тебя есть для этого основания?

— Имеется. Одно большое, жирное основание.

— Не поняла? Ты о свинье что ли?

— Я об отце Варсонофии и его ободранной нагайкой жопе! Признайся, она уже давно тут?

— Кто она? Жопа отца Варсонофия?

— Снежана!

Алексей был сильно раздражен. Несмотря на кажущееся хладнокровие и спокойствие, он был на редкость раздражителен, когда что-то шло мимо него или касалось его лично. Надо же, как он связал Снежану с этим попом? Определенно, он любит копаться в чужой истории. До чего же дотошный! На другом конце провода кто-то снова задышал в трубку:

— Нет, я конечно понимаю, у женщин свои секреты. Но хочу предупредить, что сейчас проходит два несанкционированных митинга со стороны «верунов».

— Ты же этого ждал?

— Ждал. Но мой план немного изменился в свете ночных событий.

— Твой план? Ты меня в свой план не посвящал.

— Поверь, но так надо было.

— Кому надо?

— Нам надо. Обоим.

— И что же должно произойти?

— Тайное подполье вылезает наружу. Все силы тайного сопротивления тому, что мы делаем, всколыхнулись. И ...

— Все силы тайного сопротивления? У нас есть и свое тайное сопротивление...

— Теперь-то я знаю, кто именно. И если уж так угодно этим силам показаться наружу, то точка кипения уже не за горами.

— О чем ты?

— Сегодня собирается на закрытое совещание Совет Безопасности. Если ты помнишь, то вчера вечером должна была прочитать доклад директора Службы внешней разведки.

— Какого черта! Ведь я действительно забыла его прочесть. Надо немедленно собираться.

— Послушай, ты уже прочел его?

— Нет. Вчера вечером мы с ним встречались. Он был удивлен, что ты не ответила ему по закрытой связи. Ты пропала, и это навело меня на мысли... теперь уже неважно какие, итак все ясно. Мы с ним поговорили о теме доклада, и если немедленно не принять по нему решения, то нам придется расхлебывать еще больше проблем, чем мы бы хотели.

— Я скоро приеду.

— Мы уже ждем.

На мгновение он замолчал. Потом сказал:

— Передай ей привет от меня...

И положил трубку.

Глава VIII. Точка Кипения

Коридор был узок, и тяжелый рюкзак неприятно давил плечи. Воняло крысами, хотя ни одной не было видно. Парень посветил фонариком вперед. Ниша в стене была в нескольких шагах. Вот уже вторую ночь подряд он носит тротил по этому коридору и укладывает его в эту нишу. Брат Димитрий уговорил его сделать это ради нашего Господа. Он умеет убеждать. После провала на тесте он искал утешения, когда Димитрий позволил ему. Он вверил ему свою душу, повторяя через каждое слово, как он любит Иисуса Христа. Священник, состоявший в комиссии, не убедил его речами в духе покойного отца К. о стремлении вере. Должен же быть более простой путь? И он был найден, когда Димитрий сообщил ему, что Господь избрал его для высокой, но опасной миссии:

«Поверь, но явившаяся этой ночью, во сне, Богородица прямо сказала, что наше дело повернет многих к Богу. И мы не одни».

Эти слова — «мы не одни» — так крепко врезались в память, что, преисполненный воодушевлением, он вызвался исполнить поручение, которое ему доверили. Носить взрывчатку приходилось по подземным коммуникациям, чтобы избежать встреч с полицией. Димитрий дал ему карту, на которой были указаны места, где тротил нужно было сло-

жить. На карте не было указано здание.

— Так надо. Никто не должен знать, что будет взорвано, — убеждал его Димитрий.

Он брал со склада, в каждый заход, по пятнадцать килограммов и аккуратно складывал в нишу. Всего было пять точек и три тонны тротила. Удивительно, но откуда столько? Димитрий не особо распространялся об этом, но вскользь упомянул имя. Нехристианское имя. Связи с мусульманами? А ведь раньше они с ними враждовали.

— Можно ли иметь дела с врагами нашей веры? — спросил он Димитрия.

— Что тебя смущает? Ты разве не видишь, что сам сатана восстал на нас! Он привлек на свою сторону даже избранных, как о том сказано в Писании, — Димитрий горячо заговорил. — Смотри, мы живем в последнее время, Антихрист на троне утвердился. И если мусульмане увидели Зверя из бездны, то почему мы не можем вместе воспротивиться ему?

— Мы объединились с ними?

— Мы вместе уже давно.

— А иудеи? Иудеи — враги Христа... они разве не будут приветствовать своего мессию-антихриста?

— Так не все же. Некоторые уже поняли, с кем имеют дело.

Фонарь погас. Как назло. Запасные батарейки, лежавшие в кармане куртки, были извлечены и наощупь вставлены. Оставалось вернуться на базу. Первая ниша была заполнена. Он вставил запал и подключил таймер. Взрыв произойдет ровно через неделю. Оставалось еще четыре ниши. И неделя на всё. Надо было торопиться.

Он вышел на улицу. В утреннем тумане «плавал» роскошный храм Спасителя. Повернувшись к нему лицом, молодой человек перекрестился и заторопился к автобусу. Несколько зевак, удивленные его действиями, провожали

его взглядом. Впрочем, затем их внимание переключилось на огромный телеэкран, передававший новости о пожаре в клубе «Домострой».

«Мерзавцы!» — негодуяще произнес парень, уже сидя в автобусе и наблюдая за картинкой на экране. Он не видел, как на него смотрела молодая девушка в военной форме, привлеченная его эмоциональным возгласом. Она уткнулась в телефон, делая вид, что ищет что-то в мировой паутине. А на самом деле она исподтишка сфотографировала его. Но он этого не видел. Погруженный в мысли, он уже был в предвкушении того момента, когда безбожники будут посрамлены. Осталось только перекусить, и этот автобус вез его к благотворительной столовой для малоимущих. Когда брат Димитрий предложил ему выполнить эту миссию, он настолько загорелся, что бросил свою работу. В кармане оставалось совсем немного денег, необходимых на проезд. Еду и жилье предоставляло христианское благотворительное собрание. Несмотря на все налоги, они еще держались на плаву за счет старых депозитов и накоплений, сделанных при предыдущих властях, когда церковь еще имела возможность безналогово заниматься коммерцией. Теперь это время прошло. Все меньше людей жертвуют средства. Новая экономическая политика властей позволила дать работу многим желающим, открыв многочисленные курсы переквалификации, столь необходимые во времена бурного технического прогресса. Только упорные маргиналы отвергали попытки властей подвигнуть людей научиться чему-то другому, а не пытаться найти работу по уже давно не нужным специальностям. Ну и конечно, просто тунеядцы, для которых благотворительная похлебка была важнее, чем усилия по поиску достойной работы.

Он едва не пропустил свою остановку. Быстро выскочил из автобуса, нырнул в подворотню, и вот она — благотворительная столовая. Потолкавшись в очереди, он присел

за стол и стал лихорадочно уплетать холодные макароны. Надо торопиться. В «схроне» было еще много взрывчатки, и надо было успеть заложить её.

Замечтавшись, парень глянул на стену. На ней неожиданно проступил образ брата Димитрия. От неожиданности он упустил последнюю макаронину на пол, которую тут же утащил тощий потрепанный кот. Образ исчез.

«Матерь Божья подаёт мне знак, что пора идти» — подумал молодой человек и стремглав понесся к выходу.

— Мне кажется, что что-то скоро произойдёт. Нечто грандиозное... — голос Алексея доносился откуда-то издалека. Я не прислушивалась, поглощенная своими мыслями.

— Ты меня совершенно не слушаешь! — он резко предстал перед моими глазами.

— О чём ты говорил? — спросила я нехотя, рассматривая присланную фотографию странного молодого человека.

— Ты можешь сколько угодно смотреть на фотку этого пацана, но ты всё равно не знаешь, кто и что он. — Алексей отвернулся.

— Ты подсмотрел?

— Нет! Не ты одна её получила. Сегодня утром её получил и я.

— И что скажешь?

— Снежана прислала ключ от комнаты, местонахождение которой не известно ни ей, ни той, кто сделал эту фотку.

— А ты знаешь?

— Я уже час пытаюсь тебе рассказать об этом.

— Твои рассказы вечно покрыты мраком и туманом... с чего ты решил, что фотка этого мудака — ключ от какой-то комнаты?

— На твоём столе лежит доклад директора службы безопасности. И моя записка к нему.

— Я читала. Ты считаешь, что встреча в кафе трех обман-

щиков имеет серьезное значение? Они пытаются выжить в меняющемся мире, где всем уже наплевать на их никчемные, дерьмовые бредни. Ты посмотри: если раньше я радовалась каждой горящей церкви, то сегодня они просто заколачиваются, потому что нет желающих туда идти. Разве это не успех нашей политики?

— Горящие церкви никогда меня не грели, в отличие от кипящих от эмоций людей. А сейчас именно такая ситуация. И союз этих трех неспроста, — Алексей открыл свою папку и продолжил, — обрати внимание: они единственные кто еще сопротивляются нашим законам, выступают против даже своих (тех, которых мы уже привязали и посадили на цепь, благодаря успешной инфильтрации наших идей). Думаешь, они остановятся в своей борьбе против нас?

— Тебе что-то известно? Поделишься со мной? — Мне показалось, что Алексей скрывает от меня что-то.

— В моей записке я уже все написал.

— Хорошо, я дам распоряжение задержать этого парня.

— А вот этого делать не надо, — Алексей резко повернулся ко мне. — Вот сейчас пусть он будет на свободе. Если он ключ, то он же имеет своего хозяина. И приведет к нему.

— За ним установят «наружку»...

— Уже установили. К его одежде прицепили микродатчик. Насколько я понял, наш подопечный — большой любитель канализаций, — Алексей усмехнулся.

— Ну что же... на сегодня прием закончен. Ты мне не надо бишь. Можешь идти.

Как только за ним закрылась дверь, я вызвала директора службы безопасности. В сжатые сроки мне нужна была вся имеющаяся информация о богобоязненном герое канализаций. Неизвестно, куда это всё могло завести, но с некоторых пор я не хотела никаких неожиданностей.

Прошло три часа. Представленное досье было на редкость обескураживающим. Молодой человек был невзрач-

ной личностью, практически без биографии. Жалкое подобие человека, жрущего холодную похлебку в догнивающей «столовке» быстро нищающего «Христианского братства». Одна особенность всё же бросилась в глаза. Запись разговора между двумя нищими и парнем:

«Власти ждут, когда кипяток польётся из чайника. А он польётся... обязательно польётся... нашему возмущению уже нет предела... сколько ещё эти антихристы будут над нами издеваться... да-да... скоро закипим...».

«Пожалуй, Алексею бы это понравилось» — подумала я, закрывая папку, — но показывать ему это не буду».

Брат Димитрий неспешно оделся, посмотрел время по мобильному браслету на руке и, выходя из квартиры, закрыл дверь. Нажал на датчик сканирования глаза и прислонился левым глазом к сканеру. Ну вот, дверь закрыта на замок. Несмотря на свои пристрастия к техническим новинкам, брат Димитрий был заядлым любителем новых гаджетов и в бытность одним из ключевых руководителей «Христианского братства» любил тратить благотворительные деньги, шедшие нескончаемым потоком от «спонсоров», укрывавших за тогда еще надежными вратами церкви свои доходы. Десятая часть их шла на оплату услуг священноначалия за сокрытие многих миллионов от ослепшей от постоянных окриков сверху налоговой инспекции. Несмотря на свою «махровую мракобесность», брат Димитрий не чурался «изобретений Сатаны», оправдывая свою страсть перед не особо просвещенными «чуткостью к новым соблазнам дьявола, покушающегося, посредством технических новшеств, увести души заблудших овец паствы христовой в геену огненную, чего он, смиренный агнец, должен не допустить, проведая о всех таящихся в сих изобретениях уловок сатаны».

Сегодня он спешил на тайную встречу с таинственным

визитером, который недавно посетил его в грязном, обшарпаном офисе Братства, которому давно не помешал бы ремонт, но деньги на него были успешно потрачены на взрывчатку.

Так как содержать железную колесницу, пожирающую исключительно редкое углеводородное топливо, уже давно ставшим неактуальным, стало довольно-таки накладно, Димитрий пересел на электромобиль, который чехвостил в хвост и гриву за его медлительность. Вся прелесть этого чуда техники заключалась в солнечных батареях на его крыше. Именно они позволяли не тратить ни копейки на подзарядку. Несмотря на огромную экономию средств, христианский функционер не терял надежду вернуть времена «денежного изобилия». И для этого был готов встретиться хоть с чёртом. И вот эта встреча, наконец, состоялась. Таинственный незнакомец уже ждал в условленном месте. Черные очки и шляпа надежно скрывали его лицо, но «брат во Христе» упорно видел перед собой самого Дьявола.

— Я знаю, вы очень высокопоставленный человек в правительстве не только в земном, но и так сказать внеземном... — пытался подстроиться христианин.

— Внеземном? — удивился незнакомец, и углы его губ скривились в усмешке. — Продолжайте...

— Так вот, я хочу сказать, что вы же долгое время были другом Церкви... ну и конечно, в ваших же силах эту дружбу поддержать...

— А что, если я вам скажу, что мне надоело поддерживать бизнес вашей Церкви, который велся все эти годы?

— Но... позвольте... вы же сами неоднократно выступали в поддержку истинного христианства...

— Выступал. До недавнего времени. Пока один идиот из вашего, кстати, сраного братства не прикончил отца К. прямо во время его доклада, который был должен стать новой вехой в наших отношениях...

— Вы хотели сказать, в отношениях между церковью и государством... — попытался поправить собеседника Дмитрий.

— И это тоже! Помимо того, что вы прекрасно знаете, чьи интересы я представляю, вы понимаете об отношениях между кем и кем я говорю...

— О, да! Конечно! Я всё понимаю. Вы не представляете, как церковь нуждается в вас сейчас...

— Молодой человек, возможно ваша церковь и нуждается во мне, но вот вопрос: нуждаюсь ли я в ней? С некоторых пор я склонен свернуть вашу деятельность навсегда. Может вам найти себе другое применение?

— Моя жизнь принадлежит Христу! — пафосно воскликнул Дмитрий. — Вы не хотите нам помочь выжить в это нелегкое время! Разве мы не нужны вам?... Ну знаете, как свет и тьма, добро и зло...

— Тоже мне еще, булгаковский философ... — усмехнулся незнакомец. — Давайте я вас немного просвещу относительно сих тонких материй.

Незнакомец остановился возле кривого дерева.

— Вы мне, нам вообще не нужны. Вы не свет и даже не добро. Мы не нуждаемся в вас больше. Время псевдо-диалектики прошло. Вы все еще живёте представлениями прошлого, воспринимая нас как свою противоположность. А мы, я, не ваша противоположность. Мы цельные личности. Нам не нужен свет, оттеняющий тьму. Мы одинаково правим и тем и другим. Поймите, это уже давно наше всё. Вам ничего уже не принадлежит. Мы пришли, чтобы взять своё, и мы его взяли. Неужели ты думаешь, что я хоть ещё раз буду потворствовать вашему существованию?

— В таком случае, мы объявляем войну вам. И с помощью божьей одолеем вас. Скоро судный день, когда случится то, что создано промыслом господним... — Дмитрий начал распаляться всё сильнее.

Собеседник смотрел на него сквозь черные очки, словно на какое-то диковинное животное, но ловил каждое слово и запоминал.

— Вот увидите, когда миллионы выйдут, чтобы снести вас, когда увидят вашу игру. И по-верьте, я не буду защищать врага Христа вроде вас. Всё тайное станет явным!!!

— Даже то, что на протяжении нескольких лет я всецело поддерживал вас, ваши страсти, вашу жалкую любовь ко Христу, которой нет и не было никогда, — незнакомец форменно издевался над несчастной жертвой мракобесия.

— Без сомнения, я очень благодарен вам за то, что до сих пор нахожусь на свободе, а не гнию, как патриарх в Кукушкином гнезде, накачанный психотропами. Но всему есть предел. Точка кипения пройдена...

— Тогда вам не мешает начать привыкать к тюремной баланде... Хотя, что это я запомнил... сейчас в тюрьмах лучше кормят, чем в вашей дерьмовой столовой. Кстати, её скоро придётся закрыть. Арендная плата уже три месяца как просрочена, и вы до сих пор там жрёте только потому, что мне всё ещё нужно было держать руку на пульсе. Поэтому настоятельно вам рекомендую найти другое применение вашим талантам, пока ваша страсть к победе над «невидимой сатанинской силой» не выбила из вас последние остатки мозгов!

Брат Дмитрий помолчал ещё несколько секунд, затем выпалил:

— Жнец грядёт, господин, скоро грядёт!!!

— Да-да, конечно... — хмыкнул мужчина, — не забудьте, Дмитрий, квартиры у нас не бесплатны пока. А ваши финансы скоро запоют романсы... Подумайте об этом.

— Господь пошлет манну с небес и мани тоже! — кривовато попытался сострить Дмитрий и пошёл прочь.

«Мда... Идиот!» — подумал незнакомец.

Брат Дмитрий буквально вполз в своё авто и вжал-

ся в кресло. В голове лихорадочно скакали мысли. Какой провал! Рухнула последняя надежда сохранить столь долго удерживаемый статус-кво. Сегодня не осталось никакого выбора. И если утром казалось, что подготовленная операция будет серьезным инструментом давления на власть, то после разговора остается надеяться только на то, что резонанс будет по запланированному сценарию. Народ должен увидеть весь ужас этой власти, её нетерпимость к религии, и если жертва должна быть принесена, то масштаб должен быть сопоставим с жертвой Авраама. Эту жертву требует Господь, и она будет принесена ради спасения его Церкви от врат адовых. Осталось всего три дня.

Машина заглохла на повороте.

— Да что же такое, прости господи, — занервничал Димитрий. Он посмотрел процент зарядки аккумулятора. Практически ноль. Как назло, небо затянуто тучами. Солнечные батареи были устаревшими, и поглощение дневного света для зарядки было долгим процессом. Конечно, можно было бросить этот ненавистный драндулет прямо возле знака стоянки, но оплачивать стоянку накладно. Порывшись в карманах, Димитрий насобирал смятые купюры и, закрихтев, стал подталкивать автомобиль до кафе, где была станция подзарядки. К его величайшей досаде, никто не вызвался ему помочь. Уповая на господа, он дотолкал-таки электро-мобиль и подключил штекер. Как ни хотелось расставаться с деньгами, но пришлось. Сидя в теплом помещении кафе, потягивая кофе, он всё время думал над словами человека в чёрном:

«Почему он так спокойно воспринял мои слова? Неужели ему не страшен гнев господень? Да, конечно, хотя вся операция создана и скоординирована не богом, а тремя священниками от трех религий, но разве не в планах это у бога? Лучше принести такую великую жертву для спасения множества, ведь делаем мы это не зла ради, а исключительно по

любви. Господь, наказывающий детей своих за непослушание, разве не из милости к ним делает это?».

На мгновение перед ним возник образ отца К.:

— Взяв на себя роль бога, ты, Димитрий, выступаешь худшим богохульником, чем те, кто открыто хулит господа.

— Нет, отец, господь заповедовал наказывать грешников и если он избрал меня своим орудием, то я выполню волю его.

— Но с чего ты взял, что Господу обязательно требуется орудие, чтобы совершить наказание? В его силах многое. А ты действуешь из собственной слабости.

— А потому, отец, почему если видишь грех и не обличаешь его, то участвуешь в совершении его. Так вот и здесь. Если я вижу, как грешники пылают ненавистью к богу, то я не только обличаю их, но и наказываю, так как лучше быть горячим, чем ни холодным ни горячим.

— И поэтому ты решил пожертвовать многими ради этого?

— Да, я пожертвую многими ради еще больших. И не вам меня останавливать. Всё решено. Если я согрешу этим перед богом, то да простит меня Господь.

Расплатившись за кофе, брат Димитрий сел в машину и направился напрямик в благотворительную столовую. Зазвонил мобильник. Подключив наушник, он услышал голос управляющего столовой:

— Брат Димитрий, у нас проблема. Владелец здания требует, чтобы через три дня мы выметались из помещения.

— Но... у нас договор истекает через месяц...

— Он сказал, что в договоре четко прописано, что в случае неуплаты аренды договор автоматически расторгается. И он еще очень добр с нами, раз даёт три дня.

— Я тебя понял. Жди. Скоро буду.

Димитрий сплюнул через открытое боковое окно:

«Вот же мерзавец! Уже начал нажимать на свои кнопочки.

Три дня он нам дал... А почему три дня? Что это значит? В символы играет?».

Он притормозил возле мусорного бака, на котором сидел столовский кот.

«Брысь, глупое животное! Иди лови мышей! Халява кончилась!».

Димитрий вбежал в помещение. В этот момент там сидела пара бомжей, доедавших гороховую похлебку. Они смотрели на Димитрия с мольбой.

— Брат Димитрий, а нас выгоняют... — пожаловался один из них.

— Я в курсе, — процедил он сквозь зубы, но потом сделал жалобное лицо и промолвил. — Вот видите до чего доводит людей эта безбожная власть. Разве можно так поступать с несчастными бездомными?

Пока он причитал таким образом, в дверь зашел владелец здания.

— Успокойтесь вы все! — сказал он. — Эта забегаловка прекращает свое существование. Желаящие стать на учет и получить помощь от государства могут перейти через улицу.

— Так это... там чипируют!!! — с ноткой ужаса забормотал один из бомжей.

— Во-первых, не чипируют, а выдают индивидуальный номер и помогают заново войти в общество. А во-вторых, если вы думаете, что вам еда с неба валится, то я вам напомню, что до недавнего времени я платил налоги, в то время как этот господин ни хрена этого не делал. И выходит, что я и такие, как я, поддерживали халяву за свой собственный счёт. И не забывайте, черт бы вас подрал, что бесплатный сыр в мышеловке, а колокол звенит, потому что кто-то дёргает за веревку. А теперь не мешайте. Брат Димитрий, пройдите в офис.

Последний покорно поплелся за мужчиной. Закрывшись от посторонних ушей, они расселись за круглым столом.

— Вы не даете нам возможность отсрочки платежа за аренду, — начал Димитрий.

— Я вот что вам скажу, — владелец был слегка раздражен, — мною уже была дана отсрочка и не раз. Но всему же есть предел! Сегодня мне звонили из департамента и сообщили, что ваше братство не в состоянии заплатить даже проценты по кредиту. У вас налоговые проблемы. Пени. Я не понимаю, на что вы надеетесь, когда факты говорят о том, что выплаты церковной десятины резко снизились из-за отсутствия прихожан.

— Ну вы же прекрасно знаете, что поправка к закону о религиозных организациях запрещает лицам, не прошедшим тестирования, а потому не приписанным к приходам, делать пожертвования десятой части своего дохода в пользу религиозной организации. У нас остались только платы за службы, таинства, покупку утвари, икон. То есть всё то, что облагается налогом на торговлю.

— А желающих посещать ваши церкви не прибавляется... Всё так. И что же вы хотите?

— Я хочу отсрочки платежа. Вот увидите, через три дня всё изменится...

— Димитрий, ну мы же взрослые люди... Неужели, если за три месяца ничего не поменялось, то за эти три дня должно что-то измениться? Каким образом? С неба деньги упадут?

— Нет. Чудо господнее будет! Вот увидите!

— Не хватало мне ещё ваших пророчеств! — господин побагровел от раздражения, услышав откровенную чепуху. — Я вам даю три дня. Сворачивайтесь! Забирайте свои ложки и поварёшки и убирайтесь куда хотите. Вот ближайшая церковь пустует. Там варите свою жрачку. Всё, разговор окончен.

Он медленно встал и пошёл к выходу. Уже находясь в дверях, он обернулся и, посмотрев на Димитрия, сказал:

— Через три дня здесь должно быть только одно чудо — ваше полное отсутствие.

— Вы увидите чудо господнее и пожалеете, господин хороший! — воскликнул Димитрий.

— Хмм... Посмотрим.

Последний заряд заложен. Оставалось три часа до приведения воли божьей в исполнение. Парень вытащил платок из кармана и вытер лоб. Как легко оттого, когда знаешь, что работа сделана. Можно расслабиться, но только выбравшись на поверхность. Подальше от адских машин. Закинув на плечи полегчавший рюкзак, он бодро направился к выходу из коллектора.

Надо было спешить к заутрене в церковь. Сегодня великий день. День, когда господь пройдет очистительным огнем по хулителям имени его. В последнем слове брата Димитрия была фраза: «Жертвуя господу бранные тела свои, мы искупаем грехи, подобно Христу». Что-то в этом было манящее и загадочное. Он не решился спросить у него, что означают эти слова, ибо счёл их относящимися к бранным телам грешников, которых на рассвете поглотит земля и пламя.

Оказавшись возле лестницы выхода, парень не стал оглядываться, лишь перекрестился и полез наверх. Сдвинув крышку люка, он подумал про себя: «Какая скотина её сдвигала? Я ведь оставлял открытой». В нос ударило свежим запахом дождя, и утренний свет слегка ослепил глаза.

Неожиданно чьи-то сильные руки схватили его за подмышки и выволокли его на поверхность. Не успев опомниться, парень озираясь по сторонам. Возле него стояло пятеро человек. Двое в камуфляже спецназа, трое в штатском. Один из штатских стоял чуть поодаль и смотрел на него с нескрываемым презрением.

— Ну что... Долазился? — спросил один из штатских. И

не дав ответить, выхватил его рюкзак и начал вытряхивать содержимое.

— Слышь, чуешь запах? — спросил один спецназовец у другого.

— Не, а что?

— Тротил.

— Да ну... У тебя собачий нюх что ли? — недоверчиво покосился на коллегу.

— Да точно тебе говорю. Слышь, козёл, ты что в рюкзаке таскал? — спросил он у парня, сжав его руку.

— Ааа... сука... отпусти... тротил! Сегодня божий суд вам! — орал террорист.

— Какого хрена ты его таскал? Куда закладывал? — набросился штатский.

— Господа, давайте без суеты! — вмешался штатский в черном, — что там у него за карта? Это что за отметки? — спросил он у террориста.

— Места закладки, — со слезами на глазах ответил тот.

— Ничего не понятно... А ну-ка дайте мне карту города, — подошел другой штатский. — Ну что у нас тут... ага... ну ты, мудака, ты хоть знаешь под какие здания закладывал? — спросил он у пацана.

— Под здания спецслужб, — ответил тот.

— Дебил!!! — не выдержал человек в черном, — ты посмотри по карте. Это здание храма вашего спасителя, идиот. Служба начинается. Когда взрыв?

— Через пять минут... — заныл парень и закатился в истерику. — Прости господи, выполнял волю твою.

— Господин советник, и что же теперь делать?

— Да ничего не делать. Этот идиот заложил столько, что там сейчас бассейн будет готовый. Извещайте, чтобы люди выбегали быстрее.

— Тут сообщение. Задержаны еще двое. Еврей и мусульманин. Тоже из коллекторов достали.

— Я так и думал. День божьего гнева и жертвоприношения, — советник набрал номер на мобильном.

— Ксения Валентиновна, последний отсчет начался.

— Ты чего несешь? Какой отсчет? Я сейчас в здании телецентра, на площадке...

— Значит, увидите всё собственными глазами...

Неожиданно земля заходила ходуном, и со стороны храма раздался оглушительный грохот. В небо поднялся огромный столб пыли, грязи, перемешанный с кровью, кусками тел тех, кто еще не успел выбежать.

Я смотрела с площадки телецентра. Немного вибрировало под ногами. Прямо передо мной взвились в небо столбы пыли в местах, где стоял христианский храм, большая хоральная синагога и мечеть. Признаюсь, я почувствовала удовлетворение от увиденной картины. Алексей что-то говорил в трубку, но я слышала обрывки фраз. Что-то о задержанных подрывниках, мести, божьем суде. Зрелище разрушавшихся «святынь» вызывало у меня чувство досады от воспоминания тех моментов в жизни, когда мне самой хотелось уничтожить эти рассадники лжи. Но эти верующие, они сами подписали себе приговор, решившись на такую акцию. Алексей говорил, что схвачен руководитель Христианского братства. Именно он привел в действия детонаторы. Схвачены и те трое служителей культа, доклад о которых мы с ним обсуждали совсем недавно. Я обернулась и увидела, как на мониторе в прямом эфире демонстрируют кадры с мест взрывов. Мой помощник по связям с прессой суетится рядом, а секретарь-референт срочно пишет текст выступления. Но меня продолжает занимать увиденное.словно завоороженная, я смотрю, как клубы дыма поднимаются в небо. А известный журналист, который должен был брать у меня интервью, взволнованно сообщает подробности с мест трагедии:

«По сообщению прессслужбы Министерства внутренних

дел, задержаны подозреваемые в организации и исполнении этих ужасающих по масштабам в истории страны терактов. Ими оказались члены и руководители Христианского братства, Братья Мусульмане, Святые Иудеи. Все они известны своими крайними фундаменталистскими и экстремистскими высказываниями в адрес политики президента и правительства. Как нам стало известно, эта акция являлась провокацией, целью которой было обвинить спецслужбы в организации террористических атак на культовые здания и верующих.

В прямом эфире выступит президент Ксения Аллен с чрезвычайным заявлением, буквально через несколько минут. Не переключайтесь».

— Ксения Валентиновна, — нудел пресс-секретарь, — нам уже пора готовиться к эфиру.

— Да, я готова. Где моя речь? Мне нужно перечитать перед выступлением, — я присела за столик и перечитывала набросанную речь. В нескольких местах пришлось сделать исправления и дополнения. Алексей буквально обрывал трубку, сообщая каждую минуту о новых подробностях. Я правила текст несколько раз. Наконец он был закончен. До эфира оставалась минута. Наскоро мое лицо привели в порядок, и я появилась в эфире:

«Дорогие сограждане! Сегодняшняя трагедия показало нам истинное лицо тех, кто в многочасовых эфирах ежедневно вещал о великой любви ко всему человечеству, которую несёт вера в бога. Эти любвеобильные боголюбцы и человеколюбцы решили, что нет ничего лучше, никакого другого способа, вернуть в свои загоны лжи, кроме как принести в жертву своему человеколюбивому богу несколько тысяч человек. Проповедуя на словах любовь к ближнему, они беспокоились о своих упавших доходах. А именно это и было их постоянной заботой. В их искривленном сознании, религиозном сознании, не могло возникнуть никакой дру-

гой мысли, кроме как убить тех, кто не следует их предписаниям. Но время убийств несогласных прошло, и им остается только резать овец собственного стада, чтобы, как уже нам стало доподлинно известно, обвинить в этой бойне тех, кто не желает немедленно уверовать в их жестокого бога. Однако они просчитались. Конечно, спецслужбы нашего государства делали всё, что было в их силах, чтобы не допустить кровавых убийств невиновных. И если раньше мы уделяли время и силы защите неверующих, то даже в страшном сне не могли предположить, что верующие специально будут убивать других верующих, чтобы вызвать еще большую ненависть к людям с нерелигиозным мировоззрением. Именно это стало задержкой в предотвращении этих чудовищных преступлений, произошедших сегодня утром. Мне известно, что, несмотря на позднее оповещение, многие люди, пришедшие в храмы, успели спастись. Я бы хотела обратиться к ним. Посмотрите, вы все еще желаете доверить свою жизнь маньякам, не чурающимся принести вас в жертву на алтарях ваших храмов? Вы все еще хотите этого? Они уже здесь. Они уже приносят вас в жертву тому же богу, которому молитесь и вы и они. Насколько вы готовы доверить свои жизни лицам из Христианского Братства, Мусульманским братьям или святым из Иудеи? Вы все знаете места, где собираются члены этих сообществ. Возможно, даже вы один из них. Сегодня они хотели устроить суд над безбожниками. А мы предлагаем судить их вам, простым гражданам. Вы являетесь основным источником власти в нашей стране. Вы позволили им распоряжаться вашими жизнями, когда вступили в эти союзы, полагая, что мы, руководители страны, избранные вами же, пытаемся всеми силами поправить ваши «духовные скрепы». Если эти «скрепы» превращают вас в жертвенных баранов, то наши действия по спасению вас от заклания на алтарях бессмысленны. Я не рассчитываю, что вы поймете меня сейчас, но вы сделаете

это в будущем. Хочу лишь только сказать, что виновные в этой трагедии будут найдены, обезврежены и наказаны по всей строгости законов нашего государства. И помните, наказание неотвратимо».

Я ушла с эфира. Срочно собирался Совет Безопасности. Уже в президентском лимузине я увидела новость о самосожжении нескольких буддистских монахов прямо перед моей резиденцией. Надо же, хоть они еще не додумались принести в жертву своих единоверцев. А так, пусть самосжигаются сколько угодно.

Уже через час все члены Совета были в сборе. На повестке дня стоял главный вопрос: случится ли подобное вновь? Как заверил меня директор службы национальной безопасности, в их распоряжение попали списки всех членов Христианского Братства, Братьев Мусульман и Святых Иудей. В стране начались повальные обыски и задержания.

— Я считаю, что ни один член этих сообществ не должен быть отпущен без проверки. Мне надоело, что у нас под носом происходят такие преступления. Мы слишком долго позволяли себе «либеральничать» с этими господами. Если сегодня произошло это, а мы знали, между прочим, о том, что готовится некая акция, то, несомненно, будут и другие акции. И наша задача — не допустить их осуществления.

— Госпожа президент, Министерство печати и массовой информации, совместно со Службой национальной безопасности, начало проверку религиозных телеканалов, радиостанций и электронных и печатных изданий. Предлагаю отозвать лицензии у всех средств массовой информации, принадлежащих религиозным сообществам и в дальнейшем запретить выдачу таковых, — обратился премьерминистр.

— Абсолютно с вами согласна. Подготовьте ваши предложения совместно с президентской администрацией. Также, я думаю, что наши коллеги из парламента в профильных комитетах представят свои соображения и вынесут на

обсуждение. Считаю, что следует принять пакет поправок к существующему закону о печати.

— Госпожа президент, — обратился министр внутренних дел, — на площадях городов происходят несанкционированные митинги с требованиями немедленного суда над преступниками и преданию их смертной казни...

— Господин министр, не будем торопить события. Наша судебная система уже давно хорошо отлажена, и я считаю, что судьи примут наиболее верное решение по данному вопросу. О чем и следует донести митингующим. Также хочу обратить ваше внимание, что не стоит допускать самосудов. По возможности, ограничивайте доступ к лицам, причастным к этим братствам, потому что я считаю, что худшее может быть впереди, и нам просто необходима вся информация о возможных иных террористических акциях.

Мы сидели допоздна. Стараясь сдерживаться, я не подняла вопрос о действиях своего советника. Ведь он знал больше, чем говорил мне. Когда все разошлись, я вызвала его в свой кабинет.

— Признайся, что ты знал обо всем этом, — я решила сходу выяснить всё.

— Я не скрою, что был в курсе происходящего, — ответил он.

— Но почему же ты молчал?

— Потому что сильно сомневался, что они всё-таки решатся на этот шаг. Заметь, устроить такую провокацию — дело не недалекого ума. Какой коварный план они составили! Требовалось ведь самая малость. Чтобы никого не поймали раньше времени. Все знают, что ты с удовольствием бы сама нажала на красную кнопку. Грешно не воспользоваться этим, чтобы гарантированно обвинить президента страны в организации терактов против собственного населения, пользуясь тем, что она неровно дышит к святошам.

— То есть моя ненависть — лучшее доказательство мое-

го злого умысла на массовое убийство?

— Именно! Но тут они перехитрили сами себя.

— Я догадывалась, что ты тайно курируешь все эти сообщества. И давно?

— Еще во времена, когда мы познакомились. Действительно, мне было выгодно держать их в своем поле зрения. Можно сказать, всё начинается с простого человеческого общения...

— А заканчивается подковёрными играми?..

— Ничем пока ещё не заканчивается. Если ты думаешь, что игра закончена сегодня, то у меня есть веское основание полагать, что последний штрих будет нанесен позже.

— Но разве точка кипения не пройдена?

— Ха-ха... Определенно я где-то слышал это выражение. Кипяток обольет нас скоро. Главное, вовремя увернуться от основного потока. А уж капли от ожогов заживут.

— Тебе не кажется, что ты слишком сильно стал увлекаться метафорами?

— Когда еще не знаешь, что произойдет, сложно говорить конкретно.

— По-твоему, что же можно ожидать в ближайшее время?

— В ближайшее время удели внимание безопасности собственной семьи. Одно дело твой сон, а другое — реальные угрозы.

— На публике придется меньше появляться... — я задумалась. — Мне грозит участь Кеннеди?

— Да нам всем ежедневно грозит участь Кеннеди. Мы уже не сможем свернуть со своего пути. Поэтому лучше подготовиться к худшему.

— А всё же, о чём ты разговаривал с Димитрием?

— О том, что пришло время взять своё.

— А ты еще не взял?

— Когда я возьму, то тебе больше не понадобятся мои советы.

— Неужели уйдешь на покой?

— Знаешь, пожалуй, если бы не Снежана, то на покой бы мне пришлось уйти сегодня. Всего лишь одна маленькая фотография помогла нам избежать худшего, что может произойти с политиками — стать изгоями.

Он вышел. Тягостное чувство не покидало меня. Когда же закончится этот кошмар? Почему нет такого средства, которое бы успокоило этих маньяков навсегда? Я знала, что будет трудно, но ежедневное ощущение, что кто-то жаждет уничтожить тебя, выматывает. Надо будет отправить мужа с дочерью подальше на какое-то время. На столе лежала папка. Я раскрыла и увидела записку от Снежаны: «Мне кажется, что я вышла на след». Какой еще след? Что она задумала? Какие-то фотографии. Семейная пара. Кто все эти люди? И какое отношение они имеют ко мне? Детали биографии. Ни о чём! Голова раскалывалась. Срочно отдыхать. За окном светало, и только тихо шевелились рыбки в аквариуме.

Глава IX. Последний Удар Дьявола

«Сегодня, как и в предыдущие две недели, по всей стране происходят аресты причастных к экстремистской деятельности. Списки разыскиваемых уже направлены в международное бюро Интерпола. По заявлению пресс-служб Федеральной прокуратуры, Министерства внутренних дел, Службы национальной безопасности, выявлена международная религиозная террористическая сеть. Благодаря слаженным действиям силовых ведомств, были пресечены намечавшиеся акции террора. Неоценимую помощь оказали общественные организации сознательных граждан, в том числе и новообразованный Атеистический Союз, ранее включавший в себя разрозненные клубы интеллектуалов. Подразделение финансовой разведки выявило и перекрыло каналы финансирования из-за рубежа, в последнее время поддерживавшее террористов и религиозных фундаменталистов в нашей стране...».

— Ну сколько можно? Я переключу каналы, — мой муж раздраженно схватил пульт и переключил на другой канал.
— Весь день одно и то же...

— Я и так на всех каналах, — посмотрев в ежедневник и сделав глоток кофе, ответила я.

«К другим новостям. Международная выставка игровой

индустрии «Игротех», которая пройдет послезавтра в здании торгово-выставочного центра, привлекла внимание президента Ксении Аллен, намеревающейся лично выступить на её открытии. По словам пресс-секретаря президента, она считает, что в ситуации всеобщего страха перед террором мы не должны забывать о существовании более позитивного мира. И открытие этой выставки станет огромным шагом вперед по пути преодоления накопившихся в обществе проблем. По нашим сведениям, выставку посетит легендарный геймер, обладатель многочисленных наград, успешный бизнесмен Лютер К. В последнее время он удалился от своих дел, поставив перед собой задачу поиска нового духовного смысла жизни. Подробности нам неизвестны, но господин Лютер К. очень рад, что выставка будет проходить именно в нашей стране, так как у него сохранились очень хорошие воспоминания о знакомстве с госпожой Аллен ещё до её президентства...».

— Ты слышала это? Лютер приезжает.

— Это же замечательно! — я обрадовалась, услышав это имя. — Надо обязательно с ним встретиться.

— Я иду с тобой. Нельзя упускать такую возможность, чтобы не поболтать со старым приятелем.

— Господин Лютер К. заявил, что намерен прибыть на выставку совместно со своей супругой... — не унимался диктор.

— Еще лучше! Я думаю, что эту встречу просто необходимо отметить в неформальной обстановке, — у меня мгновенно созрел план. — Если помнишь, я хочу взять реванш.

— Ты не можешь забыть, как он выиграл у тебя? — улыбнулся муж. — В новой версии этой игры именно он принимал участие в разработке. Он знает её от начала и до конца. Думаешь, у тебя есть шанс? — подтрунивал муж надо мной.

— Я выиграю у него! И не надо мне рассказывать про его вклад. Этот бой он проиграет. — Я слегка рассердилась

и ушла в другую комнату. Признаться, отпуск уже начал раздражать. Хотя за последние четыре года мне не приходилось отдыхать, не считая дней на больничной койке, желание работать никуда не делось. Мой президентский срок подходил к концу, но за это время была проделана колоссальная работа, и столько же еще осталось. Не хотелось бы хвалиться, но помимо моей борьбы с внутренними угрозами, были сделаны и некоторые серьезные экономические реформы. И их требовалось довести до конца. Я не собираюсь уступать свое место кому-то другому, поэтому начатое я и закончу. Вчера получила докладную записку от советника о шансах на победу в новой избирательной гонке. По опросам общественного мнения, мой рейтинг составил семьдесят процентов. Так что победа в первом туре голосования налицо. Основные вопросы касаются экономики. На политических дебатах речь пойдет об интегрировании в мировую систему так называемой «четвертой индустриальной революции», «безусловном доходе» и безработице. Мои оппоненты уже сейчас выступают с предостережениями о массовой безработице в период перехода на полномасштабную автоматизацию производства. Опережая эти события, мы уже смогли использовать полученные доходы от налогов с церкви на переобучение и повышение квалификации граждан. Самое важное — избежать ошибок прошлого, когда массы, не готовые и не приспособленные к новым экономическим условиям, были брошены на произвол судьбы и составили фактически угрозу самому существованию государства, влившись в ряды преступных сообществ, бесчисленных сект или просто бессмысленно вымирали, дав повод некоторым псевдополитикам спекулировать на тему «вины и воздаяния». Это не должно повториться. Очень многим пора усвоить самый главный урок: нельзя ничего бросать на самотёк, ссылаясь на примитивно понимаемый дарвинистский принцип «выживания наиболее приспособ-

бленных». В человеческом обществе обязательно найдутся люди, которые возьмут на вооружение самые худшие, самые мракобесные идеи, которые помогут выжить массе, низведя её до состояния безмозглого стада, безвольно следующего за «пастырями», «фюрерами» и прочими, обещающими им земную колбасу в обмен беспрекословному подчинению «боговдохновенным писаниям». Наша задача на будущее: дать этим массам возможность подняться выше, контролируя их шаги. И если кто-то всё же решится остаться в стаде, то отсеб этого бракованного человеческого материала произойдет не массово. Пришло время контролируемого отбора. Если сейчас генетики нам обещают редактирование генома, то почему мы не можем редактировать человеческую популяцию? Почему мы не можем исключать саму возможность появления религиозных фанатиков вполне вменяемыми экономическими методами? Массовая безработица, которая станет возможной при автоматизации, не должна стать катализатором всеобщей неустроенности и бедности. Эксперименты с «безусловным доходом» ранее уже показали свою эффективность при формировании креативности участвовавших в нём. Бессмысленная рутинная работа должна быть передана роботам, тогда как освободившееся время может быть потрачено на переобучение и обучение новым знаниям и навыкам. Религии прошлого успешно эксплуатировали идею «кто не работает, тот не ест». Мы уже выдернули у них экономический ковер из-под ног. Осталось только добить их, направив освободившуюся энергию масс на создание новых изобретений и решений, не требующих участия «вездесущего творца и его заместителей и посредников». Новое общество, основанное на принципах технологии, а не религии, успешнее удалит затхлые идеи прошлого.

Изучая прилагаемые к докладной записке материалы, я чувствовала, что если я снова стану президентом, то сложность поставленных задач сопоставима с тем, через что я

уже прошла. Огромный труд по преобразованию общества, та новая революция, о которой я думала раньше, куда более сложна, чем просто восстание против тиранов и воров. Не просто переделать мышление взрослых людей прямо сейчас, но возможно дать пути по переделке мышления подрастающего поколения. Сейчас оно только-только освободилось из религиозного тумана. Мы можем использовать наиболее понятные и принимаемые ими инструменты формирования их нового сознания. Игровая индустрия сейчас — наиболее подходящий инструмент из-за своей массовости, доступности и зрелищности. Если раньше, каких-то сто лет назад, такими инструментами были кинематограф и телевидение, то сейчас рынок компьютерных игр как нельзя лучше подходит для решения поставленных нами задач. Мы направим все свои усилия на то, чтобы современные игры несли совсем другие идеи, были полезны. Ведь смешно и грустно было от осознания того, что совсем еще недавно в продажах были игры на библейские темы. Поток этого хлама был вовремя остановлен, и теперь пришло время дать другое направление. Именно поэтому я решила, что мое присутствие на «Игротехе» просто необходимо. Вся важность этого мероприятия еще не всеми вполне осознаваема, но только не мною.

У входа в Выставочный Центр собралось уже несколько тысяч человек. Телевидение, корреспонденты специализированных изданий, кучкующиеся геймеры бурно обсуждали ожидаемые новинки игровой индустрии. Журналисты на ходу брали интервью у наиболее узнаваемых представителей игрового бизнеса, попутно высматривая ожидаемый приезд президентского кортежа. Перед входом в здание висела красная ленточка, а воздушные шары качались на лёгком ветру, почти уже готовые взвиться в небо.

Тихие возгласы неожиданно переросли в бурные кри-

ки, когда на импровизированную трибуну неожиданно для многих поднялась президент Аллен. Никто не смог даже заметить её появления, несмотря на ожидаемый кортеж. Лишь несколько фигур в черных костюмах наводили на мысли о её появлении. По принятому Советом Безопасности решению, президент будет передвигаться скромно по улицам города, не привлекая лишнего внимания к своей персоне. Регламентирующий протокол, названный в шутку «Казус Кеннеди», однозначно устанавливал новые правила появления президента на публике.

— Я приветствую всех пришедших на открытие международной выставки игровой индустрии, — раздался голос из стоявших по периметру динамиков, — ещё до того, как я стала президентом, моим большим личным увлечением были компьютерные игры. И скажу вам, это увлечение до сих пор осталось со мной.

Последние слова были встречены бурными аплодисментами.

— Благодарю за эти аплодисменты. Я очень рада, что игровая индустрия получила новые возможности для своего продвижения, несмотря на те трудности, которые мы испытывали до сих пор. И тот факт, что международная выставка проходит именно у нас, в стране, которая недавно стала объектом массового террора, является верным признаком возрождения спокойной жизни её граждан. Я бы предпочла видеть наших сограждан выпускающими свои эмоции в видеоиграх, чем участвующими в бессмысленных акциях обезумевших религиозных фанатиков. Хочу от лица нашего народа и себя лично сердечно поблагодарить организаторов выставки, не побоявшихся угроз и всё же сделавших возможным этот праздник для всех нас. С нашей же стороны, мы гарантируем, что никаких трудностей не возникнет на все время действия этой замечательной акции.

Президент спустилась с трибуны, подошла к красной

ленте и под аплодисменты устроителей и зрителей перерезала ленту.

— Дамы и господа, — раздался голос из динамиков, — международная выставка «Игротех» объявляется открытой!

Десятки людей потянулись ко входу, выстраиваясь в очередь. Президент с охраной вошли внутрь. За ней последовали организаторы. Директор выставки, не умолкая, рассказывал о новинках индустрии, активно привлекая внимание к самым ярким стендам.

Ко мне подошел мой муж с дочерью и, озираясь по сторонам, спросил:

— Ты уже видела Лютера? Я не могу его найти в этой толпе.

Я не успела открыть рот, когда услышала сзади этот знакомый голос с характерным акцентом жителя Большого Яблока.

— Ксения, ваше выступление было потрясающим!

Я обернулась и увидела его стоящим рядом с женщиной, державшей его под руку. Что-то в её облике мне показалось знакомым.

— Лютер! Я так рада тебя видеть. Мы не виделись...

— Да-да, уже десять лет, — Лютер подошел и пожал руки мне и мужу, — позвольте представить мою жену Лиз.

— Очень рада познакомиться, — улыбнулась Лиз.

— Лютер, ты же практически ушел из бизнеса, — вступил в разговор мой муж, — а сегодня решил появиться.

— Это правда. Я решил больше времени проводить со своей семьей. Но это не значит, что я не участвую в новых разработках. И я помню, Ксения, что ты хочешь отыгаться за прошлое поражение, — Лютер лукаво улыбнулся и вытащил из кармана пиджака коробку с диском, — здесь самая последняя версия игры. Её еще нет в широкой продаже, и я думаю, ты жаждешь испытать её.

— О да, ты угадал моё желание. Сегодня же вы пригла-

шаетесь в резиденцию, — я подозвала главного охранника и велела ему приготовить пропуска для пары наших друзей.

— Надеюсь, нас ждёт твой фирменный шашлык? — поинтересовался Лютер.

— А я надеюсь, ты не стал веганом?

И мы посмеялись над добродушной остротой.

— Через два часа мы ждём вас у черного хода. Охрана проведёт вас к нашему автомобилю.

— Мы будем ждать новой встречи с вами, — Лютер и Лиз отошли в сторону.

Мы с мужем и дочерью еще немного побродили по зданию, изучая новые консоли и читая буклеты с описаниями игр. В шуме толпы я не заметила несколько смс-сообщений. Уже находясь в автомобиле и ожидая прихода Лютера, я смогла прочесть сообщения от Снежаны с просьбой о встрече. Ну нет, только не сегодня! Ничто не должно отвлекать меня от отдыха. Я предвкушала победу над старым другом, нетерпеливо поглядывая в окно, пока ехала домой.

Светило солнце, и на лужайке заднего двора дымился мангал, источая запах жареного мяса. Лютер возился с новой консолью в доме, объясняя преимущества нововведений. Лиз сидела молча на диване, потягивая виски со льдом, и не сводила глаз с меня. Мне казалось, что она решила изучить каждое мое движение и слово. Лютер сказал, что она практикующий психолог, оказавший в свое время ему неоценимую помощь. Какое-то время назад он ощутил внутреннюю опустошенность и благодаря Лиз снова обрел уверенность в себе. Я не уточнила, в чём заключалась эта помощь и что нового он открыл для себя. На сегодня мои мысли были о другом.

Мы втроем вышли на лужайку и присели за круглый белый стол. Мой муж принес шашлык, который с удовольствием принялись уплетать, запивая свежим холодным пивом, словно мы еще были молодыми и далекими от всей

этой политической мишуры. Приятно провести время в хорошей компании старых друзей.

Уже начало темнеть, и, наевшись до отвала, я потянула Лютера к консоли. Мы играли третий час, когда зазвонил телефон. Мой советник и Снежана ехали к нам. Я заметила, что Лютер и Лиз начали нервничать. Наверное, чувствует, что проигрывает, подумала я и продолжила игру.

На исходе пятого часа Лютер все же проиграл. Я ликовала.

— Ксения, сегодня ты была на высоте! Ты сумела одолеть меня там, где мне не было равных.

— Лютер, ты же знаешь, что я не люблю проигрывать, — я громко засмеялась.

— Я помню это, — он подошел ко мне, — сегодня был очень насыщенный день. И я рад, что мы снова увиделись. Но, к сожалению, нам уже пора. Позволь на прощание обнять тебя.

Не дожидаясь ответа, он обнял меня и прошептал на ухо:

— Да упокоит тебя Господь!

Я ощутила острую боль в спине. Нож, узкий и острый, рвал мою плоть. Пытаясь вырваться, я заметила, как мой муж бросился ко мне, но был сбит подножкой Лиз, прыгнувшей ему на спину. Я закричала из последних сил и вырвалась из крепких объятий Лютера. В этот момент в комнату ворвались охранники и Снежана с Алексеем. Снежана с размаху ударила ногой по голове Лиз. Сучка завывала и откатилась в сторону. Алексей ударил Лютера пепельницей по голове, а охрана скрутила его. Я теряла сознание, хватаясь за занавеску, пачкая её своей кровью. Мои ноги онемели, голова закружилась и я провалилась в темноту.

...Скорая помощь увозила её с невиданной скоростью. Прибывший в операционную доктор потребовал немедлен-

но начать операцию. Ей грозила инвалидная коляска на всю жизнь. Мы стояли в коридоре, ожидая результатов. Муж держался за перевязанную голову. Лютер и Лиз были связаны и дожидались своей участи в подвале резиденции. В моей голове зрел план расправы над ними. Снежана ходила из стороны в сторону. Было заметно, что она хочет закурить. Я не мог ей предложить сигарет, поэтому остановил её и повел вниз в комнату для курения. Трясущимися руками она держала сигарету и всё время спрашивала:

— Это всё?

— Нет, определенно не всё. Но последний удар будет за нами.

— Я не об этом. Она станет инвалидом?

— Откуда мне знать? Я не врач. Но мне будет нужна твоя помощь.

— И чем я тебе смогу помочь?

— Пригласи ЕЁ!

Снежана посмотрела на меня. Она поняла, о ком идёт речь.

— Если ты хочешь, чтобы она появилась, значит твоя голова уже придумала очередной дьявольский план.

— Просто пригласи ЕЁ. Время я назначу позже. Но она уже должна быть во всеоружии.

— Хорошо, хорошо... Я сделаю это. Но я должна присутствовать, договорились?

— Ты уверена, что тебе это нужно. В прошлый раз ты перестала со мной общаться после того, как я попросил её кое-что сделать для меня.

— Твои игры выше моего понимания. Твоя изощренность и жестокость вызывают во мне стойкое нежелание с тобой общаться. Ты можешь мне сказать, что ты задумал?

— Нет. Но раз ты хочешь присутствовать, то сама всё увидишь. Собственными глазами. И услышишь. Собственными ушами.

— А не проще ли их просто шлёпнуть без этих выкрутасов?

Я посмотрел на неё с нескрываемым чувством досады. Неужели так сложно понять, что нельзя просто «шлёпнуть» этих лицемерных тварей, дав им возможность ощутить себя мучениками.

— Так что? — Снежана немного успокоилась. — Мы пристрелим их, не дожидаясь, когда Ксения придёт в себя. А ей скажем, что они погибли в схватке. Можем взять в помощь её мужа.

— Я не хочу, чтобы они сдохли, а моя жена этого не увидела, — муж зашёл в курилку.

— Никто не будет убит, пока Ксения не придёт в себя и не будет в состоянии лично присутствовать на допросе, — мне очень хотелось посвятить их обоих в свой план, но тех обуяли эмоции. Пожалуй, они не готовы принять его и понять, — сколько уже длится операция?

— Пятый час, — ответила Снежана.

— Пойдемте все наверх. Уже должны быть известны результаты.

Мы поднялись. Доктор вышел из операционной, вытирая пот со лба. Было видно, что он невероятно устал. Снежана немедленно спросила у него:

— Она будет ходить?

Он вздохнул, затем хриплым уставшим голосом ответил:

— Не так скоро, как хотелось бы, но мы сделали всё возможное, чтобы она это смогла...

— Доктор, каковы сроки? — мне не терпелось узнать в преддверии выборов.

— Я предполагаю, что период восстановления и реабилитации займет около года... Извините, мне требуется отдохнуть.

— Целый год! — муж был сильно расстроен.

— Мы подкорректируем её имидж. Наш новый экономи-

ческий курс, Ксения в инвалидной коляске, это как президент Рузвельт нашего времени... — я рассуждал вслух.

— Ты даже сейчас думаешь, как еще возможно поэксплуатировать сегодняшнюю ситуацию, — Снежана недовольно нахмурилась.

— Я думаю о будущих перспективах. А ты не забудь пригласить ЕЁ.

Снежана на мгновение отвернулась, и, не успев открыть рот, испуганно заозиралась по сторонам. Алексея уже и след простыл.

— Куда он делся? Я же только что с ним разговаривала, — она недоуменно смотрела на охранника.

— Здесь никого нет, кроме нас, — ответил он.

Дверь отворилась резко и со скрипом. Лютер проснулся и забился в угол. Двое охранников схватили его и поволокли из комнаты по коридору. Остановившись возле следующей двери, они втолкнули его в зал и, усадив в кресло, привязали к нему. Здесь горел более яркий свет, и узник некоторое время привыкал к нему. Повертев головой, он уставился перед собой, смотря в тёмный неосвещенный угол. Мелькнула чёрная тень, и он ощутил на своих плечах чьи-то руки. Вкрадчивый низкий голос заговорил у него прямо под ухом:

— Сдается мне, что ты не ждал, что это произойдет сегодня?

— Я готов пострадать за Господа своего в любую минуту, — Лютер напрягся, пытаясь сбросить эти руки, что так крепко сжали его.

— Ну ты и идиот! — рассмеялся некто сзади. — Я всё удивляюсь, почему ты, человек не обремененный религиозной чепухой, поддался на эту ахиною.

— А что ты знаешь о новорожденных христианах? Я пересмотрел свою жизнь и принял Господа в свое сердце.

— А заодно и Лиз в свою койку, — цинично усмехнулся

незнакомец. — Я давно заметил, что в ваших глупых сектах фактор женщин играет большую роль, чем настоящее увлечение догмами. Неустроенность личной жизни прямо бросает таких, как ты, в объятия умных и продуманных психологов, вроде Лиз.

— У нас любовь, благословенная самим Христом. Покажись на свет, наконец! — Лютер повёл плечами.

Он посмотрел через левое плечо, но там никого не было. Повернув шею, он столкнулся с холодным взглядом Алексея.

— Ты! Я узнал тебя. Ты здорово приложил меня этой чёртовой пепельницей, — Лютер чуть закатил глаза, вспоминая боль от удара.

— Хмм... Раньше я использовал пепельницы вместо молотка. Люблю массивные металлические безделушки. Но речь не об этом. Тебя сегодня ждут сюрприз и встреча со старыми друзьями. Или теперь уже врагами...

— Где Лиз? — спросил Лютер. — Я хочу её видеть.

— Оу... Не беспокойся, сегодня у тебя счастливый день. Скоро ты увидишь её. Я гарантирую это, — засмеялся Алексей и подошел к входной двери.

Он открыл дверь, и в зал вкатилась коляска с сидящей Ксенией. Её муж стоял рядом.

— А вот и твои бывшие друзья, которым ты исподтишка пытался всадить нож, — Алексей неожиданно подскочил к Лютеру, поднеся к его глазам тот самый нож.

— Алексей, дай мне этот нож, и я всажу ему в его лживый язык! — Ксения с усилием подкатила коляску к креслу с мерзавцем.

— Нет! Это будет слишком легко для него, — Алексей спрятал нож в карман, — его нужно оставить в живых.

— Как в живых? — муж Ксении попытался подойти к Лютеру, но был остановлен. — Что ты с ним нянчишься? Я бы выпустил его кишки наружу за то, что он сделал. И его

женушке тоже.

— Не спеши. Это всё слишком легко для него. Правда, Лютер?

— Да я хоть сейчас готов страдать за слово Христово! — пафосно закричал тот. — Вы все должны были принять Христа, а вместо этого бросили его. Продались Сатане!

— Ох, Лютер! Твои слова как-то не очень вяжутся с твоими поступками, — Ксения подъехала ближе и, смотря ему в глаза, продолжила, — уже целый месяц я прикована к этой коляске. Ты лишил меня возможности ходить, хотя хотел лишить жизни. Наверное, именно этого от тебя хотел твой бог?

— Грешники должны быть наказаны! Господь избрал меня!

— Вот знаешь, Лютер... — Алексей снова зашел сзади и наклонился к его правому уху, — тебе представится возможность снова испытать свою веру. Я уже позаботился о том, чтобы ты остался в живых, но твоя жизнь превратится в ад. Я тебе лучше всяких библейских пророков предскажу твое будущее, но для начала... тащите Лиз...

— Что с ней? Что ты с ней сделал?

— Пока ничего. Но у тебя будет возможность жить с ней дальше. Правда, вряд ли тебе понравится эта жизнь.

Дверь открылась, и охранники втащили упирающуюся, связанную Лиз и бросили её на пол. Вслед за ними в зал вошла Снежана.

— Алексей, я исполнила твою просьбу. Сколько ещё продлится этот спектакль? — Снежана недовольно смотрела на него.

— Не беспокойся, ещё не скоро. Сейчас мы выясним очень важный мировоззренческий вопрос. Ведь у нас в гостях фактически последние представители сопротивления нашему новому порядку. Лютер, Лиз... Вы предали своих друзей ради невидимого старика на небесах и готовы по-

страдать за свою веру?

— Ты прекрасно знаешь, сатанинский ублюдок, что я никогда не предам Христа, — зашипела Лиз.

— О да, дрянь, тебе придётся за него страдать! — Ксения ударила её по лицу.

— Сегодня я пригласил с помощью дорогой Снежаны особенного человека. Не думаю, что вы её знаете, но это и не столь важно. Самое главное — её умения, — Алексей пододвинул стул и уселся напротив Лютера. — Я принял решение: твоя жизнь будет сохранена. И жизнь Лиз тоже. Но с некоторыми условиями. Она не будет ходить. Будет вечно лежать, а ты будешь каждый день подбирать за ней дерьмецо и кормить до осточертения. Если ты помнишь... Талион требует равного возмездия за совершенное. Но я немного подправлю его. Возмездие будет слегка усиленное, чтобы ты ощутил на себе, как тяжело жить, когда нет никакого бога и никто не скажет твоей жене «встань и иди». Твоя Лиз станет тебе обузой. Ведь у тебя не будет возможности обратиться к нашим «сатанинским докторам», чтобы поднять её. Тебе останется только «уповать на господа с просьбой о чуде». Если ты помнишь, у нас есть такой тест, который ни один, именующий себя верующим, так и не смог пройти.

— Господь снизойдет до свидетелей его славы, и чудо исцеления произойдет! — Лютер затрясся от осознания ожидаемой перспективы.

— Нет, дружок! — Алексей вцепился ему в плечи, снова, каким-то непостижимым образом, оказавшись за его спиной. — Послушай меня... — Ты совершишь два последних греха в своей жизни: убьешь жену и покончишь с собой. Я уже позаботился о твоём новом местожительстве. В верхнем ящике стола, который стоит в твоём новом доме, лежит револьвер. В нём всего две пули. Одна для неё, а другая для тебя.

— Господь не допустит свершиться этому! — из глаз

Лютера потекли слёзы.

— Плачешь, урод? — спросила Снежана. — Алексей, я поражаюсь твоей выдумке.

— Позови лучше сестру Лоретту. Пора приступать к действию.

В залу зашла женщина средних лет. Двое охранников вкатили стол с инструментами.

— Позвольте вам представить сестру Лоретту! Раньше она работала в монастырском госпитале, но после её опытов по проверке возможностей «чуда господнего» её изгнали. А сегодня она виртуозно проведёт новое исследование. Лиз, вы её новый пациент. Сестра Лоретта возьмёт у вас пункцию. Кто не знает, речь идет о спинномозговой жидкости. Обычно это очень болезненная процедура, которая иногда заканчивается не очень удачно. И клиент может никогда уже не встать. Сестра Лоретта — высококлассный специалист по пункциям. Обычно после них пациенты не встают. Парни, тащите Лиз на стол.

Охранники схватили связанную и положили на операционный стол лицом вниз, привязав тело к уключинам, чтобы она не шевелилась. Лютер взвыл и дернулся вперед. К его огромному сожалению, кресло было привинчено к полу. Сестра Лоретта разрежала на спине одежду у Лиз и сделала анестезирующий укол. Мы сидели полукругом, наблюдая за каждым её действием. Она медленно ввела иглу в позвоночник и стала выкачивать жидкость. Лиз застонала, затем обмякла. Она была без сознания. Сестра закончила процедуру, спустила полученную жидкость в колбу и запечатала её. Процедура заняла полчаса. Затем охранники подняли Лиз с операционного стола и поволокли её обвисшее тело в камеру.

— И что? На этом всё? — спросила Ксения. — Ты уверен, что она не будет ходить?

— Уверен. После пункции желательно долго лежать не

вставая. А тут твои парни не особо церемонились. Эй, Лютер, ты ещё любишь Господа? Почему он не помешал нам.

Неудавшийся мститель господний молчал. Всё пропало. Это была последняя возможность противостояния надвигавшемуся забвению веры. Неужели Дьявол победил, и ничего не произойдёт? Теплившаяся глубоко внутри надежда на чудесное исцеление Лиз ещё поддерживала в нём жизнь. Через три дня его и жену отвезли на удаленную ферму с охраной. Он больше никогда не видел ни Ксению, ни её советника, только он и Лиз были вместе. Каждый день и каждую ночь он молился, убирая за ней утку, о скорейшем исцелении супруги. Но ничего не происходило.

Через три месяца после произошедших событий я включилась в избирательную гонку. Несмотря на то, что было очень неудобно всё время находиться в инвалидной коляске, я продолжала упорно работать. Каждую неделю врачи проводили осмотр и всё время говорили об улучшении моего состояния. На стене в моем кабинете висела фотография Франклина Рузвельта, только узнавшего о победе на выборах. Мне льстило такое сравнение и вселяло уверенность, что я справлюсь со свалившим на меня недугом быстрее, чем если бы, как Лютер, уповала на боженьку.

Вечером позвонил Алексей и сообщил, что Лютер застрелил жену и застрелился сам. Он оставил предсмертную записку:

«Ты, Сатана, нанес свой последний удар. И я согрешил дважды».

— Извини, Ксения, но я не совсем понял основную мысль... Ты меня слышишь? Ты уснула что ли?

Я ощутила, что меня кто-то тормозит, и открыла глаза.

— Прости, я наверное снова отключилась, — приятель смотрел на меня так, словно я только что материализовалась.

— Так всё-таки, что же там с религией и экономикой? — не отступал он.

— Позвольте вам немного разъяснить суть темы, - взял слово Алексей. — Наша цивилизация вступает в новый период, когда появилась возможность переложить большую часть рутинной работы на роботов. У людей появится куда больше возможностей заняться более творческой деятельностью, вместо того, чтобы вкалывать на производстве. До недавнего времени религия поддерживала уже существующие производственные отношения между трудом и капиталом. Новые технологии приведут к тому, что устаревшая мораль библейских мудрецов более не понадобится. Человечеству не нужно будет плодиться и размножаться только потому, что церквям нужно будет увеличивать количество прихожан, чтобы безбедно существовать и дальше.

— Вы хотите сказать, что люди не будут использовать освободившееся время на религиозные мероприятия? Я сомневаюсь в этом. На мой взгляд, полное занятие трудом, и желательно, тяжелым, не оставляет место для религии, — возразил мой знакомый.

— Вся история опровергает это утверждение, — ответил Алексей. — Судите сами: когда больше всего люди следовали религии? Тогда, когда приходилось много и неустанно работать. Религия была отдушиной от тяжелого труда. Когда же тяжелый труд исчезнет, люди откроют для себя более сложные и интересные сферы деятельности вместо легких ответов на все вопросы, которые предлагает любая религиозная система.

— Значит ли это, что сатанизм, который вы тут защищаете, подходит под определение «любой религиозной системы»? — парировал приятель.

— Нет. Потому что сатанизм не любая религиозная система, а религиозно-философское мировоззрение, требующее искать нелегкие ответы на простые вопросы.

— Так что же всё-таки нам всем ожидать? — не унимался собеседник.

— Новая индустриальная революция, искусственный интеллект, увеличение продолжительности жизни — всё это лишит религии прошлого основ, на которых они зиждились тысячелетиями.

— И дьявол это поддерживает? — усмехнулся скептик.

— Это будет последний удар Дьявола! — ответил Алексей и поставил чашку на стол, сделав последний глоток чая.

Я со вниманием слушала этот разговор, всё еще продолжая прокручивать в голове видения своего сна. Когда я остановилась, то, повернувшись к Алексею, увидела, что его нет, а рядом с чашкой лежал медальон с Печатью Бафомета.

— Он нас покинул? — спросили друзья. — А что это, прощальный знак или он его забыл? — они смотрели на медальон, который я держала в руках.

— Нет. Если он его оставил, значит мы скоро снова увидимся, — ответила я и надела медальон себе на шею.

Анонс от Ксении Давыденко:

Сёстры

Пролог

Я вылезла на пригорок, чтобы согреться в лучах утреннего солнца. После нервного срыва приятное тепло на руках успокаивало и дарило надежду. Казалось, лучи света проникали через пальцы в самую душу и согревали ее. Протянув руки вверх, я наблюдала, как небо на глазах меняет краски. Вместо темной бездны звезд над нами постепенно простирался перламутрово-голубой океан. С появлением солнца душевное волнение спало, в меня проникли уверенность и сила. Сложив руки, закрыв глаза, я помолилась Богу, и Он ответил мне закружившим над нами стервятником. Среди утренней тишины раздался шум его крыльев, и только потом я увидела птицу. Желтый карлик поднялся над горизонтом, рассеяв последние тени и туман. Свет был столь ярким, что мне пришлось опустить вниз голову и увидеть свои руки. На них была кровь.

Невидимая титаническая сила сковала, парализовала меня. Я застыла на месте, но знала, что мне нужно обернуться назад. От нахлынувших воспоминаний кожа покрылась мурашками, но чувство глубокой привязанности и любви к своей сестре было выше страха. Я посмотрела на Эмилию, продолжавшую уродовать тело убитого нами отца Луиша. Изломанные камнями ребра ходили ходуном под давлени-

ем ее рук, тело было похоже на желе. Я подошла к нему, но Эмилия не замечала меня, а на ее лице застыла улыбка. На груди мертвеца она вырезала крест. Колочая проволока крепко впилась в шею, из нее все еще сочилась кровь, в красной луже под моими ногами барахтались муравьи. Они же бегали по лицу пастора, видимо, во время борьбы он угодил головой в муравейник. Лицо застыло в немом изумлении, рот и глаза были открыты. Насекомые уже распробовали его, забегая в поисках еды в нос и уши.

Нам нужно было избавиться от тела. Я предложила разрезать его на части и скинуть в реку к крокодилам. Сестра, все это время восседавшая на теле Луиша, откинувшись в изнеможении на спину и раскинула руки:

— Утро, как прекрасно...

Я стояла над ними, наблюдая, как тело священника покрывалось насекомыми, и мне хотелось действовать быстрее. Измученная Эмилия только пыталась прийти в себя. Я легла рядом и обняла ее, услышала, как быстро колотится ее сердце, как легкие набирают полную грудь воздуха. Что будет с ней? Невинная душа, ставшая жертвой чужих грехов.

Узнав о том, что священник насилует приходских детей, она пришла в ярость и родила этот план. Пусть это грех, но по-другому мы не могли остановить этого. Бог обязательно простит нас.

Я взяла нож из ее руки и повернулась к священнику — мне предстояла тяжелая работа. Я начала с шеи, как мне показалось, самой тонкой части его тела. Кровь хлынула из-под ножа, связки и сухожилия противились мне, но за пять минут мучений все вышло как надо. Я решила сходить с его головой к реке, чтобы развеяться: внутри полыхал жар, тошнота подкатывала к горлу. Река была близко, метров пятьсот. Сестра продолжала лежать прищурившись, наблюдала за мной. Схватив голову за короткие и густые волосы, я бы-

стро направилась к Конго.

Шум реки не заставил себя ждать, он был слышен за сотню метров. Спустившись к реке, я встала на берегу, в пяти метрах от беспокойного течения, и стала ждать. У воды веяло прохладой и влагой, зеленая трава блестела от росы. Раньше мы часто видели тут крокодилов, наверняка они и сейчас тут, рядом, только и ждут, когда я брошу им его голову. Но нужно действовать, как задумано, нельзя отступить от плана, это все разрушит. Я ждала минут двадцать, пока не услышала позади голос сестры:

— Помоги, я почти дотащила его. Осталось полсотни метров.

Она была просто чудом — моя дорогая сестра Эмилия. Я действительно любила ее.

После того, как тело святого отца было брошено в реку, мы с сестрой навсегда покинули родные места. Холод ночи, постоянный голод и страх стали нашими спутниками на протяжении трех утомительных дней. Идя сквозь кустарник и лес вдоль реки, мы вышли на небольшую деревню из пары десятков домов. Истощение взяло верх над страхом, и мы попросили у старейшины кров и еду. К счастью, старик еще ничего не знал о произошедшем и любезно согласился предоставить Софии и Беатрисе (так нас теперь звали) ночлег и пищу. За это мы должны были проработать у него в поле два дня.

Нарушать условный договор нам не давала совесть. Оценив его доброе расположение, мы решили отплатить старейшине трудом. Местные смотрели на нас с любопытством, угощали фруктами и даже немного помогали с работой. Вот и последняя ночь, нам пора было уходить. Беатриса, так теперь звали Эмилию, произнесла перед сном лишь одно слово — Матади*. Это означало, что мы укроемся за границей, в Доминиканской Республике Конго. В этот момент я забоялась больше, чем когда сдавливала отцу Луишу горло.

Страна, в которой не существует никаких прав. Мир, полный бедности, боли и насилия. Я знала, что Эмилия задумала это сразу, но промолчала: разве у нас был выбор?

Рано утром старейшина пожелал нам доброго пути и дал немного сушеной рыбы. Мы тронулись в сторону города. Пройдя пять километров от деревни, Эмилия прислонилась к дереву и обхватила руками голову. Я смотрела на сестру и ждала от нее решений.

— Дорогая, — Эмилия встала и посмотрела на меня, — как ты думаешь, мы уже в розыске?

— Да, мы оставили слишком много следов, они нас ищут.

— Тогда этой ночью мы поплывем через реку.

Приказ. Вердикт. Приговор.

Знаете, если вы хотите покончить жизнь самоубийством, то сразу, не задумываясь, прыгайте в Конго. Вопрос о том, чтобы не встретить на этом участке реки крокодила, даже не стоит. Главная заковыка в том, поела уже рептилия или еще нет. Но если тебе улыбается удача, то для тебя найдутся водовороты, подводные течения и плывущие на тебя на огромной скорости бревна. Если вам кажется это мелочью, то представьте, что вы пытаетесь забраться на дерево, а сверху на вас падает рельс. И все это ночью. Стоит добавить, что само течение этой реки — одно из самых мощных в мире, это чудовище переносит порядка сорока тысяч кубических метров в секунду. Для того, чтобы тонны воды не унесли твоё тело в Атлантический океан, нужно будет грести под сорок пять градусов против течения, и тогда, возможно, у тебя есть шанс.

— Я думаю, Вико — невыразительно произнес он, — это не самая лучшая идея, если мы проследуем по их пути. Джон уже привык к тому, что командор часто одаривал его резкими предложениями заткнуться. — Я бы лучше предложил...

— Я тебе предлагаю пошевеливаться, у меня есть план.

Джон не обиделся на то, что его так резко прервали и не дали договорить. Он посмотрел на двух удаляющихся беглянок и пошел за командором.

Две маленькие монашки идут к реке, над ними в небо уходят огромные шестидесятиметровые деревья, кустарник цепляется за ноги, пытаюсь их остановить, но тщетно. Душно, жарко, влажно. Две сестры опускаются перед рекой на колени. Даже если они и молят сейчас Бога, то этот бог для них — Конго, река, поглотившая все реки. Эмилия показывает рукой огонь на горизонте и говорит, что это ориентир, на который нужно грести. Они заходят в воду. Темно. Холодно. Страшно. Тут небольшая заводь, и течения почти нет, но и дна тоже. Конго — самая глубокая река в мире. Проплыв всего лишь пару десятков метров, мы очень тяжело дышали. Мое тело гудит, болят руки. Я потеряла из виду ориентир, наверное, он был виден только с берега, а на реке его заслонили деревья. Впереди Эмилия, я немного отстала от нее, всего пять метров, но вижу сестру, спасибо звездам. Справа на нас летит бревно. Я кричу Эмили, чтобы предупредить ее об опасности. Она слышит меня, но бревно совсем близко — налегает руками на воду вперед, я же плыву против течения. Огромное бревно рассекает между нами поверхность воды. Десять секунд, и я теряю сестру из вида. Эмили нигде нет, кричу и продолжаю плыть на ориентир в надежде, что она там. Оглядываюсь в разные стороны и зову, зову ее. Сбилось дыхание, течение понесло меня, это центр реки. Пульс бьет в голову. Нужно плыть на берег, я умру, если останусь тут. Руки почти онемели от усталости, кажется, борьба с рекой длится вечность. Но я вижу берег и я доплыву. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох, и я у цели. Мне повезло — берег пологий. Мне удастся выползти на него, отдышаться за считанные минуты. Очнувшись от страха, бросаюсь вниз по течению искать сестру. Сто метров ниже по адским зарослям, кишашим ядовитыми змеями и насеко-

мыми. Сто метров ободранных ног, боли в сердце, криков и надежды. И я нашла ее.

Продолжение следует...

Матади* — город в Республике Конго

Для заметок

"Что было, если бы они додумали положение
управляющего класса? Как саманислы стали бы
использовать возможности управления?
Каких идей бы они придерживались?
Как они управляли бы массой?..."

Если обстоятельства принуждают
саманисла принимать участие в делах
правительства, то умный саманисл либо
пытается стать тем, кто держит за
веревочки, либо, что более вероятно, его
помощником. Находимся за спиной лидера
обычно более безопасно. Лидер - всегда
мишень, тогда как советнику при смене
начальства часто удаётся сохранить своё
положение."

Пример Ж. Фулмор "Саманиские Планы"

Повесть о сложной борьбе с религиозным
фундаментализмом, которая была на
долю женщины-президента и её
советника, столкнувшихся с
необходимостью реформирования
общественных отношений в своей стране.
Стойкость в жёсткой схватке с
трактуемом привела к революции в
общественном сознании и политическом
климате.